

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

Ветер и искры

Москва, 2018

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

Тетралогия
в одном
томе

- Искатели ветра •
- Ветер пылини •
- Жнецы ветра •
- Искра и ветер •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2005 году
Выпуск 72

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю.

П23 Ветер и искры: Искатели ветра; Ветер польни; Жнецы ветра; Искра и ветер/Послесл. К. Савельева.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018.— 1151 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0335-6

Мир Хары утратил самое ценное — знание. Все, что тысячелетие назад было обыденным и привычным, теперь кажется сказкой. За жалкие крупички великого искусства прошлого маги ведут кровопролитные войны.

Самая страшная и беспощадная война вот уже пять веков длится между теми, кто правит миром, — Ходящими и Проклятыми. Тьма и свет, некромантия и целительство сплелись в смертельный тугой клубок, уничтожающий всех, кто посмеет к нему прикоснуться. Нэсс и Лаэн бросают вызов носителям Дара, чтобы спасти свою жизнь.

Что станет ставкой в их игре — совесть, любовь, деньги, знания, бессмертие?..

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0335-6

© Пехов А. Ю., 2009
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009

• Искатели ветра •

ПРОЛОГ

В эту ночь Луку не повезло. Пришлось заступать в чужую смену, да еще и толком не выспавшись. Ежась от утренней прохлады, стражник постукивал ногами и грел в рукавах озябшие пальцы. Каждую уну¹ его мысли возвращались к грандиозной пьянке, которую должны были устроить в пятой казарме в честь праздника Имени. Основная часть гарнизона намеревалась начать с утра пораньше, а он тут ерундой занимается!

— Лопни твоя жаба, — пробормотал солдат и шмыгнул покрасневшим носом.

Если комендант боится несуществующих врагов, почему не приказал закрыть ворота? Последние годы огромные сорокаярдовые створки стоят нараспашку даже ночью, и ни одна крыса так и не осмелилась через них проскользнуть. Для чего усиливать караулы, если гораздо проще опустить решетку.

Проклятый тупой капитан! Проклятый сержант! Проклятая судьба, лопни твоя жаба!

Бормоча под нос ругательства, Лук направился по стене от башни Льда к башне Огня. По пути кивнул приятелям, пьющим горячий шаф², услышал очередную шуточку в свой адрес, вяло отбился и поскорее пошел прочь, пока ему не напомнили о долге. Отдавать деньги Лук не слишком любил.

Врата Шести Башен — величайшая крепость мира, созданная самим Скульптором, перекрывала единственный перевал через западную часть Самшитовых гор. Легендарная цитадель за свою тысячелетнюю историю выдержала не один штурм, но ни разу не была взята. Армия Наботора сломала о серые камни зубы и потеряла много воинов. Чтобы заставить крепость сдаться, потребуется нечто более прочное, чем сталь и храбрость.

Пока существуют Врата — мягкое «подбрюшьё» Империи надежно защищено.

Лук увидел, как из башни Дождя на стену вышли две женщины. Хо-

¹ В сутках — 24 нара. В наре — 60 минок. В минке — 60 ун. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Г о р я ч и й ш а ф — слабый алкогольный напиток со специями, настоянный на хмеле и различных травах (чабрец, ромашка, зверобой, липа). Х о л д н ы й ш а ф — бодрящий напиток без алкоголя, изготавливается преимущественно из мяты и ромашки.

дящая и Огонек. Маги о чем-то беседовали, и стражник, не решаясь прервать их разговор, остановился. Отвернулся к бойнице, разглядывая окрестности.

Он родился в небольшой степной деревушке и даже теперь, через шесть лет после того, как увидел заснеженные пики, не уставал поражаться красоте горных вершин. Врата, построенные между двух хребтов, перекрывали въезд в долину, откуда начиналась дорога в глубь страны.

В былые годы на юг шло множество караванов. Оружие, шелка, ковры, пряности, лошадей и сотни других товаров провозили через Врата из далеких земель. Но золотые времена миновали, дорога опустела. Лишь местные пастухи да разведчики, которых комендант то и дело рассылал по соседним ущельям, осмеливались ходить по старому тракту и лезть в негостеприимные горы.

Хотя с разведкой в последнее время творилось что-то странное. Уже второй отряд северян задерживался. А ведь по всем срокам давно должен был вернуться. Командор бесился, срывал зло на капитанах, а те соответственно на сержантах и простых солдатах.

Стражник, в отличие от офицеров, втайне радовался, что десяток, в котором служит рыжий Га-нор, все еще гуляет по окрестностям. Лук должен северянину деньги. А с монетами у него не очень. В последний раз слишком много продул в кости. Почти все месячное жалованье ушло на раздачу долгов, лопни твоя жаба! Сейчас в кошельке остался один сол¹ — это не те деньги, которые согласится принять Га-нор, а отдавать придется, северяне народ прямой, коли что не так — сразу в зубы.

Солдат высунулся в бойницу, смачно плюнул. С надеждой проследил за плевком, мечтая попасть в какого-нибудь зазевавшегося олуха, но под стеной, к вящему разочарованию Лука, никого не наблюдалось. Он в сотый раз за утро выругался и вернулся к созерцанию окрестностей.

Перед Вратами раскинулся небольшой городок. Низенькие домики были сложены из круглых камней и глины, взятой с берегов ближайшей горной реки. В поселении жили семьи пастухов, торговцев шерстью и искателей серебра. Людей нисколько не пугало, что они живут на самой границе. Крепость неприступна, солдаты опытные. Сюда никакие горные племена не сунутся. Они уже не раз получали по носу и знают, что Врата не взять. Быстрее прогрызть под горами проход, чем обрушить могучие стены неприступной цитадели.

В воздухе, несмотря на раннее лето, пахло легким морозцем. Солнечные лучи окрасили розовым снежные пики кутающихся в дымку гор. Светило медленно поднималось из-за восточных кряжей. Еще минка, и снег на вершинах засиял столь ярко, что Лук зажмурился и вновь помянул жабу.

Когда стражник открыл глаза, он увидел, что на пустой утренней дороге показались два тощих мула, тянущих старенький фургон. С такой

¹ Сол — мелкая серебряная монета.

высоты тот был не больше ладони, но Лук никогда не жаловался на плохое зрение и прекрасно разглядел, что на козлах сидит женщина.

Одета едва ли не в лохмотья. С виду — настоящее чучело. Воин недоменно нахмурился. Кто-то из поселенцев вздумал направиться в Ельничий брод? До него пятнадцать лиг. Везти шерсть на ярмарку, устроенную в честь праздника Имени, глупо. Для успешной торговли следовало выезжать наров на шесть раньше. Теперь же только зря животин гонять. Если и поспеешь, то к самому закрытию торговли.

Странный фургон. Незнакомый. И баба эта... Точно нищенка...

Лук, нахмурившись, попытался вспомнить, у кого в городке два столь исхудалых мула и повозка с синим верхом в придачу? Перебор знакомых имен и прозвищ ничего не дал. Если стражника не подводила память — такой рухляди он ни у кого не видел. За время службы ему не раз довелось стоять у Створок, и всех, кто отправлялся по делам в Ельничий брод, солдат хорошо знал.

Тут одно из двух. Во-первых, мало ли кто проехал в городок, пока была не его смена? Во-вторых, неизвестный фургон мог притащиться из-за перевала. А следовательно, из самого Наботора.

Странной повозке оставалось проехать до Врат ярдов двести, когда Лук окликнул болтавшего с двумя другими стражниками приятеля:

— Эй, Рек!

— Чего тебе?! — недовольно откликнулся тот.

— Глянь.

Рек недовольно заворчал, но все же повернулся в указанном направлении. Несколько ун он с безразличием смотрел на дорогу, а затем перевел взгляд на Луку:

— И что?

— Знаешь такую?

— Нет.

— Вот и я нет. Уж не с перевала ли?

Услышав про перевал, остальные солдаты высунулись в бойницы.

— Капитану бы сообщить... — неуверенно протянул Рек.

— Вот сам и сообщай, — пробормотал Лук. Но потом все же порекомендовал:

— Крикни вниз, чтобы проверили, чего там и как.

Рек отвернулся от бойницы, приложив руки ко рту, зычным голосом рывкнул стоявшим во внешнем крепостном дворе стражникам. В этот самый момент из казармы появился капитан с двадцатью несчастными, обреченными заступать на службу в праздник.

Между тем двое стражников вышли за стену и не спеша направились к фургону. Еще с десяток, в основном любопытствующие, встали у Створок. Женщина натянула поводья и что-то ответила на вопрос солдата. Лук бы дорого дал за то, чтобы слышать, что именно. Через мгновение он увидел, как из фургона выскочили восемь человек. Шестеро оказались облачены в доспехи и прилично вооружены. От вида еще двоих кровь за-

стыла в его жилах, а в животе неприятно закололо. Они носили белые ба-лахоны!

Некроманты Сдиса!

Стражник хотел крикнуть, привлечь внимание Ходящей, но от страха у него пропал голос. Вытаращив глаза, он смотрел на то, как воины в цветах набаторского королевства убивают опешивших солдат и бегут к цитадели.

Внизу завязался бой.

Что-то треснуло, взвыло, зашипело, и капитана вместе с его людьми кровавыми ошметками разметало по крепостному двору. Посох одного из сдисских колдунов излучал серое сияние.

Вновь громыхнуло, на этот раз не в пример громче прежнего, и от некроманта и ближайшего к нему набаторца осталось мокрое место. Ходящая призвала Дар, а Огонек стояла рядом, прижимая ладони к спине Госпожи.

— Врата! Закройте Врата, лопни твоя жаба! — взревел опомнившийся Лук.

Он увидел, что со стороны городка к крепости во весь опор скачут несколько сотен всадников. Рядом с набаторцами, не отставая от лошадей ни на шаг, бежали худые, похожие на черных скелетов создания.

Морги!

Рек оказался у огромного рога и, набрав в легкие воздуха, дунул. Низкий рев разнесся над башнями, возвещая о тревоге и поднимая гарнизон на ноги. Отовсюду бежали ничего не понимающие люди. Многие были без оружия.

Створки ворот, наконец, дрогнули и начали медленно закрываться.

Слишком медленно.

Под стеной кипел бой. Шестерка набаторских воинов при поддержке уцелевшего колдуна могла продержаться до прихода основных сил. Загрохотала опускаемая решетка, затем еще одна. Тут же взревело, и по крепостному двору разнесся предупреждающий крик, что «колдун сжег решетки».

Если Ходящая в ближайшие уны ничего не сделает — дела плохи.

Словно отвечая на мольбу Лука, воздух замерцал, сгустился над Госпожой и Огоньком, превращаясь в гигантское многогранное ледяное копьё. Оно развернулось, нацелилось на сдисца... В это время сидевшая на козлах фургона женщина отвлеклась от созерцания схватки и вскинула руку.

Грохнуло!

Луку на мгновение показалось, что он умер и оказался под барабаном бога северян — Уга. В ушах звенело, вокруг висела плотная завеса пыли. Стражник с удивлением понял, что упал.

Он ошеломленно потряс головой, встал на четвереньки. В ушах шумело, по лицу, кажется, текла кровь. Сплевывая попавший в рот песок и

отчаянно кашляя, он с трудом встал на ноги и бросился туда, где стояла Ходящая.

Гигантские камни, сложенные в стену великим Скульптором, оказались вырваны и разбросаны на сотни ярдов. Одна из глыб упала на казарму второй роты, превратив ее в руины. Другая, пущенная точно из катапульты, — разбила фасад башни Дождя. Третья рухнула на дорогу, раздавив в лепешку пяток набаторцев вместе с лошадьми и троих зазевавшихся мортов.

Участок стены, по которому пришелся удар магии, оказался сильно поврежден. Словно великан молотом ударил. Но Ходящая была жива. Позабыв недавнюю робость перед владеющей Даром, Лук бросился к женщине. И содрогнулся. Таких ран он не видел за всю службу и теперь старался смотреть только на уцелевшее лицо. Лишь сейчас он понял, что ей не больше девятнадцати лет и у нее небесно-голубые глаза.

Она улыбнулась и сказала очень тихо, но удивительно внятно:

— Передай сестрам, Корь вернулась.

Проклятая!

— Вы уверены, Госпожа? — пролепетал задохнувшийся от ужаса Лук.

Ходящая не ответила. Глаза ее погасли, и стражнику отчего-то ужасно захотелось плакать.

Черeda магических ударов обрушилась на Врата. Они уцелели, но перестали закрываться. Передовой отряд набаторцев продержался ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы всадники и морты влетели во двор.

Началось избиение. То и дело серым полыхал посох дисца.

Проклятая все так же сидела на козлах фургона и со скукой наблюдала, как бесконечная сине-черная лента втягивается в павшую цитадель...

ГЛАВА 1

День выдался жарким, и коровы, лениво пережевывая жвачку, прятались от полуденного зноя в тени бредняка¹. Замученный оводами годовалый теленок по пузо залез в реку и то и дело окунался, сгоняя с себя злощих насекомых. Пегая мамаша протяжным мычанием пыталась выгнать сынка из воды, но тот был слишком занят и не обращал на призывы никакого внимания...

Порк огорченно вздохнул и отложил самодельную дудочку в сторону. Какая тут может быть музыка, когда вокруг такой шум? Проклятущая корова не унималась. Надо бы выгнать теленка из реки, да лень. И без толку это. Опять забредет.

День казался бесконечно долгим. Кувшин молока опустел наполовину, хлеб остался нетронутым. Есть не хотелось. Работать, впрочем, тоже.

¹ Б р е д н я к — кустистое растение, обычно встречающееся у берегов рек.

Пока деревенская ребятня ловила форель и играла в рыцарей, ему приходилось присматривать за буренками. Впрочем, брать в свои игры великовозрастного деревенского дурачка дети не хотели. Порк соответственно ужасно обижался, не понимая, почему все над ним смеются и крутят пальцем у виска.

Зевнув, он уже собрался поспать, благо тень от кустов, где он разлегся, еще не скоро уползет в сторону, но тут заметил, что вдалеке, на дороге, появилось четверо всадников. Не торопясь, они перебрались через реку по крепкому, срубленному крестьянскими руками деревянному мосту и, добравшись до Лысого камня¹, направились в сторону деревни.

Выпятив нижнюю губу так, что слюни потекли на рубаху, Порк с интересом смотрел на незнакомцев.

Желающих заглянуть в Песью Травку всегда было немного. Деревня находилась в нескольких лигах от отрогов Самшитовых гор, среди дремучего Лесного края. Сюда редко кто приезжал.

Всадники совершенно не походили на сборщиков податей Наместника. У тех — красивые черно-белые мундиры, которые Порк очень мечтал примерить, а у этих — простые кожаные куртки да льняные рубахи.

— И герольда с трубачами нет, — забормотал дурачок под нос. — Не-е-е, воины Наместника куда лучше. Правда, у этих мечи тоже есть. Острые. Гораздо острее отцовского ножа, которым Порк порезался до крови. Больно было, ух! А у одного даже арбалет. Наверное, настоящий. Из такого стрельнешь — дырка будет. Был бы у Порка арбалет, больше бы никто над ним не смеялся. У Гнута есть лук, и над ним не смеются. Не-е-е!.. Его девушки любят. Да. И лошади у этих дядек лучше деревенских. Такие враз растопчут, мокрого места не останется. Рыцарские кони. Когда Порк уйдет из деревни, тоже рыцарем станет. Дев спасать будет. Но эти дядьки — не рыцари. Где тогда разноцветные гербы, плюмажи и доспехи? У каждого рыцаря должны быть! А тут нету. Если они и рыцари, то — неправильные. Да. А мож, это разбойники? Не, тоже не похожи... Даже пятилетняя мелкота, которую родители не отпускают в лес за грибами, знает, что разбойники так смело по дорогам не разъезжают — иначе солдаты Наместника повесят их на ближайшей осине. Да и таких рыцарских коней у разбойников нет. А еще все разбойники злые, трусливые, грязные и с ржавыми ножами в зубах! Эти не такие. К тому же что им делать в деревне? У местных отродясь ничего ценного не было. Разве что лихие людишки, как называл их отец, ршат брюкву у старой Розы спереть.

Порк представил, как шайка немых, заросших бородами, сжимающих в зубах тесаки мужиков, кряхтя, перелезает через плетень и, испуганно озираясь по сторонам, выкапывает из грядок злой бабки брюкву. А та стоит на крыльце, потрясает клюкой и костерит недотеп на чем свет

---

¹ Лысый камень устанавливают на всех перекрестках. По поверьям, он не дает злу найти дорогу к домам людей.

стоит, призывая проклятия на их дурные головы. А может и клюкой кинуть, гадина. В Порка, когда он сломал ей однажды забор, кинула. Вот такенная шишка на голове была! Отец сказал, что Порк теперь точно поумнеет. Но ничего не случилось. Над ним, как и раньше, все смеялись, называли дураком и в игры свои не брали. Ну и не больно-то хотелось, если честно.

Один из всадников заметил пастуха, что-то сказал товарищам. Те съехали с дороги и через поле направились прямо к нему.

Поначалу Порк сильно струхнул. Хотел броситься наутек, но убежать — значит, оставить коров без присмотра. А ну, как разбредутся? Ищи их потом. Опять же, если корова в овраг забредет, обрешься, но не вытащишь. От отца крепко влетит. Не углядел — получи крапивой или хворостиной. Неделю на задницу не сядешь. Так что бежать — смысла нет. Да и до леса далеко. А эти вооруженные бугаи на лошадях. Догонят, тогда уж точно накостыляют. К тому же еще неизвестно, зачем они идут, а отец точно по голове не погладит. И, выбрав между явной и призрачной угрозой, Порк решил остаться на месте и посмотреть, что будет дальше.

Всадники приблизились, натянули поводья.

— Ты из деревни, приятель? — спросил самый пожилой из четверки. Худой, высокий, с острым лицом и глубоко посаженными умными глазами, мужчина смотрел на Порка без злобы. Приветливо и чуточку насмешливо.

Еще никто не называл Порка «приятелем». Пастуху понравилось, как это звучит.

— Ага,— кивнул осмелевший дурачок.

— Из Песьей Травки?

— Ага.

— Далеко до нее?

— Не. Не очень, дяденька. Вон за тем пригорком. Как на него забере-тись, так сразу и увидите.

— Добрались наконец,— с видимым облегчением выдохнул другой мужчина — с лицом, изъеденным оспой.— Хорошо же он заныкался, а, Кнут?

— Ты сомневался в словах Молса, Бамут? — усмехнулся тот, кто назвал Порка «приятелем».

Третий всадник — совсем молодой — ответил согласным ворчанием. Он Порку сразу не понравился. Хмурый и злой. Такой запросто по ушам надает. И смеяться будет.

— Трактир у вас есть?

— В таком-то захолустье?! До гор не больше десяти лиг, какие тракти-ры?! — сверкнул голубыми глазами молодой.

— Есть у нас трактир,— обиделся пастух.— Прямиком у дороги, если через деревню ехать. Большой такой. С трубой красной. Там пироги вкусные. И шаф. Мне раз отец дал попробовать. А вы зачем к нам? А мечи у вас настоящие? Подержать дадите? А лошади, они рудесской породы,

да? Ваши? Как у рыцарей! А я тоже скоро рыцарем буду. Быстрые, наверное? Вы сами не рыцари, случаем?

— Погоди, погоди! — весело рассмеялся худой. — Не все сразу. Экий ты торопливый, приятель. Давай вначале я спрошу. Коровы-то твои?

— Не. Я за ними гляжу. Ага.

— Нравится?

Пастух надулс я и посмотрел на мужчину обиженно.

Издевается. А еще «приятелем» звал. Он думал, что они уже друзья.

Человек вновь рассмеялся. Трое других всадников хранили молчание и даже не улыбались. Казалось, их совершенно не интересует разговор.

— А дворов в деревне сколько?

— Много. — Порк показал пальцы на руках. — Шесть раз по столько.

— А ты грамотный. Считать умеешь, — с уважением сказал человек.

— Не, — шмыгнул носом дурачок. — Мне отец сказывал, что так. Сам я не считал.

— Скажи, приятель, новые люди у вас в деревне есть?

— Это вы про людей Наместника, что ль?

— Ну, хотя бы и про них.

— Они еще в начале весны приезжали. Красивые. Важные. И на конях. Теперь только к концу осени ждем. А других не было. Все свои. Только лесорубы приходят.

— Лесорубы? — заинтересовался человек с оспинами.

— Ага, — довольный тем, что может вести важную беседу, поспешно кивнул Порк. — У нас они лес рубят, а потом по реке ажно в Альсгару славляют. Из наших деревьев, знаете, какие корабли, говорят, делают? Ого-го! Всем кораблям корабли. Они плавают. Да.

— И что лесорубы?

— Да не знаю я, дяденька. Они к нам на лето приезжают. Живут в землянках, за Земляничным ручьем. Злые. Меня однажды побили и рубаху новую порвали. Потом еще и от отца попало, за рубаху-то. Да. А осенью обратно уходят. Не хотят зимовать. Говорят, дороги снегом заваливает. Не выберешься до конца весны.

— Говорю же — болото, — бросил молодой.

— Не. Тут у нас горы недалече. А еще, говорят, Врата Шести Башен, тока я их не видел. А до болота идти надо через лес несколько дней. Там, знаете, какая топь? Пойдешь — утопишься.

— Вряд ли нашего друга следует искать среди лесорубов, — как бы между прочим бросил все это время молчавший, похожий на хорька котышка.

— Вот и я так думаю. А скажи-ка мне, приятель. Ты всех в деревне знаешь?

Порк подозрительно прищурился. Станные люди. Он им про злых лесорубов, а они опять про деревню. И про солдат Наместника спросили.

— Да ты не бойся, — с улыбкой успокоил его худой. — Мы нашего дру-

га ищем. Ему лет как вот этому, — он ткнул в сторону человека переболевшего оспой. — Волосы светлые, глаза серые, улыбается редко и из лука стреляет лучше всех. Знаешь такого?

— Из лука лучше всех стреляет Гнут, но у него волосы черные, а одного глаза и вовсе нету.

— С ним еще женщина. Высокая и красивая. Волосы светлые, длинные, и глаза синие. Ну, так что? Есть в вашей деревне такие люди?

— Может, и есть, — неохотно ответил пастух. — Некогда мне вспоминать. Коров пасти надо. Отец ругаться будет.

— Надеюсь, вот это улучшит твою память. — Всадник бросил Порку монетку.

Тот поймал ее, да так и остался с открытым ртом. Этот глупый дядька бросил ему целый сол! Теперь можно купить вкусных сладостей и съесть, пока никто не видит. Порк ни с кем делиться не будет. Пусть знают, как дураком обзывать! Пастух попробовал денежку на зуб и поспешно, чтобы не отобрали, спрятал к себе в котомку.

— Вы их здорово описали, да. И Парса и жену его — Анн. Я сразу узнал.

Мужчины переглянулись.

— Где нам их искать?

— Да очень просто. Он на окраине, недалеко от кузницы живет. У него дом приметный — на воротах коняшки с крыльями выточены. Красивые. Я таких же хочу. Как проедете через всю деревню, так и увидите.

— Давно он у вас живет?

— Не помню. — Дурачок наморщил лоб, усиленно вспоминая. — Давно.

— Бывай, приятель, — сказал худой.

Незнакомцы развернули лошадей. Когда они выбрались на дорогу, до них долетел крик Порка:

— Эй, дяденьки! Только Парс из лука стрелять не умеет. Он плотник!

— И надо тебе было с ним нянчиться, Кнут? — недовольно поинтересовался тот, кого Порк про себя прозвал «молодым». — Чего с дураком разговаривать? В деревне у любого встречного спросили бы.

— Ты меня еще учить будешь. Встречный — не придурок. За сол не купишь. Не знаешь ты деревенских. Упрутся рогом, если наши морды не поправятся, ничего не выведаешь.

— Пощекотать их ножичком.

— Ну, тогда уж дураком ты будешь, Шен, — усмехнулся Кнут. — Четверо против скольких? Это тебе не окрестности Альсары с забитым мужичьем. Местные при виде твоей железки наутек не бросятся и цацкаться с тобой не будут. Места тут дикие. Каждый за себя постоять может. Похватают топоры да дрыны, мало не покажется. Никакой ножичек не спасет.

— Ну, тогда мы сами могли бы все дома проверить. Где-нибудь да нашли бы его.

— У тебя все просто. Шестьдесят дворов! Сколько, по-твоему, нам понадобится времени, чтобы их объехать?

— Ну, нар. Может, два.

— Во-во. А если найдется добрая душа, которая побежит и предупредит его до нашего появления? А он решит, что с нами ему говорить не о чем. Тогда что? К Молсу ты сам пойдешь оправдываться?

Последний аргумент напрочь отбил у молодого желание спорить. Он недовольно поджал губы и умолк.

Между тем всадники взобрались на пригорок и увидели Песью Травку. Деревня располагалась по обоим берегам неширокой реки. Дурак обманул, дворов насчитывалось больше шестидесяти. Справа от дороги — небольшой погост, чуть дальше — вырубки. На том берегу — поля, на которые наступала угрюмая стена непроходимого леса. Деревня, затерянная на отшибе провинции, взята в кольцо лесов, невысоких холмов и множества оврагов.

Отряд Кнута добирался сюда от Альсгары долго. Последние дни приходилось ночевать под открытым небом. На лиги вокруг — ни одной таверны. Про сносную еду, вино и баб вовсе забыли. Только комарье да мошка. Хоть вой. Слава Мелоту, что они не встретили в дебрях ни лесных духов, ни говов¹. Держались дороги. Правда, если злые создания из чащобы не лезли, то звери — только так. Позавчера на них вышел откормленный медведь. Бамут схватился за арбалет, но пронесло. Отогнали бурого огнем, безо всякого кровопускания.

— Эта... А блаженный-то не сказал, на каком из берегов искать нашего плотника, — изрек изуродованный оспой Бамут.

— Найдём. Дела-то осталось всего ничего. Главное, добрались. — Кнут послал лошадь вперед.

Спутники, не мешкая, последовали за ним. Они проехали мимо погоста, у которого даже не было ограды. Миновали колодец, где две бабы ругались, кому первой набирать воду. И оказались в западной части деревни.

На них косились. Здесь редко видели чужаков, да еще и на лошадях. Но с вопросами не приставали.

Трактир всадники нашли быстро. Дом, и правда, оказался приметным. Большим, с красной трубой и разрисованными воротами. Хозяин, завидев постояльцев, чуть шафом не подавился. Выпучил глаза так, что Кнут начал опасаться, что трактирщика хватит удар.

Свободные комнаты конечно же были.

— Редко к нам гости заезжают, — пряча полученный от невысокого гостя сорен², торопливо бормотал хозяин. — Пожалуйте, пожалуйста.

¹ Г о в — разновидность низших демонов.

² С о р е н — золотая монета.

Если кто и едет, так сразу к Ельничному броду. Мы на отшибе. Откушать желаете? Быстро все приготовим, ахнуть не успеете.

— Как ты тут не разорился? Постояльцев-то, поди, мало?

— С середины весны никого не было. Только благодаря дровосекам да нашим живу. Шаф и вино приходят пить. Но это к вечеру. А сейчас у меня пусто. Стеснения ни в чем у вас не будет. Проходите, проходите. Слава Мелоту, пославшему вас к моему скромному очагу!

— Кузнец-то в вашей деревне есть? Лошадь хромает, — как бы между прочим поинтересовался Кнут.

— Конечно! Старый Морген. Прямо по дороге, господин хороший. Потом направо, через нашу площадь и до конца деревни. У самого леса. Не ошибетесь.

Шен и Бамут многозначительно переглянулись и вновь запрыгнули в седла. Кнут и невысокий, отзывавшийся на кличку Гнус, последовали их примеру.

— Подготовь комнаты и ужин, — бросил через плечо старший. — Мы скоро вернемся.

Трактирщик поспешил уверить добрых господ, что все будет в лучшем виде, и убежал исполнять поручение. Ему и в голову не пришло подумать о том, зачем к кузнецу отправились все четверо, когда лошадь захромала только у одного.

— По словам дурачка, это где-то недалеко от кузницы.

— Если он не наврал, — заметил Шен.

Кнут хмыкнул. Щенок мечтает, чтобы дурак их обманул. Это было бы отличным подтверждением того, что командир ошибся.

Не дождется.

Кнут не очень понимал, зачем Молсу понадобилось разбивать их испытанную троицу четвертым. Шен слишком молод для того, чтобы думать. Вначале делает и лишь после осознает последствия. Глупо. Так долго и подохнуть.

— Если наврал, вернусь и утоплю в реке, — стараясь не показывать раздражения, ответил Кнут. — В любом месте всегда найдется дурак, готовый выдать ближнего своего.

Они медленно ехали по улице, внимательно посматривая по сторонам. Из-под забора с визгливым лаем вылетела грязная, лохматая псина. К лошадям подбежать не посмела, но поливала всадников бранью до тех пор, пока те не скрылись из виду.

— Кажется, нашли. — Гнус кивнул на ворота. — Вот «коняшки».

Действительно, на деревянных воротах были выточены тонконогие лошади с лебедиными крыльями. Дом, который они искали. Большой, светлый, сложенный из сосновых бревен.

— Вот видишь, Шен, — улыбнулся Кнут. — Хотя бы иногда следует доверять людям. В том числе и дуракам.

Молодой лишь скривил губы.

— Бамут, останься. Пригляди за лошадьми,— приказал командир отряда.

— Эта... А если он огородами дернет?

— Плохого же ты мнения о нашем друге.

— Люди со временем меняются. Эй! Эта! А ну-ка, оставь арбалет в покое!

Последние слова были обращены к Шену, потянувшемуся за притороченным к седлу оружием.

— С чего бы? — не понял тот.

— Делай, что велят,— поддержал товарища Кнут.— Мы приехали поговорить. Спокойно поговорить. Эта штука может все испортить.

— Да вы никак боитесь, ребята?!

— Не твоего ума дело, чего мы боимся, а чего нет,— влез в разговор Гнус.— Твоя забота помалкивать!

Коротышку Шен уже давно выводил из себя. Велика вероятность, что рано или поздно они крепко поцапаются, и после ссоры один уже никогда не встанет. Кнут ставил на Гнуса. Опыта, замешенного на жестокости и коварстве, тому не занимать. Сколько душ за пазухой у маленького убийцы, знает только Молс.

— Заткнулись оба! — зарычал Кнут, видя, что молодой держит арбалет уже не так небрежно, как раньше.— Все разборки в городе, когда вернемся, если у вас появится такое глупое желание. А сейчас у нас общее дело. Не хватало, чтобы вы тут поножовщину устроили. Сразу говорю, если сцепитесь — вылетите из гильдии быстрее, чем Молс успеет подумать о ваших именах. Я ясно выражаюсь, тупицы?

— Ясно, командир.— Гнус убрал руку с ножа.— Погорячился.

— Все понятно,— покладисто согласился Шен, передавая арбалет Бамуту.

— Тогда давайте делать то, зачем приехали. Говорить буду я. Не дергайтесь. Шен, тебя это в первую очередь касается.

— Да понял я, понял! Что ты со мной как с маленьким?

— Потому что рубить капусту мечом это одно, а разговаривать с огородником — совершенно другое.

Сказав это, Кнут открыл калитку и вошел во двор, сразу увидев того, кого искал.

Раздетый по пояс человек колот дрова. Шен слышал о нем от своих приятелей, но представлял совсем другим. Здоровым, сильным, с большими ручищами и огромными кулаками. Тот, кого в Альсгаре знали как Серого, совсем не соответствовал образу, созданному воображением Шена. Мужчина не был здоровяком. И не казался гигантом, способным одним движением открутить голову быку-пятилетке. Ничего угрожающего. Худощавый и жилистый. Ни капли лишнего жира, но и бугров мышц не заметно.

Шен и раньше знал подобный тип людей. Силы им не занимать, вон

какие жгуты жил на руках. Крепкий парень. И, наверное, выносливый, как сотня блазгов. Тяжеленный колун так и летает.

В этот момент человек прервал работу и увидел гостей. Прищурил серые глаза и небрежным движением поменял хват на колуне. Этот жест не укрылся от внимания вошедших. Шен напрягся и замедлил шаг, Гнус бросил быстрый взгляд по сторонам. Лишь Кнут остался спокоен. Он улыбался, только настороженные глаза говорили о том, что командир напряжен, точно взведенный арбалет. Не дойдя до хозяина дома пяти ярдов, посланник Молса остановился.

— Здравствуй, Серый.

Тот вызывающе помолчал, затем все же ответил:

— Здравствуй, Кнут.

— Как поживаешь?

Плотник нехорошо усмехнулся:

— Неплохо. До сегодняшнего дня.

Кнут предпочел не заметить усмешку хозяина:

— Хорошо обосновался. Глушь, лес, река, никакой городской суеты.

И дом отличный.

— Не жалуюсь, — последовал сухой ответ. — Что тебя сюда привело?

— Дела конечно же. Мы можем поговорить?

— Странно... Я думал, именно этим мы сейчас и занимаемся.

— В дом не пригласишь?

— Там грязно, — последовал угрюмый ответ.

Кнут хмыкнул:

— Шесть лет прошло, а ты ничуть не изменился. Все так же не рад гостям.

— Семь, если быть точным. Привет, Гнус.

— Привет, Нэсс. Не думал, что когда-нибудь тебя увижу. Ловко ушел на дно.

Хозяин пожал плечами:

— Раз вы нашли, значит, не так хорошо, как хотелось. Следует полагать, что Бамут остался за воротами?

— Ты же его знаешь. Не любит парень ходить по гостям. Тебе привет от Молса.

— Старый добрый Молс... — протянул плотник. — От него сложно скрыться.

Хозяин дома сделал шаг вправо и вперед, обходя наколотые дрова, и Гнус как бы невзначай скопировал его движение, отшагнув назад. В отличие от Шена, маленький убийца предпочитал сохранять между собой и недружелюбным хозяином дистанцию. Нэсс впервые за время разговора понимающе улыбнулся и воткнул колун в колоду. Провел рукой по соломенным волосам.

Напряжение немного спало.

В этот момент на крыльце появилась высокая молодая женщина. Светлые, почти белые волосы стянуты в тугую косу, длинная черная

юбка, льняная рубаха. Она увидела незнакомцев, и в синих глазах сверкнул гнев, а тонкие губы сжались в прямую линию. Тень набежала на ее лицо, и Кнут помимо воли потянулся к кошельку. Там у него лежал благословленный жрецом Мелота талисман. Он знал, что амулет против нее не поможет, но глупое суеверие оказалось сильнее его. Лишь в самый последний момент одернул себя, убрал руку.

Теперь ему приходилось не упускать из виду и мужчину и женщину.

— Доброго дня, Лаэн.

Она проигнорировала приветствие. Посмотрела на мужа. Тот ответил ей тем же. Казалось, что они разговаривают мысленно. Лаэн развернулась и вошла в дом. Перед тем как закрыть за собой дверь, бросила на незваных гостей предупреждающий взгляд.

Гнус облегченно перевел дух. Все время, пока женщина находилась на крыльце, он не дышал.

— Кажется, раньше вы работали втроем? — спросил у Кнута Нэсс.

— Работали.— Командир скорчил кислую мину, показывая, как он счастлив тому обстоятельству, что ему всучили четвертого.

— Ладно, говори, зачем пришел.— Хозяин надел рубаху.

— Молс шлет тебе привет.

— Никогда не поверю, что он заставил тебя проделать весь путь ради одного привета.

Кнут поморщился:

— Не только ради этого. Он просил передать, что за твою голову дают пять тысяч соренов. И столько же за Лаэн.

Плотник остался невозмутим:

— Неужели ты огорчишь меня и скажешь, что Молс нуждается в деньгах?

— Нет, он просто хотел тебя предупредить. В память о старой дружбе.

— Очень мило с его стороны. Как он меня нашел?

— Откуда мне знать? Ему на ушко пташки щебечут. Мне сказали — я сделал, и только-то. Предложение поступило недели две назад. Прошел слух, что ты жив. Доказательства явно были серьезными, раз из тебя хотят сделать трофеем. Согласись, за такие деньги дураки найдутся.

— О да. Что в нашем мире никогда не переводится, так это дураки.

Гнус, расслабься и убери руку с ножа.

— Прости, привычка,— поспешно извинился тот и в доказательство мирных намерений даже отошел к воротам.

— Слушок о таких деньжищах, как ты понимаешь, не остался незамеченным. Ваши жизни под угрозой.

— Что еще хотел передать мой старый друг?

— Всего ничего. Цену назвал Йох Трехпалый.

В серых глазах вспыхнуло пламя. И тут же погасло.

— Что же. Спасибо за новости. Передавай Молсу мою благодарность.

— Вообще-то он очень рассчитывал, что ты передашь ее лично.

— Я не настолько соскучился по Альстару, чтобы возвращаться.

— Здесь опасно — любая крыса вас знает. Не спрячетесь. Мы остановились в трактире. Будем дней пять-шесть. Если передумаешь, дай нам знать.

— Почетный эскорт?

— Вроде того. Бывай.

Кнут, не говоря больше ни слова, пошел к воротам. Последним выходил Гнус. Что характерно — пятясь.

ГЛАВА 2

Я не стал их провожать. Слишком много чести. Остался на крыльце, наблюдая за тем, как недомерок закрывает за собой калитку. Этот парень — та еще мерзость. В старые добрые времена в Альсгаре мы столкнулись с ним на узкой дорожке. В тот раз сойти с нее пришлось Гнусу. Но это не означало, что он признал мое право брать лучшие заказы. Отнюдь. Всего лишь вынужденное и временное отступление. И сейчас, спустя годы, от него можно ожидать любых неприятностей. Я не стану поворачиваться к нему спиной.

Неожиданное появление «товарищей» по бывшему делу произвело на меня впечатление. Забери их Проклятые! У меня до сих пор не укладывалось в голове, как нас смогли найти. Пять лет переездов с места на место, и все впустую!

Мы нигде подолгу не задерживались, старались не заводить не то что друзей, даже знакомых. Вели себя тише воды, ниже травы. Я и Лаэн знали: несмотря на то что для всех мы давно мертвы, нас продолжают искать. Особенно искали в первые два года.

Мы благополучно избежали неожиданных облав. Тогда по множеству примет стражники, солдаты Наместника и люди Ходящих искали мужчину и женщину. Дважды нас едва не взяли, и дважды мы сухими выходили из воды. Потом, когда уже все успокоилось, мы все равно продолжали осторожничать. Так прошло еще три года. Затем, уверившись, что о нас все забыли, я привез Лаэн на самые задворки Империи. На юг. За страну болот блазгов. В леса.

В деревне мы провели два спокойных и счастливых года. Жизнь в глуши особого удовольствия ни жене, ни мне не доставляла, но приходилось тянуть время, выжидать, а затем попытаться вернуться к морю и сесть на какой-нибудь корабль. Уплыть куда подальше.

И вот в тот момент, когда я начал считать дни до отъезда, в наш дом бесцеремонно вваливается прошлое, от которого мы так долго и успешно бегали. Уму непостижимо, как нас смогли найти после тех заячьих петьель, что были накручены за это время.

Смешно!

То, что не смогли сделать шпионы Ходящих, без труда провернул старина Молс. Как? Как?! Как, побери меня Бездна, он смог нас отыскать?!

Дверь распахнулась, и Лаэн села рядом. Какое-то время мы молчали. Слышали, как приятели Кнута залезают на лошадей и отъезжают от дома.

— Что думаешь? — спросил я у жены.

— Правду говорят — как не беги от прошлого, оно рано или поздно тебя догонит. У нас в запасе неделя, не больше. Потом здесь станет слишком опасно.

— Жаль, что придется все оставить. Дом хороший.

Мне и в самом деле было не по себе. Забавно. Все время мечтал уехать из этой дыры, а как настало время делать ноги, жалко бросать. Жилье как-никак построено моими руками.

— За эти годы ты успел стать настоящим домоседом, дорогой,— усмехнулась она.— Раньше ты им не был.

— Ты тоже была другой,— я скопировал ее усмешку.— Пришло времечко отправляться в дорогу.

— Молс может врать. Он давно хочет отправить Трехпалого в Счастливые сады. А тут мы так удачно подвернулись. В любом случае нам придется убрать заказчика. Молс именно на это и рассчитывает. Кнут не зря сказал, что он ждет личной благодарности.

— Убрать Йоха придется, это правда. Но вот поможет ли это нам? Если те, кто нас искал, сели на хвост, все впустую. Нам не дадут спокойно жить.

Лаэн нахмурилась и положила голову мне на плечо. Мое солнце принимала, о ком идет речь и кто еще может нас искать. Те самые люди, из-за которых нам пришлось инсценировать свою смерть и навсегда покинуть Альсгару семь лет назад...

...Снег шел второй день. С низких серых небес безостановочно падали крупные белые хлопья. Они оседали на мостовых, площадях, деревьях, сторожевых башнях, рыночных палатках, красных черепичных крышах, шпилях храмов Мелота и шапках прохожих. Альсгара Зеленая, как называли столицу южной провинции Империи, превратилась в Альсгару Белую.

Больше всего свежему снегу радовалась детвора. Всем остальным он доставлял лишь неудобства. На дворе начало весны, а снег валит, словно во время праздника Лун¹. До чего же мерзкая погода!

Я выругался про себя и потер руки в перчатках. Пальцы начинали коченеть. На чердаке, где я маялся вот уже третий нар, властвовал холод. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Окно давно выбито, и сюда задувал ледяной ветер. К этой неприятности добавлялось еще одно неудобство — темнота. Скучный свет, струящийся с вечерней улицы, несколько не помогал. А свечу я зажечь не рискнул. Конечно, шанс, что огонек увидят прохожие, невелик, но рисковать не стоит.

¹ Праздник Лун — большой религиозный праздник, проходит в середине зимы.

Проклятье! Ну и холод! Я стал усиленно тереть руки, пока в кончики пальцев вновь не вернулось тепло. Хорошо, что это не лютая зима. Иначе я бы уже давно околел.

Я осторожно выглянул на улицу. Опять выругался. Еще полнара, и окончательно стемнеет, а цели до сих пор нет. Опаздывает на нар. Дважды ударил колокол на Надвратной башне Высокого города¹. Девять наров. Проклятье! Ну где же она? Где?! Я поймал себя на том, что нервничаю.

Немудрено. Куш, который нам с Лаэн отвалили, был немаленьким. Пятнадцать тысяч соренов золотыми имперскими — сумма сумасшедшая. Никогда ни за чью голову не давали таких денег. Даже за Наместника. Так что заказ стоил всех возможных последствий. Мы решили рискнуть.

Да. С нынешней работой придется завязать и навсегда исчезнуть, но с такими деньгами (кстати говоря, выплаченными вперед) и море по колено.

Когда я рассказал Лаэн о предложении, поступившем от неизвестного заказчика, она не стала меня разубеждать бросить это рискованное занятие. Понимала, что я уже попался на крючок. Выслушала молча. Молча встала и ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Вернулась лишь через нар. Я не знал, где она была все это время. По покрасневшим глазам видел, что плакала, но спрашивать ничего не стал. Она не любила, чтобы кто-то видел ее слабость. Так что пришлось сделать вид, что я ничего не заметил.

Лаэн села за стол, взяла меня за руку и кивнула. Мое солнце все еще была со мной. А это означало, что мы беремся за дело. Без ее участия заказ не стоил выеденного яйца блазга — вынесут вперед ногами.

Обзор с чердака оказался ужасный. Не видно подходов и отходов. Лишь небольшое пространство перед выходом на площадь и то, что находилось непосредственно под окном. Я знал, что стрелять придется из крайне неудобного положения. Цель будет на виду всего ничего.

Любой, хоть немного понимающий в стрельбе из лука, скажет, что устраивать «гнездо» на таком месте — глупо. Именно поэтому я и выбрал его. Когда начнется переполох, все внимание охраны обратится на колокольню и стоящий напротив нее дом богатого вельможи — там можно устроить отличные засады. И очень удобные. Но сидеть в подобных «секретах» не стоит, иначе после выстрела можно будет уйти только в одном направлении — на кладбище. А я считал, что туда мне отправляться еще рано.

«Нэсс?»

Лаэн «молчала» уже больше нара, и прозвучавший в голове голос заставил меня вздрогнуть.

«Здесь», — мысленно ответил я ей.

---

¹ В с о к и й г о р о д — самая старая часть Альсгары, построенная на так называемой Скале, вокруг которой впоследствии вырос остальной город.

«Цели нет. Я волнуюсь. Если не появится в ближайшие пятнадцать минок, придется уходить».

«Понял».

Я скрипнул зубами от досады. Она права. В темноте шанс промахнуться слишком велик. А мазать нельзя. Нужен точный выстрел. Один. На второй просто не будет времени.

Тепло ласковым ручейком пробежало по позвоночнику, и я расслабил напряженные мышцы. Благодарно выдохнул. Прислонился к стене. Находящаяся на другом конце улицы напарница знала, когда прийти на помощь.

Лаэн обладала Даром, хотя не была ни Огоньком, ни Ходящей. Она умела разговаривать на расстоянии с любым человеком. Впрочем, этим ее способности не ограничивались, но о большинстве других талантов Ласки не знал никто, кроме меня.

Как она сумела разжечь «искру» без помощи Ходящих — я не понимал. И не хотел расспрашивать о ее прошлом, а она никогда не заводила такие разговоры. Возможно, оно было слишком темным, поэтому не стоило лезть в ее душу. Положа руку на сердце, мне было все равно, кем она была раньше. Я просто поставил себя перед свершившимся фактом — Лаэн владеет Даром, и точка. Я знал, что люблю ее и могу ей доверять. Мы были не только друзьями и напарниками, но и семьей. О последнем никто, кроме Молса, не догадывался. Но тот ни о чем не спрашивал, в чужие дела не лез.

«Есть! Вижу ее. Приготовься».

Я, не суетясь, снял теплые перчатки, убрал их за пояс. Надел те, что для стрельбы. Затем взял в руки стовосьмидесятифунтовый¹ лук. Уперев нижний рог в землю, надавил на верхний и, задержав дыхание, с усилием натянул тетиву. Я пристреливал это чудовище больше недели и без труда пробивал дубовую доску на расстоянии двухсот ярдов. Жаль, что придется его бросить. Но после убийства выходить с этим на улицу — вселенская глупость.

«Готов».

«Идут по улице. Быстро. Будут у тебя через минку».

«Понял».

«По моему знаку ...»

Я кивнул и только потом понял, что Лаэн не может меня видеть.

«С ней шестеро. Два Огонька и четверо гвардейцев. У двоих арбалеты».

«Меня больше волнуют Огоньки».

Вновь горячая волна.

«Не беспокойся. О них позабочусь я».

Я хмыкнул. Лаэн должна сделать самое сложное — ошеломить двух

---

¹ Фунт — мера веса, равная приблизительно 400 г. В данном случае говорится о силе натяжения тетивы.

ведьм, снять защиту, создаваемую ими над целью. Не надолго. Всего лишь на три, быть может, четыре уны. Этого времени должно хватить на выстрел.

Внезапно падающие снежинки закрутило. Спустя мгновение их скорость и направление стали другими. Северо-западный ветер сменился северным. Плохо.

«Ветер изменился.— Лаэн также не забывала следить за обстановкой.— Северо-запад. Порывы. Четверть пальца».

Четверть пальца. Еще хуже. Придется брать упреждение и молиться Мелоту, чтобы во время выстрела капризная стихия не взбрыкнула. Хорошо, хоть лук не слабый да стрела тяжелая.

«Вижу. Знаю. Спасибо».

«Двадцать ун. Они возле дома казначея. Идут к тебе».

Я постарался выровнять дыхание. Вдох, выдох. Это обычный выстрел. Ничего более. Я стреляю из лука, сколько себя помню. Я прошел войну в Сандоне. А на войне все гораздо сложнее. Тут никто не бежит на тебя с мечом. Надо всего лишь увидеть, прицелиться и сделать то, за что нам заплатили.

Взяв лежавшую на полу стрелу с белым, сделанным из неизвестного мне материала наконечником, быстро проверил оперение. Не повреждено ли?

Стрелу передал человек заказчика вместе с вознаграждением. Когда Лаэн ее увидела, то наотрез отказалась брать в руки. Сказала лишь, что подобная штука создана для того, чтобы убивать в людях основу их Дара, гасить «искру» и уничтожать саму душу волшебника. Поначалу я отнесся к подобному «гостинцу» с предубеждением. Но использование странной стрелы — было одним из жестких условий заказа. Пришлось поскрипеть зубами и согласиться. Но я до сих пор не знал, как она поведет себя в полете.

«Встречаемся в Гавани¹, где договорились. Если не приду через нар — уходи без меня».

«Ты прекрасно знаешь, что без тебя я никуда не уйду!»

Мы собирались покинуть город не так, как это запланировал заказчик. Слишком велик шанс, что он (или она) решит избавиться от исполнителей. Лаэн разработала собственный план и теперь собиралась проверить его в деле. Никто, кроме меня и ее, не знал о том, куда мы направимся после задания. Для всех Серый и Ласка исчезнут. Умрут.

Я положил стрелу на тетиву и уже не отрывал глаз от заснеженной улицы. Полумрак. Идиоты-фонарщики опять запаздывают. Проклятье! Именно сейчас мне нужен свет!

«Все еще северо-западный. Полпальца. Через минку изменится на северный».

«Запомнил».

---

¹ Г а в а н ь — район Альсгары у самого моря.

«Удачи. Вот они!»

И тут я их увидел. Группа людей быстро шла в сторону Крестцовой площади. Впереди два гвардейца, за ними женщина. Потом еще две. Шествие замыкала пара солдат.

Края наконечника стрелы неожиданно замерцали лиловым. Я едва не отбросил ее в сторону.

«Лаэн! Стрела светится!»

«Не беспокойся. Она ощущает «искру» цели. Сто пять ярдов».

Не беспокойся? Если кто-нибудь из них догадается поднять голову и посмотреть в мою сторону, можно забыть об удаче.

«Какая из них? Та, что первая?»

«Девяносто пять ярдов. Нет. Вторая слева».

«Уверена?»

«Да. Слушай меня. Соболиная шуба. Девяносто. Как только скажу...»

Я видел маленькую женскую фигурку в соболиной шубе. Сейчас они подошли на минимальное расстояние, но я не стрелял. Плохой угол. Спусти уну вторая женщина закрыла собой жертву.

«Девяносто пять... Сто... Сто пять...»

Она уходила от меня все дальше и дальше. Еще ун двадцать, и соседний дом полностью перекроет обзор.

«Северный. Четверть пальца. Навстречу тебе едет фургон. Через восемь ун закроет цель. Жди. Сто десять...»

Я видел удаляющуюся спину. Но вполне доверял чутью Лаэн. Вот и фургон. Миг — и он проехал дальше.

«Сто пятнадцать... Давай!»

Недели тренировок не прошли даром. Я действовал, не думая. Вскинул лук, натянул «на разрыв»¹, выстрелил.

Танг!

Я тут же отскочил от окна к стене, успев заметить, что устремившаяся к цели стрела оставляет за собой лиловый след.

Лаэн действовала одновременно со мной. Конечно же я ничего не почувствовал, но знал, что защита ничего не подозревающих Огоньков оказалась смята.

Хлоп!

Улица на мгновение осветилась лиловым. Стрела нашла свою цель.

Бах! Бах! Бах!

Грохот снаружи известил о том, что Огоньки пришли в себя и ударили вслепую. Лаэн молчала, опасаясь, что теперь-то волшебницы смогут услышать наш «разговор». Очень надеюсь, что мое солнце уже ушла.

Я бросил лук и, на ходу снимая перчатки, покинул чердак. По шаткой лестнице спустился до второго этажа. Отпер дверь, вошел в загодя сня-

¹ Выстрел из мощных луков в большинстве случаев исключает долгое прицеливание и удержание натянутой тетивы. Из-за большой силы натяжения стрельба идет на так называемый «разрыв» (используется противоположно направленный рывок обеих рук).

тую комнату, быстро переоделся в лежащее на свежем хлебе платье подмастерья пекаря. Не забыл добавить на одежду и руки муки.

На ходу откусил от булки и, жуя, открыл окно, ведущее на задний двор. Примерившись, перепрыгнул на сарай. С него — прямо в высокий сугроб. Встал. Огляделся.

Пусто. Подбежал к низкому забору, без труда перемахнул через него и подворотнями вышел на узенькую улочку. А затем, никуда не торопясь, пошел прочь. С улицы Рукавиц доносились приглушенные расстоянием крики.

Отсюда было видно лишь возвышавшуюся колокольню. А точнее то, что от нее осталось. Озверевшие Огоньки, недолго думая, жахнули магией по верхним этажам ближайших строений, надеясь задеть убийцу.

Что же. Не зря я «свил гнездо» в менее заметном месте, иначе бы меня просто расплющило. Пока поймут что да как, мы с Лаэн будем уже далеко, а наши (якобы) трупы обнаружат полностью обгоревшими в старой берлоге Йуолы и Ктатака. Надеюсь, друзья простят, что мы сожгли один из их сараев.

Я быстрым шагом направился в ночь...

— Буду собираться. — Лаэн вздохнула и встала с крыльца.

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Семь лет прошло, а помню все, словно это было вчера.

— Да. Ты права. К завтрашнему вечеру желательно покинуть деревню. Я не смогу забрать деньги.

— Я схожу. Но только завтра.

— Одна? Уверена, что справишься?

— Вполне. Кнуту сообщать будем?

Кнут, может, и неплохой человек, но слишком сблизиться с ним не стоит.

— Нет.

Я хмурился. Идея ее похода в лес в одиночку не очень нравилась. Но деньги взять может только она. Это правда.

— А если он узнает и решит составить нам компанию?

Я просчитал варианты и произнес:

— Лучше бы ему не узнать.

Лаэн жестко усмехнулась и ушла в дом.

ГЛАВА 3

Га-нор наклонился к уху командира и едва слышно прошептал:

— Не нравится мне это.

Лохматый Да-тур ничего не ответил. Вместо него подала голос молчунья Та-ана:

— За все время, что мы здесь торчим, ни один из шестерых не пошевелился. Крепко же они спят!

Невысокая северянка была права. Спали горцы на удивление крепко.

Дети Ирбиса притаились на невысоком скалистом выступе. Внизу горел маленький костер, у которого, завернувшись в рваные одеяла, лежали враги. Осторожные горцы обычно всегда выставляли стражу, но сейчас она отсутствовала. И это не нравилось следопыту отряда. Можно предположить, что Га-нор не заметил секрета, но командир рыжеволосых воинов скорее отрубил бы себе руку, чем поверил в то, что его кровный брат пропустил опасность.

Неизвестность выводила из себя. Да-тур в который раз подумал, что их поход был проклят. А ведь поначалу ничто не предвещало беды! Несущие службу у Врат Шести Башен северяне знали ущелья и тропы Самшитовых гор, как свои пять пальцев. В землях Империи не найти лучших разведчиков, чем они. Ни один вражеский отряд не мог незамеченным проскользнуть через перевалы, если их стерегли Дети Ирбиса.

Когда десяток Да-тура вышел из Врат Шести Башен, никто не рассчитывал на неприятности. Все было тихо, пока отряд не спустился в долины за основной грядой. Здесь каждый поселок, каждая пядь земли кишели набаторскими солдатами. А затем Та-ана заметила среди врагов белую мантию сдисца. Разведчики, не мешкая, бросились в обратный путь. Следовало немедленно сообщить об увиденном коменданту Врат.

На обратном пути, в одном из угрюмых ущелий на них напал горный гов. Они глупо попались. Старую дозорную башню, оставленную имперскими солдатами еще во время Войны Некромантов, следовало обойти кругом. Северяне поторопились, решили срезать путь и пошли напрямик. Вот и нарвались на выбравшуюся из летней спячки голодную тварь. Выжило только трое. Да-тур, Га-нор и Та-ана. Семь Детей Ирбиса навсегда остались в узком ущелье.

Га-нор — высокий, рыжеусый и загорелый — приподнялся на локтях, посмотрел вниз. Нахмурил кустистые брови. Все же странно, что горцы не озоботились выставить охрану.

Ни движения, ни звука. Ничего, кроме далекого мерного гула — горная река гремит на перекатах. Нет никаких поводов для тревоги. Если это засада, то очень умелая. А умелые засады не входят в достоинства нетерпеливых горцев. Во всяком случае, так долго пролежать неподвижно чусы никогда не могли, если только они не были мертвецами...

И внезапно Да-тур понял.

— Клянусь шкурой ледяного демона! Они же мертвы! — ошеломленно сказал он.

— Давайте уйдем, — прошептала Та-ана и сама себе удивилась. Она никогда не боялась мертвецов, но все, что сейчас происходило, выглядело странным. — Не стоит беспокоить их души.

Га-нор мрачно кивнул и поддержал лучницу:

— До рассвета далеко. Мы успеем много пройти.

Да-тур тихо встал, прошел по скалистому карнизу с десятков ярдов, удалившись как можно дальше от костра, и спрыгнул вниз. За ним последовали его товарищи. То и дело оглядываясь, они поспешили прочь.

На западном склоне двуглавой горы внезапно польхнул зеленый светлячок. Он превратился в огненный шар, по крутой дуге взлетел в небо, завис в наивысшей точке, а затем рухнул туда, где остались тела чусов¹. Достигнув земли, шар бесшумно лопнул, разбрызгивая во все стороны изумрудное пламя.

— Сдисский колдун!

Это была засада, и ждали именно их. Вероятно, Белый, которого Та-ана видела вместе с набаторскими солдатами, заметил чужаков и решил остановить. К чему раньше времени тревожить гарнизон Башен?

— Уходим. Быстро!

Да-тур нутром чувствовал разливавшуюся по ущелью опасность. Он очень надеялся, что расставленная ловушка еще не захлопнулась и есть шанс ускользнуть из цепких пальцев некроманта.

— Берегись! Сзади! — крикнула стоявшая на карнизе лучница.

Командир отряда обернулся и отпрыгнул. Крепко выругался. Лежавшие вокруг костра мертвецы вставали с земли. Га-нор выхватил из-за спины меч. Эти создания оказались на удивление проворны. Северяне едва успели подготовиться к встрече.

Двое насели на Да-тура, еще один — на рыжеусого, а последний, четвертый, бодрой рысью направился к Та-ане. Женщина выпустила в лицо порождению магии стрелу, но безрезультатно.

Освещенные лунным светом искаженные лица, оскаленные зубы и горящие зеленым огнем глаза могли напугать кого угодно. Да-тур пронзил грудь одного из чусов, но это не произвело на противника ни малейшего впечатления. Подоспел Га-нор, уже успевший расправиться со своим врагом.

— Голову руби! — рявкнул следопыт, ловко подсекая ближайшему мертвяку ноги.

Командир крутанулся, снес слуге сдисца половину черепа и бросился на подмогу к девушке. Спустя минку все было кончено.

Двое мужчин тяжело дышали, Та-ана дрожащими руками вырезала из успокоившегося трупа стрелы. Да-тур взял низкорослую лучницу за шкирку, без труда поднял ее с колен и поставил на ноги:

— К Угу стрелы! Постараемся выйти из ущелья и затеряться в горах.

Они неслись вдоль ручья. По мокрым камням, едва касаясь земли. Ущелье превратилось в узкий каньон, скалы закрыли собой небо. Луну заслонили облака, и бежать приходилось при свете звезд. В темноте слышалось тяжелое дыхание воинов, звон ручья и все усиливающийся гро-

---

¹ Ч у с ы — самоназвание горных племен.

хот безымянной реки. Да-тур скомандовал привал. Га-нор тут же упал и приложил ухо к земле.

— Никого,— наконец выдохнул следопыт, вставая с камней.— Нас загоняют в ловушку, брат. Отсюда не выберешься.

Он был прав. По таким отвесным скалам заберется разве что мангуст. Если вход и выход из каньона перекроют, им не вырваться.

— Добраться бы до реки... — с надеждой протянула Та-ана.— По воде уйдем.

— Должны добраться,— решительно сверкнул глазами Да-тур.

Течение у берега оказалось сильным, и из воды они выходили с трудом. Плавать в темноте по быстрой, ледяной горной реке отваживались или самоубийцы, или Дети Ирбиса. Первые разбивали головы на перекатах, вторые выживали. Воины плыли больше полунара и благодаря скорости течения оставили опасность далеко позади.

Они попадали на камни, переводя дух. Впрочем, Та-ана тут же села на корточки и отжала волосы. Затем натянула на тисовый лук новую, сухую тетиву, раскрыла футляр из кожи и развернула промасленную бумагу, в которой хранились стрелы. Лучница понимала, что без лука ей и ее товарищам придется совсем худо.

Га-нор во время плавания наглотался воды и теперь кашлял.

Ветер разогнал облака, вновь появилась луна, и северяне увидели белесые и величественные руины древнего города. Люди покинули горную столицу бывшей имперской провинции, когда началась Война Некромантов. С тех пор минуло больше пятисот лет. В Герку — город Тысячи колонн, как называли его путешественники, так никто никогда и не вернулся. Столетия превратили бывшую жемчужину высокогорья в мертвое королевство холодного ветра. Он каждый вечер спускался сюда с покрытых снегом вершин и тоскливо завывал в руинах древних зданий. Это место называли городом призраков. Горцы обходили его стороной и не решались останавливаться на ночевку, если между ними и белыми стенами было расстояние меньше дневного перехода.

Но северянам сейчас было не до суеверий. Путь через Герку в пять раз короче других дорог. На южной оконечности города начиналась тропинка, ведущая на перевал, а там уж и до Врат рукой подать.

Они прошли через высокую арку того, что было раньше главными воротами, и оказались на широкой улице. Куда ни кинь взгляд — разрушенные дома и тысячи мраморных колонн, уходящих в небо. Лунный свет искрился на них, оживлял, заставлял казаться ослепительно прекрасными, как в те годы, когда здесь кипела жизнь. Серебристо-синие просветы пустой улицы, тяжелые тени старых строений, истрескавшаяся от времени каменная мостовая и почти невидимая глазу голубоватая дымка зарождающегося тумана...

Герка безучастно смотрела на чужаков темными провалами домов. Ей было все равно, кто и зачем пришел к ней. Лишь с ветром она пела

свои песни. Ветер был ее вечным другом, а люди всегда уходили и предавали. Она не желала мстить им за предательство и хотела лишь одного — чтобы ее оставили в покое. Поэтому некогда великий город пропустил троих воинов с далекого севера и не причинил им вреда.

Точно так же он поступил с теми, кто пришел следом за рыжими.

Тропка шла по краю обрыва. Слева от нее — базальтовая стена. Справа — пропасть. Разведчики поднимались уже больше нара, и долина, в которой находился город Тысячи колонн, осталась далеко внизу. Да-тур то и дело бросал взгляд на тускнеющие звезды. Рассвет дышал им в спину. К этому времени следует добраться до перевала, а еще лучше — миновать его.

Неприветливый, резкий, ледяной ветер, снег на тропинке. Перевал, вот он уже, рукой подать. Ночь забрала все силы, они устали, но продолжали упорно двигаться вперед. Га-нор несколько раз останавливался и смотрел назад. Он все еще не верил, что удалось обмануть некроманта.

Впереди, на тропе появился человек. На фоне быстро светлеющего неба и белых пятен снега был виден только его силуэт — высокий, массивный, широкоплечий. Он шел со стороны перевала. Не торопясь, вразвалочку, словно гуляя.

Та-ана вышла вперед. Прицелилась.

— Забери меня снежные говы! Кто это? — Лучница нервничала и кушала потрескавшиеся губы.

— Не знаю, — напряженно ответил Да-тур. — Никого, кроме слуг Белого, здесь быть не может. В ногу.

Женщина хищно улыбнулась и натянула тетиву. Незнакомцу осталось всего ничего. Га-нор напряг зрение и увидел, что все тело человека закрыто чешуйчатым доспехом.

— Не стреляй! «Рыба»! — гаркнул он в тот момент, когда Та-ана отправила стрелу в полет.

Грохнуло так, что заложило уши.

Чужак лопнул, словно перезрелый плод. Теплый удар смрадного воздуха сбросил не удержавшегося Га-нора в пропасть. Та-ане тоже не повезло. Как только «рыба» взорвалась, во все стороны разлетелись сотни острых металлических чешуек. Целый десяток их изрешетил женщину, убив ее на месте.

Да-тур стоял у стены и только поэтому не свалился вниз. Одна из чешуек едва не угодила ему в голову, другая оставила глубокую царапину на предплечье. В воздухе пахло горелым мясом, волосами и чем-то еще. Станным. Отталкивающим.

На шатающихся ногах северянин подошел к Та-ане и упал перед ней на колени. Его мутило, кровь текла по руке. Голова трещала. Кругом валялись ошметки мяса того, кто совсем недавно был живой смертью.

Уже светало, а он все еще стоял над телом женщины. Наконец очнулся, сорвал с шеи клановый платок, перетянул им рану на руке. Воткнул

меч в землю, опираясь на него, рывком поднялся на ноги и... нос к носу столкнулся с тремя мортами.

Ужасно худые создания, с длинными руками и ногами, тонкими шеями и блестящими черепами. Лоснящаяся эбеновая кожа плотно обтягивала выпирающие кости. Янтарные глаза на фоне темных провалов отрубленных носов казались огненными. Никаких доспехов. В руках мечи-скимы. Телохранители некроманта пришли за добычей.

Да-тур взревел, поднял клинок, рассчитывая дорого продать жизнь. Троек было так узко, что враги могли напасть лишь поодиночке. Это давало шанс если не выжить, то продержаться как можно дольше.

С первым из противников, несмотря на его мастерство, рыжий справился быстро, попросту улучив момент и сбросив его в пропасть. Затем он ринулся вперед, нанося удары наотмашь, вынуждая врагов пятиться.

Откуда-то снизу прилетел уже знакомый зеленый шар и разорвался за спиной. Колдун находился внизу, в долине, возле самого выхода из Герки, чтобы добраться до сына Ирбиса, ему потребуется много времени. К этому моменту Да-тур или победит или проиграет.

Морт атаковал в шею, скрестив клинки словно ножницы, но человек присел и пронзил проклятую тварь насквозь. Ударил ногой, освободил клинок и... захлебываясь кровью, упал на бок.

Поначалу он не понял, что случилось. Постарался встать. Не вышло. Ноги отчего-то не слушались. Над ним стояла Га-ана. Ее глаза пылали зеленым.

Когда они наткнулись на «рыбу», Га-нор стоял к краю пропасти ближе всех. Это обстоятельство его и спасло. Во время взрыва северянин свалился вниз и тем самым избежал участи быть по уши напшигованным стальной чешуей.

Падал он недолго. Путь в бездну прервался из-за очень кстати подвернувшегося куста горного ошена¹. Густые цепкие ветви деревца, вбившего корни прямо в скалу, приняли на себя удар человеческого тела и сломались. Но сына Ирбиса спасли. В двух ярдах ниже ошена располагался узкий карниз. Именно на него и угодил Га-нор. Падение с такой высоты на твердую поверхность должно было сломать человеку кости, но благодаря деревцу он лишь потерял сознание.

Следопыт очнулся, едва слышно застонал. Открыл глаза, полежал, стараясь понять, где находится. Солнце стояло в зените. Прошло довольно много времени с тех пор, как они наскочили на «рыбу». Воспоминание о твари колдуна заставило его осторожно пошевелить руками и ногами, стараясь понять, целы ли они. По всему выходило — да.

На то, чтобы оценить, куда он попал, времени много не понадобилось. Га-нор искренне поблагодарил Уга за спасение жизни. Если бы не карниз, выбитый в скале ветром и дождями, падать северянину и падать. С

---

¹ О ш е н — горное дерево с колючими листьями.

такой высоты лежащий в долине город Тысячи колонн казался не больше ладони.

Га-нор внимательно изучил скалу и пришел к неутешительным выводам. Трещин, конечно, много, но пальцы туда не просунешь. Чуть выше растет ошен с обломанными ветвями. Если снять пояс, можно попытаться до него добраться. Но выдержат ли корни его вес? Вряд ли. Да и если даже он заберется, что дальше? До края все равно не достать.

С этого птичьего карниза деваться некуда. До верха не допрыгнуть, а отправляться вниз можно, только если хочешь покончить с жизнью. Так что смерть он встретит наедине с горным ветром, небом и голодом.

О том, что случилось с товарищами, следопыт старался не думать. Та-ана стояла ближе всех к «рыбе», ей вряд ли удалось выжить. Да-тур, если и остался цел, скорее всего, посчитал соплеменника погибшим. Если так, то теперь кровный брат уже за перевалом, на пути к Вратам Шести Башен.

Во время падения Га-нор потерял меч, и у него остался только кинжал. Будь их два, северянин, не раздумывая, начал бы штурмовать стену. Он раньше проделывал подобный трюк, а однажды на спор забрался по отвесной стене, прилегающей к башне Дождя. Но с одним кинжалом нечего и мечтать о том, чтобы оказаться наверху. Уж проще отрастить крылья.

Весь день прошел в безуспешных попытках найти выход из ловушки. Га-нор метался от края до края площадки, ругался, но все было без толку. Проклятия и молитвы не помогали.

К вечеру, когда до захода солнца оставалось не больше нара, следопыт сидел, прислонившись к стене, и, подбирая лежащие вокруг камешки, бросал их в пропасть. Понимая безнадежность ситуации, отстраненно подсчитывал дни, выделенные ему Угом для жизни. Выходило, прежде чем сдохнуть от голода, придется порядком помучиться. Крайне безрадостная перспектива.

Эмоции требовали выхода, и северянин выругался. Громко. Как и следовало ожидать — ничего не случилось. Затем ему на голову и за шиворот посыпались пыль и мелкая каменная крошка. Га-нор вскочил, испугавшись возможного камнепада. Но ничего подобного не произошло. Невольный пленник напряженно глядывался вверх и наконец увидел то, что хотел. Вновь посыпалась крошка, затем упало несколько камешков. Все говорило о том, что там кто-то ходит. Сейчас сыну Ирбиса было все равно кто это — друг или враг. Сорок лет это не тот возраст, чтобы подыхать, словно угодившая в капкан ледяная белка. Уж лучше умереть от вражеского оружия и отправиться на праздник к Угу, чем превратиться в бледного призрака.

— Эй!!! — заорал он что было сил. — Эй!!! Я здесь!!! Внизу!!!

Поначалу никто не откликнулся. А затем он увидел, что сверху на него неотрывно смотрит человек. Привлеченный криками, неизвестный лежал на краю обрыва, заглядывая вниз. Га-нор вновь хотел заорать, те-

перь уже от радости, но разглядел незнакомца, и крик застрял у него в горле. Это лицо он знал. Ни грязь, ни кровь не смогли его изменить. Тяжелая челюсть, лохматые рыжие волосы и шрам на лбу. Да-тур. А вот приподнятая верхняя губа, обнажавшая в оскале ровные белые зубы и зеленые глаза...

Тварь, раньше бывшая его кровным братом, неотрывно смотрела на человека. Не спуская взгляда с мертвеца, северянин потянулся к кинжалу, и это послужило сигналом. Оживленный магией сдисца труп спрыгнул на Га-нора. Растопырив руки и ноги, он, словно паук, упал туда, где только что находился воин.

Звук, раздавшийся при ударе тела о камень, заставил содрогнуться привыкшего к смерти и крови сына Ирбиса. Казалось, хруст костей должны были услышать даже в Золотой Марке. Несмотря на торчащие сквозь одежду и плоть осколки сломанных ребер, раздробленные руки и вывихнутую под неестественным углом правую ногу, покойник пытался подняться.

Га-нор не мешкал. Выхватив кинжал, он оказался за спиной порождения сдисского колдуна и, вцепившись в окровавленные рыжие космы, оттянул голову мертвяка назад, быстрым движением вскрыл шею. Оружие с мерзким звуком скрипнуло по шейным позвонкам. Остановился следопыт только тогда, когда зеленый огонь в глазах Да-тура погас.

Тяжело дыша, он снял с дважды мертвого тела свой приз — широкий кинжал — и ногами спихнул труп в пропасть. Га-нор не собирался рисковать и оставлять *это* рядом с собой. Никаких сожалений сын Ирбиса не ощущал. Да-тур мертв, его дух в чертогах Уга, а то, что осталось в этом мире, всего лишь оболочка, находящаяся под властью сдисца.

Солнце почти достигло вершин, и длинные тени накрыли лежавшую внизу долину. Га-нор, не мешкая, начал подъем.

Все оказалось проще, чем он думал, и северянин без труда находил опору с помощью кинжалов. Прислонившись к скале, вбить в нее клинок, подтянуться на одной руке, всадить второй кинжал чуть выше, вновь подтянуться. И так раз за разом. Высоты сын Ирбиса не боялся и медленно, но верно приближался к спасительному краю. Когда до него оставалось не больше двух ярдов, следопыт остановился и позволил себе небольшой отдых. Верхний участок скалы был гораздо сложнее, чем весь пройденный путь. Трещин меньше. А тут еще и ветер проснулся, норовя сдуть человека в пропасть.

На самый верх скалолаз поднялся, когда стемнело. Помня о судьбе Да-тура, осторожно приподнял голову над краем. Дав глазам привыкнуть к темноте, внимательно изучил окрестности. Никого. Облегченно фыркнул, перевалился через край и тут же вскочил на ноги, угрожающе сжимая в каждой руке по клинку.

Ни мертвецов, ни сдисских колдунов. Пусто. Тихо. Тела Та-аны нет. Это настораживало. Следопыт напряженно всматривался во мрак, гото-

вась дать отпор, но никто не собирался нападать. Что бы ни случилось с лунницей — здесь ее не было.

Прямо у тропинки Га-нор увидел меч Да-тура. Он подхватил его и быстрым шагом, постоянно оглядываясь по сторонам, направился к перевалу. Сын Ирбиса все еще не терял надежды добраться до Башен и предупредить коменданта. Быть может, еще не поздно.

Перед Войной Некромантов земли Империи не заканчивались у Самшитовых гор, они простирались до самого Наботора. Все то, что сейчас называлось Приграничным краем, ранее было Империей. В долинах стояли города и деревни, через которые проходили торговые пути. Привычная жизнь рухнула, когда появились Проклятые. С тех пор эти земли и оставлены. Уж слишком мрачная слава о них ходила. Лишь горцы рисковали жить в угрюмых холодных долинах.

Люди ушли, но города, такие, как Герка, остались. Восемь Шпилей — сторожевые башни, которые создавал сам Скульптор, также оказались покинуты. Только девятая, прозванная башней Тревоги, использовалась армией Империи. Древние книги говорили о том, что Скульптор ваял башни в то же время, что и легендарные Врата. Уходящие на шестьдесят ярдов в высоту, сложенные из черного камня, с множеством бойниц, они простояли тысячу лет.

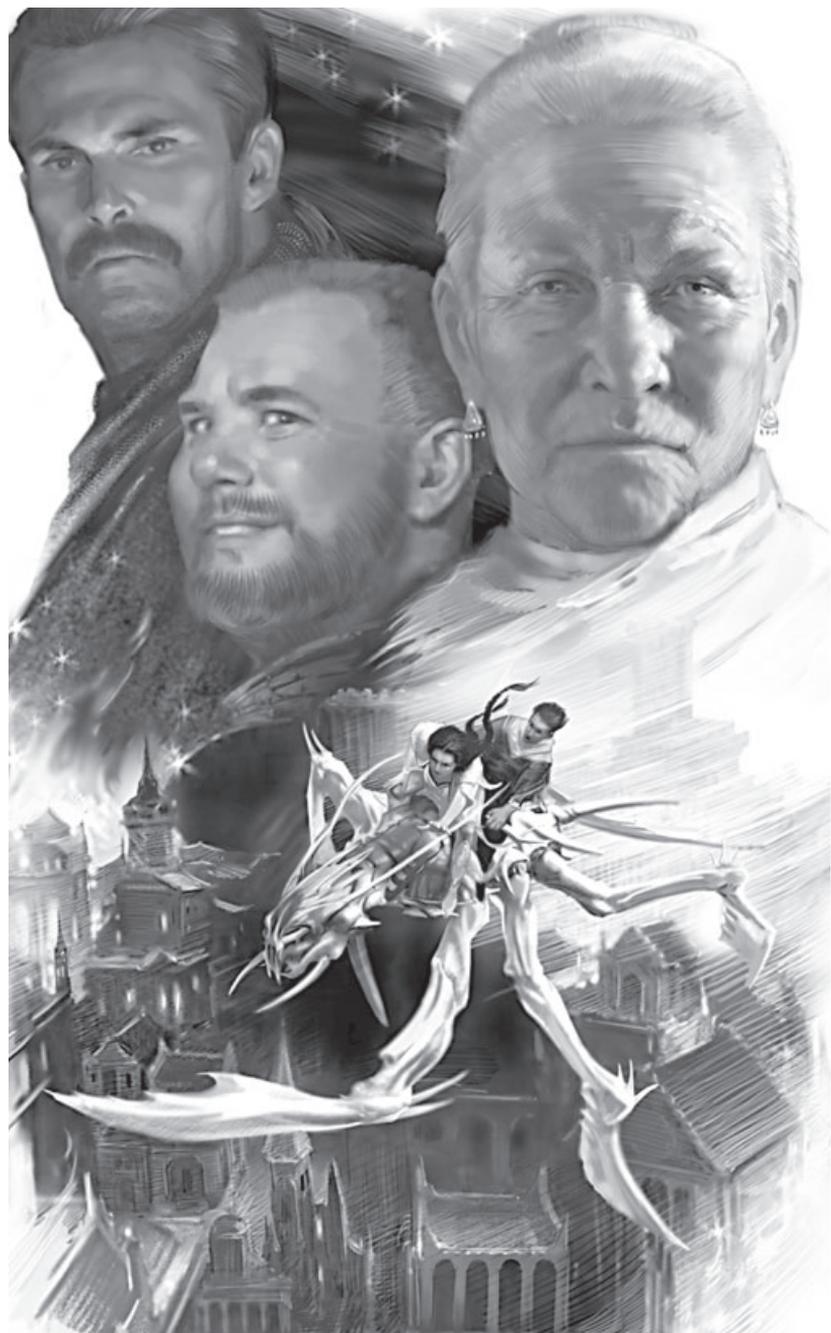
Но со стороны никогда не скажешь, что уцелевший Шпиль пережил множество войн. Он был точно таким же, как и в день завершения строительства. Казался хрупким и прекрасным, словно Скульптор был не человеком, а йе-арре. Некоторые считали, что легендарный мастер взял в руки потоки горного воздуха и сплел из него небесную красоту. А потом превратил воздух в камень.

В историях, которые рассказывали старики, говорилось, что до Войны Некромантов дозорные в башне без труда переговаривались с товарищами, находящимися в восьми других Шпилях. Может, в этих историях и была доля правды, но сейчас они казались сказкой. Также ходили слухи, что в ныне замураванном подвале спят Лепестки Пути. С их помощью солдаты могли мгновенно перемещаться в тот из Шпилей, где требовалась помощь. Но и это давно стало легендой. Ходящие больше не могли управлять Лепестками.

Скульптор создал башню Тревоги недалеко от дорог, ведущих к двум перевалам. Га-нор добрался до нее в середине дня. Следопыт издалека заметил, что над скалой, за которой находилась башня, кружит с десяток стервятников. Сын Ирбиса остановился и нахмурился. Внимательному человеку такое скопище падальщиков говорило о многом.

Действительность оправдала его худшие опасения. Перед Шпилем соорудили виселицу, на которой раскачивалось трое покойников в одежде имперских солдат. Всех остальных свалили у стены, даже не удосужившись похоронить. Отяжелевшие от свежего мяса стервятники, затевая драку за особо лакомый кусочек, противно орали.

• Ветер полыни •

ГЛАВА 1

Лук не слишком обращал внимание на то, что Га-нор мрачен, словно грозовая туча.

Что взять с привыкшего к горам и ледяным просторам следопыта? Тот с трудом терпел давку, грязь и вонь узких, постоянно запруженных народом улиц чуждого ему города. Рыжего выводило из себя то, что окрестные зеваки тычут в него пальцами. А Лук не находил в этом ничего удивительного. Северяне — редкие гости в этой части Империи. На высокого, облаченного в килт и кожаную безрукавку сына Ирбиса не смотрел только слепой.

— Долго мы будем здесь торчать? — пробурчал Га-нор, но Лук чел ниже своего достоинства ответить. Ему было не до того.

— Да что с тобой такое? — нахмурился сын Ирбиса, и сидящий на мраморной скамейке товарищ на этот раз соизволил открыть рот:

— Ничего. Со мной все хорошо, лопни твоя жаба.

В ответ северянин недоверчиво хмыкнул в усы и бросил на солдата быстрый взгляд исподлобья.

— Ты сам сейчас похож на жабу. Того и гляди лопнешь. Со страху, что ли, надулся?

— Отстань! — отмахнулся Лук. — Не до тебя сейчас.

Приятель громко фыркнул, показывая этим всю степень своего раздражения. Затем встал, неспешно прошелся, уселся на широкий подоконник и угрюмо уставился сквозь высокое стрельчатое окно на город и далекое море.

Зал, где они ждали уже второй нар, казался неправдоподобно большим. Высокий куполообразный потолок, огромные хрустальные люстры, которые искрились и сияли в солнечных лучах, врывающихся сюда через сотни окон. Чудилось, будто помещение тонет в этом свете. Отполированные до блеска мраморные плиты отражали все возможные оттенки золотого и оранжевого, передавая их стенам, колоннам и статуям.

Но Луку на всю эту красоту было начхать. Бывший стражник Врат Шести Башен слишком нервничал перед встречей с Ходящими, и от волнения внутренности его скрутило в такой узел, что хоть стой, хоть падай.

Однако деваться было некуда. Оставалось терпеть и ждать, потому что второй такой шанс мог представиться лишь лет через двести или триста. Уйди Лук сейчас, и потраченное в Альсгаре время пропадет зря. Сле-

допыт тогда точно взбесится, кого-нибудь пристукнет, и после этого их наверняка сунут в тюремную яму.

Лук не знал, как Гису удалось устроить встречу с одной из волшебниц. Солдат до последнего момента не верил, что дело выгорит, несмотря на то что за них просил сам магистр заклинателей. Общеизвестно, что Ходящие хоть и терпят, однако не слишком жалуют тех, кто носит алые мантии.

Но судьба улыбнулась, и Гис притащил ошалевшего Луку и мрачного Га-нора в логово имперских магов.

Северянин, преисполненный самых дурных ожиданий, тихонько выругался. Ему, в отличие от друга, было все равно, состоится встреча или нет. Он бы не заплакал, не увидев Ходящих. Га-нор не пылал особой любовью к магам и не испытывал к ним доверия. Когда он был еще ребенком, в Льдистые земли приходила одна из носительниц Дара. Она ничего не смогла сделать с хелбларом, уничтожившим родную деревню следопыта, — тварь сожрала Ходящую вместе с ее магией и даже не подавилась.

С тех пор к могуществу тех, кто кичился «искрой», сын Ирбиса относился со скрытым скептицизмом, и эта встреча была нужна ему гораздо меньше, чем блазгам обуви. Если бы не Лук, с которым он успел сдружиться за время путешествия от Врат, Га-нор послал бы все в Бездну и отправился восвояси: потому что во время войны настоящему мужчине стыдно протирать килт в приемных магов.

Дверь распахнулась. В зал вбежал запыхавшийся мальчишка. Паренек с худым лицом, острым подбородком и оттопыренными ушами, которые придавали ему ужасно нелепый вид, был одет в шелковый колет алого цвета и черные штаны.

Га-нор узнал Ашана — единственного ученика Гиса.

— Мастер Лук. Мастер Га-нор. Вас готовы принять. Мастер Гис просит пройти к нему, — звонким голосом произнес мальчик. И не проверяя, идут ли за ним, поспешил прочь.

Друзья прошли чередой пустых коридоров с мозаичным полом и огромными окнами, поднялись по широкой, закрученной спиралью лестнице, покрытой сдискским ковром.

— Послушай, — удивленно прошептал Лук. — Это... До меня только теперь дошло, что башенка-то внутри гораздо больше, чем снаружи. Не находишь?

Га-нор лишь пожал плечами, но Ашан, услышав вопрос, счел своим долгом ответить гостю:

— Ходящие называют это игрой с пространством — то, что снаружи кажется маленьким, внутри может стать огромным. Волшебники прошлого были настоящими мастерами.

— А сейчас могут так строить?

Мальчишка нехотя шмыгнул носом, а затем отрицательно покачал головой:

— Нет, мастер Лук. Это знание забыто.

Преодолев девять витков, спутники оказались в синем зале. Здесь весело журчал фонтан с перламутровыми рыбками, в больших позолоченных клетках под потолком порхали, заливаясь трелями, птицы с южных островов. В фарфоровых кадках у стен цвели красные тюльпаны и невысокие мандариновые деревья. Гис стоял у распахнутого окна, заложив руки за спину. Цепкий взгляд его темных глаз задержался на Луке, и тот пожелтел.

— Вас ждут. Ничего не бойтесь, я буду с вами.

— Чего нам бояться? — хмыкнул Лук.

Гис улыбнулся:

— Вот и славно. В следующем зале сдадите оружие гвардейцам.

Га-нор нахмурился. Он не испытывал желания отдавать клинок в чужие руки.

— Таковы правила, — ответил на невысказанное недовольство северянина заклинатель. — Мне тоже придется расстаться с жезлом.

— Они не доверяют даже таким, как ты?

— У Башни есть свои законы, — вновь улыбнулся Гис, хотя было видно, что слова рыжего ему не понравились.

— Они терпят вас. Но не любят.

— Заклинателям не нужна любовь Ходящих. Мы миримся друг с другом и делаем общее дело. Когда идет война, приходится забыть о разделяющих нас принципах и закрыть глаза на старые раздоры. Сейчас во всей стране у людей только одна главная задача — остановить Набатор.

— И Проклятых.

— И Проклятых, — ничуть не смутившись, подтвердил Гис. — Добиться этого можно только совместными усилиями. Именно потому вас выслушают. Мало кто видел Шестерых. Ваш рассказ может оказаться полезен.

— Лук видел только одну — Корь. Я же не видел никого.

— Да, Га-нор. Я помню.

Заклинатель толкнул высокие створки. Те бесшумно отворились, и Лук, посмотрев вверх, изумленно охнул. Потолок в зале был прозрачным, а наверху раскинулось черное небо с рассыпанными, словно просо для кур, мириадами звезд. Стражник помнил, что всего лишь десять минок назад за окнами властвовал день. Га-нор удивления не выказал и хмуро проворчал что-то про магию.

— Это Ночной зал, созданный Скульптором, друзья. — Гис даже не думал задирать голову, чтобы посмотреть на чудо из чудес. — Здесь живет бесконечная ночь, звезды...

— И комета.

Действительно, затмевая яркостью даже луну, по небу, распушив багровый огненный хвост, беззвучно неслась красавица комета.

— Да. Предвестник несчастья. Она появилась здесь за день до падения Врат Шести Башен. Но, к сожалению, никто не придал этому значения. Слишком давно не было ничего подобного. В последний раз комета

появлялась в Войну Некромантов. Пять веков — слишком долгий срок, чтобы кто-нибудь вспомнил об этом и заподозрил неладное. А жаль. Возможно, если бы Ходящие поняли, что она означает, мы бы не оказались в таком бедственном положении, как сейчас.

— Ходящие так редко смотрят вверх, или просто слепы, точно плотоядные ледяные черви? — недоверчиво произнес Га-нор. — В моем клане каждый ребенок знает — когда появляется хвостатая вестница¹, жди беды.

— На настоящем небе кометы нет. Она только в этом зале. Многих подобное обстоятельство, как я слышал, смутило. Но давай поговорим о поступках магов после того, как уйдем отсюда, — мягко произнес Гис. — Сейчас не время заниматься подобными беседами.

Следопыт согласно хмыкнул. Заклинатель говорил разумные вещи, не ровен нар — не слишком уважительные речи услышат и, не церемонясь, выставят нахалов за дверь. Лук этого точно не переживет. Будет ныть с утра до вечера и своими жалобами сведет с ума. Уж лучше немного помолчать, благо это не трудно.

Спутники шли под безразлично подмигивающими с высоты небосвода звездами, и звуки их шагов, точно испуганные летучие мыши, взлетали к потолку. Было видно, что заклинатель спешит, но не позволяет себе сорваться на бег. Несущийся по Башне демонолог — не самая хорошая репутация для того, кого и так здесь не слишком-то ценят.

Северянин заставил Луку отвлечься от созерцания потолка, дернув за рукав.

— Чего? — не слишком довольно обернулся тот, бросив последний взгляд на поразившую его комету.

— Надеюсь, у тебя хватит ума не говорить им про Лаэн? — наклонившись к уху стражника, прошептал Га-нор.

— Ну, ты еще меня поучи, что говорить, а что нет, лопни твоя жаба! — обиделся Лук. — Понимаю. Не тупой.

— Про Лаэн уже знают. — У Гиса оказался отменный слух.

— Ты о чем? — скорчил невинную рожу солдат.

— О том же, что и вы. В ней есть «искра».

— Правда?

— У тебя не слишком хорошо получается корчить из себя дурака, — добродушно усмехнулся в усы заклинатель.

— Это ты им рассказал? — Синие глаза следопыта нехорошо прищурились.

— Не говори ерунды, сын Ирбиса. — Гис шел вперед размеренным шагом. — Я не имею дурной привычки лезть в чужие дела. В особенности в те, которые касаются Дара. Башня знала о женщине Нэсса еще до того, как я оказался в Альсгаре. Так что не стоит тебе смотреть на меня волком.

— У заклинателей что? Глаза на затылке? — удивился Лук.

---

¹ Хвостатая вестница — название кометы у северян.

— А вот нас и встречают,— вместо ответа процедил магистр. По его лицу было видно, что он не слишком рад.

У дверей застыли четверо гвардейцев в парадных серо-красных мундирах, а чуть поодаль, нетерпеливо покачиваясь на носках, стоял мужчина, облаченный в черное. От взгляда Га-нора не укрылось, что на груди у незнакомца серебряными нитями вышита искра с восьмью лучами. Следопыт знал, что если красный круг или пламя указывают на принадлежность к Ходящим, то серебро нашивки говорит о том, что перед ними один из Огоньков.

— Ирла ждет, магистр,— сказал маг.

Заклинатель холодно кивнул в ответ. Он явно не слишком жаловал этого человека. Все так же молча Гис снял с пояса жезл. Протянул «черному». Тот с ироничным поклоном принял его:

— Эти люди знают правила? Они должны оставить оружие гвардейцам.

— Спасибо, что напомнил, Григо. Без твоей заботы мы бы пропали.— Алый не пытался скрыть яд в голосе.

— Всегда к твоим услугам.

Лук не стал тащить топор в Башню, оставив его под кроватью в доме Гиса, и вручил гвардейцу лишь широкий кинжал. Следопыт, в отличие от товарища, с видимой неохотой расстегнул ремень, удерживающий ножны за спиной, и с недовольным видом передал охране меч. Гвардеец, принявший оружие, вытянув его на полпальца, уважительно крикнул. И было от чего: некоторые оружейники Льдистых земель ничем не уступали морасским мастерам. Шкуру орхака сталь, подобная этой, разрубала, словно льняную рубашку.

— Мальчик, ты останься здесь,— велел Ашану «черный».

— Ашан, подожди, пожалуйста. Мы скоро вернемся.— Гис смотрел только на мага, посмевавшегося отдавать приказы его ученику, и теперь в его голосе прозвучало предупреждение: «Делай свое дело, Григо, и не лезь в чужое».

Огонек на это лишь хмыкнул и, не оглядываясь, пошел вперед.

— А они не любят тебя гораздо сильнее, чем я думал,— сказал Га-нор заклинателю.

— А ты знаешь того, кто любит носящих алые мантии? — Усмешка у магистра вышла не слишком приятной.

— Да, я знаю таких людей,— невозмутимо ответил рыжий.— И удивлен, что ты о них не слышал. Клань Льдистых земель уважают тех, кто правит демонами.

— Мне известно это. Прости.— Гис на мгновение прикрыл глаза, вернув своему лицу маску безмятежного спокойствия.— Но север и твои родичи слишком далеко от нас. Когда живешь среди всего этого,— он обвел рукой чертоги, по которым они шли,— то забываешь, что где-то тебя могут встречать не как врага, а как друга.

— Тебе следует побывать в наших краях. Вряд ли ты выдержишь

зиму, а вот лето может прийти тебе по вкусу. Конечно, если не боишься комаров.

Гис на это лишь рассмеялся:

— Нет. Я не боюсь комаров. И был в ваших краях. Правда, очень давно. Лет пятнадцать назад. В гостях у клана Снежных Белок. Но нынче не до путешествий. Дел навалилось выше крыши, да и путь на север Империи теперь закрыт, набаторская армия топчется где-то недалеко от Лестницы Висельника.

— Ну и что? Западный перевал через Клык Грома¹ будет доступен до середины осени, пока в горах не начнутся снегопады. К тому же Орлиное Гнездо и Окни не взяты, а пока они держатся, к Лестнице набаторцы не пройдут.

— Боюсь, падение Окни — лишь вопрос времени, мой друг, — вздохнул Гис. — Как и Орлиного Гнезда. Если они смогли взять Врата Шести Башен, то и эти крепости не выдержат натиска. Восток, который многие все еще продолжают считать нашим, мы потеряли. От Самшитовых гор и Лесного края до Окни, Гемской дуги и лесов Высокородных земли утрачены. И чтобы их вернуть, придется пролить море крови.

— Мы и так ее пролили, — не согласился Лук, влезая в разговор. — Только без всякого толку. На их стороне некроманты Сдаса и сами Проклятые. Против таких много не навоюешь, лопни твоя жаба. Оставят от тебя мокрое место или, того хуже, — обратят в мертвяка.

— Для того чтобы этого не было, и нужны Ходящие. А они вместо помощи солдатам сидят за надежными стенами и цветочки выращивают. Большая доблесть!

— Прикусил бы ты язык, рыжий, — беззлобно бросил Га-нору прислушивающийся к беседе Григо. — Если бы Башня ничего не делала, темные твари давно бы бегали по пепелищу твоей деревни. Ты не знаешь, на что способны владеющие черным Даром.

— Ты будешь удивлен, Огонек, но я знаю, чего ждать от некромантов. И гораздо лучше, чем ты.

Маг на эти слова лишь выразительно кашлянул, показывая, что не поверил словам Га-нора. Разговор затих, и дальше спутники шли чередой великолепных коридоров, залов и галерей в молчании. Наконец они поднялись по тонкой, тихо звенящей под ногами, серебристой лесенке, и Григо распахнул скрытую в стене невысокую дверь.

В какой-то момент Луку показалось, что он очутился в подвешенной между небесами и землей хрустальной клетке. Вся комната состояла

---

¹ Клык Грома — одна из десяти южных крепостей, созданных Скульптором. Врата Шести Башен (самая мощная цитадель) охраняли единственный перевал Самшитовых гор. Воронье Гнездо — подступы к Альсгаре с востока. Кабан — находится между восточным краем болот Шетта и Сандоном. Орлиное Гнездо — между Катутскими горами и Слепым краем. Клык Грома — недалеко от Устричного моря, на западном перевале Катутских гор. Последняя крепость, самая маленькая, нависает над Лестницей Висельника и носит одинаковое с ней название. Остальные четыре бастиона были уничтожены во времена Войны Некромантов.

лишь из тонкого каркаса и закрепленных в нем стекол. Каким-то непостижимым образом помещение было вынесено за пределы башни и висело в воздухе на невидимых креплениях.

Вверху плыли облака, внизу блестело озеро, которое с этой высоты в размерах проигрывало даже небольшой луже. Прямо над прозрачным куполом находились ласточкины гнезда, и множество птиц кувыркалось в небе, молниями пролетая мимо мыльного пузыря, куда попали приглашенные Башней гости.

Стекланный пол выглядел донельзя хрупким. Создавалось впечатление, что в любую уну он пойдет трещинами, точно первый лед, а затем лопнет под ногами, разлетится во все стороны с хрустальным звоном бриллиантовыми брызгами, и придется падать ярдов двести, если не больше.

Луку, как только он поглядел вниз, стало нехорошо. Ничего не скажешь, «приятная» перспектива. Ноги его задрожали, в горле пересохло, на лбу выступила испарина, а голова закружилась. Он зажмурился, но это не спасло, и, чтобы не упасть, солдат, словно утопающий, обеими руками изо всех сил вцепился в Га-нору.

— Не смотри вниз,— посоветовал тот.

— Легко сказать, лопни твоя жаба,— простонал Лук.— Меня сейчас тошнит.

— Не думаю, что Ходящая обрадуется такому проявлению чувств,— пробормотал Гис и встряхнул стражника.— Возьми себя в руки!

Тот открыл один глаз, затем другой:

— Лопни твоя жаба! Я с детства боюсь высоты.

— Эй! Ты же столько лет провел на стенах Врат Шести Башен! — удивился следопыт.

— Сравнил! Там, дай Мелот, чтобы сорок ярдов было, и камень под ногами. А здесь — за несколько сотен. Вон, люди внизу меньше муравьев. И сплошное стекло. Того и гляди, рухнем.

— То, что создал Скульптор, не так-то просто разрушить,— улыбнулся заклинатель.— Тебе совершенно нечего опасаться. Этот пол выдержит даже удар снаряда, выпущенного из катапульты.

Лук вяло кивнул и только теперь заметил, что в дальнем углу комнаты, на сдвигших подушках оранжевого цвета, поджав под себя ноги, сидит пожилая женщина. Перед ней, прямо в воздухе, висит толстая книга. Ходящая была погружена в чтение и не обратила на вошедших никакого внимания. Лишь после того как к ней подошел Огонек, она оторвалась от страниц и подняла глаза на приглашенных. Радужно улыбнулась, оперлась на руку Григо, с трудом встала на ноги и подошла к гостям.

— Магистр Гис, я рада видеть вас в добром здравии.

— Позвольте мне сказать то же самое, Ирла,— поклонился заклинатель.— Вот люди, о которых я вам рассказывал.

— Здравствуйте. Спасибо, что нашли время ответить на мое приглашение. Беседа не займет много времени.

— Мы готовы быть здесь, сколько потребуется, госпожа,— благоговейно проямлил Лук.

Га-нор имел на этот счет свое мнение, но счел за лучшее промолчать.

— О, не стоит идти на такие жертвы ради старухи,— отмахнулась Ирла.— Кто из вас двоих видел Проклятую?

— Я,— тут же отметил Лук.

— Замечательно. Как я уже говорила, это ненадолго. Проходите, присаживайтесь.

— Ну? — спросил Га-нор у друга, как только они покинули стеклянную комнату.— Теперь ты счастлив?

Лук, крепко сжимающий в кулаке подарок Ходящей— тяжелое золотое кольцо с шестью мелкими изумрудами по ободу,— кивнул и расплылся в улыбке. Он выполнил последнюю волю умирающей на Вратах волшебницы и поведал ее сестрам о Кори. Те, вопреки всем его опасениям, не только внимательно выслушали историю и поверили в нее, но еще и отблагодарили. Колечко стоит уйму денег, однако Лук не продаст его и за все сорены Альсгары. Слишком многое пришлось пережить по дороге, чтобы расстаться с памятным даром.

— Куда мы теперь, Гис?

— Сначала ко мне, а там уж решайте сами. Ирла обещала, что поговорит с Матерью, так что, вполне возможно, с вами еще раз захотят побеседовать. На вашем месте я бы не спешил покидать город.

— Ты не на моем месте, Алый.— Га-нор поморщился, словно от зубной боли.— Не вижу причин торчать в Альсгаре. Я для Башни бесполезен. На севере и востоке идет война. Вот-вот и сюда докатится. Недостойно воина клана Ирбиса избегать сражения. Завтра, крайний срок — послезавтра, я уйду из города. Хватит бегать от боя.

— Твое право. Мешать не буду. А ты, Лук?

— Я? — Пухлый стражник на уну задумался.— Я свое дело сделал, Гис. То, что меня просили,— выполнил. Рассказывать каждый раз одно и то же, точно заморская птица, не хочу. Так что, пожалуй, прогуляюсь с рыжим. Хотя воевать я не люблю, но вдруг удастся перебраться через Катугские горы? Никогда не был на севе... Лопни твоя жаба! Вы только посмотрите на это!!!

В зал вошли гвардейцы, за которыми следовали две женщины в платьях Ходящих и трое тех, кого ни Лук, ни Гис, ни Га-нор совсем не ожидали увидеть.

Один из троицы — молодой, голубоглазый, с породистым, чуточку нагловатым лицом,— шел впереди. На его черной бархатной куртке красовалось пламя, вышитое серебряными нитями. Двух других — мужчину и женщину — вели под конвоем.

Мужчина был среднего роста, жилистый и гибкий, в потрепанной, испачканной одежде. Правая штанина пропиталась засохшей кровью, но на походке мужчины это обстоятельство никак не отражалось. Светловоло-

сый и сероглазый, в окружении хмурых гвардейцев, он казался ловким и опасным мангустом, каким-то образом затесавшимся в стаю угрюмых сторожевых псов. Те не спускали с него настороженных глаз, похоже, в любой момент ожидая неприятностей. Женщина держалась рядом и была так же светловолоса, как спутник. Короткая мальчишеская стрижка, синие глаза, высокий лоб, тонкие губы, щеки запали, из-за чего высокие скулы казались еще выше. Она была одета в белую рубашу с тонкой красной вышивкой и кожаные охотничьи штаны. За каждым ее движением следили Ходящие.

— Лаэн! Нэсс! Шен! — изумленно вскричал Лук.

Светловолосый едва заметно кивнул, показав, что узнал их. Женщина приветливо улыбнулась, хотя было видно, что улыбка далась ей с трудом. Молодой человек пробормотал под нос ругательство.

— Эй! Куда вы их ведете? Что они сделали?!

Двое гвардейцев преградили солдату дорогу и взялись за мечи:

— В сторону! Не разговаривать с ними!

— Это мои друзья, лопни твоя жаба! В чем они виноваты, Шен?! — не унимался тот.

— Не ввязывайся в дела Башни, Лук, — ответил молодой.

— Как ты можешь?! Мы же вместе были в Плещи! Что с тех пор изменилось?

— Многое, — безрадостно усмехнулся светловолосый мужчина. — Лучше не вмешивайся. Это наши проблемы.

— А вот это мы еще посмотрим, — процедил Га-нор, вставая рядом с Луком. — Клянусь Угом, мы вас не оставим!

— В сторону! Дайте дорогу! — вновь рявкнул один из гвардейцев. — У нас приказ Наместника! В сторону, если не хотите попасть за решетку!

— Пропустите их, друзья, — попросил Гис своих спутников. — Сейчас не время и не место затевать свару. Будет только хуже. И им и нам. Я постараюсь что-нибудь придумать.

Северянин глухо заворчал, разом став похожим на недовольного медведя, но с дороги отошел. Лук, тяжело вздохнув, последовал примеру товарища. Конвой поравнялся с ними, затем прошествовал мимо, но заклинатель и двое приятелей неотрывно смотрели в спины уходящих до тех пор, пока за ними не закрылась дверь.

— Ничего не понимаю! Зачем они понадобились Башне?!

— Нэсс и Лаэн — гийяны, Лук. Неужели ты считаешь, что наемные убийцы невинны, точно овечки? — Глаза у магистра были задумчивы. Казалось, он решает для себя какую-то сложную задачу.

— А мне плевать! — запальчиво возразил Лук, сейчас больше всего похожий на задиристого петуха. — Мы вместе сражались, а это чего-то да стоит! Вот! Шен, выходит, живехонек, а, Гис? Ведь ты нам говорил, что вы с Нэссом его потеряли, когда убегали от мертвяков.

— Говорил. Значит, ему повезло не меньше, чем нам, раз он выбрался

из Даббской Плещи. Вы видели на его одежде пламя, или мне почудилось?

— Не слепые,— глухо сказал северянин.— Ходящий.

— Мужчины не могут быть Ходящими,— не согласился Лук.— Такого не бывает.

— Это как сказать. Как сказать... — Гис думал о чем-то своем.— Я, на твоём месте, не всегда доверял бы чужой болтовне.

— А я и не доверяю. Но... может, он просто тряпку с вышивкой у какой-нибудь волшебницы одолжил? — продолжал строить предположения стражник.

— Куртка мужская,— не согласился следопыт.— Ты что-нибудь понимаешь, Альй?

— Нет. Пока — нет.

— И ты не видел его в Башне раньше?

— Я здесь редкий гость. Не видел. Впрочем, это не удивительно. Башня огромна, а маги живут не только в Альсгаре.

— То есть ты хочешь сказать, что он действительно может быть Ходящим?

— Да. Если мальчик обладает Даром Целителя, то да. Он маг.

— Даром кого? Какого такого Целителя? — недоумевая, нахмурился Лук.— Ты про что сейчас говоришь?

— Позже,— отмахнулся заклинатель.— Мне надо подумать.

— Если у малыша Шена «искра», то почему он не помог нам тогда избавиться от покойников? — не унимался солдат.

— Потому что магия Целителей не такая, как у других обладателей Дара. В большинстве своем. Вот что. Идите-ка вы к Ашану. Он проводит вас в мой дом. А я попытаюсь разузнать, что к чему.

Больше не вдаваясь в подробности, Гис резко развернулся и поспешил в сторону двери, за которой скрылись конвоиры и пленные.

ГЛАВА 2

Спины гвардейцев маячили перед глазами, и просто чесались руки всадить в них что-нибудь острое. Но, к сожалению, от всех опасных предметов меня освободили еще прошлой ночью, когда мы с Лаэн выбрались из подземного хода.

Старина Молс постарался, ничего не скажешь. Мы столько лет водили Ходящих за нос, и тут эта гадкая продажная сволочь вместе со своими подручными выдала нас магам со всеми потрохами. Мы даже пикнуть не успели, а уж о том, чтобы оказать мало-мальски достойное сопротивление, и вовсе речи не было.

Теперь драться бесполезно. И не потому, что без оружия я много не навоюю. Это не так. Слава Мелоту, я могу постоять за себя и с помощью кулаков. Но против двух идущих за нами следом волшебниц кулак — это

не аргумент. Меня скрутят, точно теленка. К тому же при любом моем неосторожном поступке может пострадать жена. А это слишком высокая цена за свободу. Я не готов ее заплатить.

Лаэн шла рядом, держа меня под руку непередаваемо горячими пальцами. Они обжигали кожу даже через рубашку. Ее лицо оставалось невозмутимым, она смотрела только вперед, не обращая никакого внимания на Ходящих, словно сама вела их под конвоем.

Шену то ли было нечем заняться, то ли он решил проследить, чтобы из нас не вытрясли душу раньше времени. Не находись он рядом, и две дамы, что смотрят на Ласку двумя рассерженными куницами, не были бы с нами столь «милы и обходительны». Небось сразу же потащили бы на дыбу. Интересно, есть ли в Башне дыба? Поблизости ничего похожего не наблюдалось, но я и не ожидал увидеть при входе орудия пыток со скелетами под потолком. Если что-то такое и существовало, то его надежно прятали в подземельях. Впрочем, зачем волшебникам столь примитивные орудия, как пыточные инструменты, когда у них на службе магия и они умеют причинять боль одним лишь взглядом?

Возможно, то, о чем я думаю, — не слишком возвышенно и умно, зато, если какая-нибудь из этих тетушек с прокисшими от бесконечно скучной жизни лицами вздумает лезть в мою голову, она вряд ли найдет что-нибудь ценное для себя.

Я старался запоминать дорогу, но довольно скоро запутался и в итоге бросил это занятие. Количеству залов, коридоров, комнат и галерей мог позавидовать даже императорский дворец в Корунне. Внутри Башня оказалась гораздо больше, чем выглядела снаружи. Та же самая шутка Скульптора, что и в тайном убежище, которое мы с Лаэн нашли в храме Мелота. Так что я не сильно удивился.

Не знаю, куда и к кому нас вели, но от предстоящей встречи я ничего хорошего не ждал. Несмотря на то что прошло немало лет, убийство Ходящей нам не простят, даже если мы сподобимся произнести банальное «извините» и шаркнуть ножкой. К тому же теперь на наши шеи повесят еще и Йоха, как-никак он лучший «друг» Наместника. Вряд ли правитель провинции оставит без внимания гибель того, кто снабжал его бездонные карманы полновесными веселыми соренами.

Нас не отправили в Счастливые сады только потому, что магам нужна Лаэн. У них появилось несколько вопросов к человеку, обладающему «искрой» и не прошедшему школу волшебников. Хотя я не понимаю, зачем им потребовался такой душегуб, как Серый. В отличие от жены, я никакими способностями к Дару никогда не обладал. Но напоминать об этом магам что-то не слишком хотелось.

Началась череда до бесконечности унылых спиральных лестниц, перила которых были украшены совершенно безвкусными завитушками, зверюшками и цветочками. Где-то на середине подъема от скуки я принялся считать ступеньки, но сбился на пятой сотне и больше не продолжал. Оставалось лишь диву даваться, почему хваленый Скульптор не

придумал какие-нибудь иные способы подъема. Не завидую магам, скачущим по этим лесенкам вверх-вниз каждый день. Муторное занятие. Так недолго и околеть.

Наконец гвардейцы остановились перед дверью, один из них открыл ее, отошел в сторону и обратился к нам:

— Заходите.

Не оставалось ничего иного, как последовать приказу.

Комната оказалась большой и уютной. Высокое зеркало, заключенное в раму из почерневшего серебра, двуспальная кровать на массивных бронзовых ножках, стол, три стула, шкаф в углу. Два десятка подсвечников; книжный стеллаж, забитый томами; чучело вставшей на дыбы снежной обезьяны. На кровати лежало чистое белье и одежда.

— Это ваша комната. Располагайтесь.— Шен соизволил открыть рот.

— Как мило с вашей стороны позаботиться об удобствах,— нехорошо усмехнулась Лаэн.— Палач придет знакомиться сразу сюда?

— Не мели ерунды,— поморщился тот.— Никто не собирается вас убивать. Во всяком случае, прямо сейчас,— тут же добавил он.

— И на том спасибо, малыш.

— Тут все, что может вам потребоваться.— Целитель не считал нужным реагировать на ее язвительный тон.— Переоденьтесь. Еду и воду вам будут приносить, так что с голоду не умрете. Там — ванная и туалет. На всякий случай предупреждаю — за дверью гвардейцы и Ходящие, а на окне решетка. Так что прошу обойтись без ваших глупых шуточек. Попытайтесь сбежать — о хорошем отношении можете забыть, я больше ничего не смогу для вас сделать. Окажетесь в подземелье, прежде чем жрецы в храмах Мелота успеют прочитать «Славься!». Можете мне поверить, в подвалах не так уютно, как здесь.

— Не надо подвалов. Кошки будут словно мышки. Нас вполне устроит это место,— сказал я, хотя мне больше по нраву находиться как можно дальше от Башни.— Долго мы тут будем мариноваться?

— Не знаю. Это зависит не от меня. С вами поговорят, когда придет время.

— Очень любезно. Нам остается только ожидание.

— Не стоит злиться.— Шен позволил себе легкую улыбку.— Я и так всеми способами стараюсь облегчить ваше положение.

— Ты очень добр, я даже не знаю, что и думать.— Синие глаза Лаэн метали молнии, и она отнюдь не напоминала мышь.— Раньше ты не был столь щедр со своими друзьями. Что сдохло, если ты стал так о нас беспокоиться?

— Вы никогда не были в числе моих друзей,— теперь тон его стал не столь приветлив.— Вам это прекрасно известно. Так что не стройте из себя оскорбленных. У вас это плохо получается. На моем месте...

— Я не на твоём месте! — отрезала Лаэн.

— Тем лучше. Не знаю, что думает Мать, но я считаю, что твой Дар опасен. И не только для окружающих, но и для тебя самой.

— Вот как? — Я нехорошо прищурился. — Помнится, когда в моей деревне нас прижал некромант, ты не гнушался воспользоваться ее услугами.

— В тот момент меня никто не спрашивал. И не я ли помог уничтожить ту, что спеленала Ласку по рукам и ногам?

— Ну уж точно это было сделано не для того, чтобы нам помочь.

— Но и вы спасали лишь свои шкуры, а не наши. Вы ничуть не лучше. Так что обвинять меня в отсутствии совести, по меньшей мере, смешно, Серый, — возразил он.

Я пожал плечами, показывая этим, что оставляю за собой право самостоятельно выбирать, что смешно, а что нет.

Шен, не удостоив нас дальнейшей беседы, вышел, и дверь за ним закрылась. Сухо щелкнул замок. Затем раздался приглушенный лязг засова.

Я громко выругался.

— Без толку, — вздохнула Лаэн. — С твоей ногой точно все в порядке?

— Да. Наш славный Целитель счел возможным залечить рану.

— Значит, он все же что-то умеет. — Она уже зашла в ванную. — А то я начала думать, что он может коснуться «искры» лишь после того, как его разозлят или до полусмерти напугают. Слушай! Тут течет самая настоящая горячая вода!

— Да? — меня несколько не воодушевила эта новость. — А чего ты хотела? Чтобы это было вино? Если ты не заметила, мы все-таки попали в жилище магов.

— Не злись. И так тошно.

— Прости. — Я тут же взял себя в руки. Еще не хватало вымещать свое раздражение на ней. — Никогда не влипал в такую передрыгу.

— Как же, как же, — хихикнула она, беря с кровати чистые штаны и рубаху. — Если вспомнить твою буйную молодость, то этот случай вряд ли первый. Не тебя ли едва не отправили на виселицу в Майбурге? А уж про путешествие с Высокородным по Сандону я вообще молчу. Если это не передрыга, то я — Мать Ходящих.

— Это не то, — проворчал я, пробуя пальцем текущую из раскрытой львиной пасти струю. Она действительно была теплой.

— Ну как скажешь. Тебе виднее. Вот, держи. Поменяй одежду. Твоя вся в грязи и крови. И вымойся. Не скажу, что запах уж слишком приятный.

Я хмыкнул:

— Ты права. Вряд ли вонюю я отравлю какого-нибудь Огонька, не говоря уже об обычном гвардейце. Так что, пожалуй, воспользуюсь твоим советом.

— Сделай милость.

— А ты?

— После тебя, дорогой. Мне надо подумать.

— Ты с этим не переусердствуй. — Я скорчил глупую физиономию.

Она тут же довольно ощутимо ткнула меня твердым кулачком под ребра. Я в ответ добродушно хрюкнул и отправился мыться, заметив, что на ее губах появилась улыбка.

Хорошо. Значит, не зря старался.

Вода меня оживила и освежила голову. Сразу стало легче. Прежде чем натянуть штаны, я еще раз внимательно осмотрел ногу, в которую не далее как прошлой ночью вошла стрела одного ретивого лучника из людей Йоха. Шен и вправду постарался на славу. Вместо кровоточащей раны — тонкий белый шрам.

Хорошо быть Целителем.

Жаль, что Лаэн не умеет врачевать раны. Мое солнце не лечит, а калечит. Конечно, дурацкий повод для гордости, но уж что есть, то есть. Разнести парочку изб, размазать всмятку какого-нибудь всадника вместе с лошадью или сжечь наемного убийцу — не самые плохие умения при нашей опасной профессии.

— Другой вид, — одобрила Лаэн, когда я заявился в комнату. — Вода все еще есть?

— Да. С каждой минкой я вижу в использовании магии все больше и больше преимуществ.

— Поверь, расплата за все эти удобства не такая уж и маленькая. Иначе Скульптор не сошел бы с ума, — сказала она и отправилась в ванну, а я остался с открытым ртом.

— Эй! — воскликнул я, когда обрел дар речи. — Ты что, хочешь сказать, что самый знаменитый маг прошлого был сумасшедшим?!

— Ну так было не всегда. — За дверью раздался плеск. — Но в принципе на твой вопрос вполне можно ответить «да».

— Бр-р-р!!! — Я пытался прийти в себя. Затем вошел к ней, благо она и не думала запираяться. — Послушай. Это действительно откровение. Ты точно знаешь?

— Ну-у, — протянула она. — Точно.

Мое солнце высыпала в ванну целую горсть ярко-зеленых шариков из стеклянной вазы, стоявшей на столике. Приятно запахло морем и шалфеем, вода забурлила, и Лаэн окутала золотистая пена. Она погрузилась в нее с головой, затем вынырнула и, довольно отфыркиваясь, убрала со лба мокрые волосы.

— Нормальный человек, будь он хоть трижды Целителем и Ходящим, никогда бы не додумался до создания такого чуда, как Лепестки Пути. Скульптор и в самом деле был немного не в своем уме. Правда, сие обстоятельство мало кому известно.

— Почему? — ляпнул я, не соизволив подумать.

Она посмотрела на меня, точно на маленького, а затем вновь «ушла на дно».

— Понимаешь, тут какое дело... — Лаэн вынырнула, ее покрытая пеной рука потянулась к очередной колбе с ароматной солью. На этот раз вишневого цвета. — В Башне, как и везде, конечно же хватает дураков. Но

на то, чтобы не растрепать всему свету, что обожаемый многими Скульптор был психом, у них ума хватило. Подобная информация вредит репутации.— Она улыбнулась, видя мою ошеломленную рожу.— Вообще-то, об этом не принято болтать. Не все Ходящие это знают. Подозреваю, даже не весь Совет.

— Быть может, ты расскажешь мне, как это стало известно тебе? — как бы невзначай спросил я.

— Слишком долгая история,— поморщилась она.— Ты не мог бы потерять мне спину?

Давно пора привыкнуть к тому, что мое солнце не желает говорить о своем прошлом и всегда старается перевести беседу в иное русло.

— Ты понимаешь, что рано или поздно тебе придется все объяснить? — мягко поинтересовался я, расстегивая свою рубашку.

— Да.— Ее плечи напряглись.— Знаю. Но сейчас я еще не готова.

— Смотри, чтобы не стало слишком поздно.

— Эй! Ты что делаешь?! — Она увидела меня без рубахи.— Я всего лишь просила потерять спину!

— Этим я и собираюсь заняться,— усмехнулся я, берясь за ременную пряжку.

— Ты не находишь забавным... вместо того, чтобы ожидать палача...

— Не намерен страдать понапрасну, особенно когда ничего нельзя изменить. Или ты против моей компании?

— Я?! — возмутилась она.

— Надеюсь, все Ходящие лопнут от зависти, если узнают.

— О! Мы постараемся это устроить. Ведь правда? — улыбнулась Лаэн и протянула ко мне руки.

Много позже, когда Лаэн сидела на кровати и сушила волосы, я подошел к окну, чтобы оглядеть окрестности.

— Высоко, поberi меня Бездна.

— Вполне закономерный итог.— Мое солнце тихонько чихнула.— Что решетка?

— Крепкая. Нечего и думать, чтобы вырвать руками или разогнуть прутья. Здесь требуется сила блазга.

— Даже не будь решетки, уйти отсюда без крыльев не представляется возможным.

— Ты в состоянии их наколдовать?

— Этот вопрос не требует ответа, дорогой. Во-первых, сейчас я не могу ни-че-го. Ходящие блокируют мою «искру», да и силы после встречи с Тиф все еще не восстановились в полной мере. Во-вторых, трансформации подобного рода не под силу даже Проклятым. С перьями рождаются лишь йе-арре, а мы — люди.

— Жаль.

— Конечно, о такой вещи, как связать простыни и спуститься по ним, спрашивать глупо?

— Совершенно верно. Если подойдешь ко мне, то можешь в этом убедиться.

— О нет. В таких вопросах я тебе доверяю полностью. Ярдов двести?

— Все триста. Нас разместили где-то на самом верху. Вид отсюда, кстати говоря, потрясающий.

— Это обнадеживает, но только до тех пор, пока я не начинаю думать, что рано или поздно за нами придут. И тогда...

— Что тогда?

— Меня ждет крайне неприятный разговор.

— Тебя? Не меня? Ходящую, если ты не помнишь, убил я.

Она фыркнула, перестала тереть голову полотенцем, отбросила его в сторону и гибко потянулась:

— Это, конечно, так. Но, поверь, Ходящих в первую очередь интересуют мои умения, а не твой подвиг. У них ко мне будет масса вопросов.

— Каких? — насторожился я.

— Тех же самых, что иногда пытаешься задать мне ты.

— Я не слишком любопытен.

Она грустно улыбнулась:

— Ценю, что за все эти годы ты так и не стал ворошить мое прошлое. За это я тебя и люблю, дорогой.

— Только за это? — делано возмущился я.

— Нет! Конечно, нет.— Теперь ее улыбка была не такой грустной.— Но Ходящие не столь терпеливы, как ты. И они умеют вытаскивать ответы силой.

— Лаэн,— вздохнул я, присев на краешек кровати.— В последнее время мы все чаще возвращаемся к одному и тому же разговору. Прошное, каким бы оно ни было, рано или поздно настигает нас. Тебе кажется, что я умру от твоих страшных тайн?

— Совершенно верно.

— Глупости! От слов не умирают.

— А от тайн очень даже мрут,— не согласилась Ласка.— И ты прекрасно это знаешь. Пойми. Я не говорю тебе не потому, что не доверяю. Нет. Просто это опасное знание. И если Башня решит, что ты услышал недоуздочное, тебя уничтожат без каких-либо колебаний.

— Они и так нас убьют. Это вопрос времени, и, наверное, краткого.

— Все возможно. Но, несмотря на это, я не стану рисковать твоей жизнью.

— Тебе не кажется, что я сам в состоянии решать, когда мне следует рисковать?

— Помнишь, что ты сказал в Даббской Плеши? Что пытаешься спасти мне жизнь. И что с тобой я буду в большей опасности, чем без тебя. Сейчас та же самая ситуация. Только в точности наоборот. Я не буду подвергать тебя опасности. Поверь, некоторые вещи лучше не знать как можно дольше.

Я недовольно посопел, затем сдался:

— Хорошо. Поступай, как считаешь нужным. Но учти, они все равно нас прикончат. А я так и умру в неведении. Кстати говоря, Шен еще тогда пытался узнать у тебя, кто твой учитель.

— Он слышал ответ. Я самоучка.

— И, как и я, остался им не слишком удовлетворен. А еще он очень интересовался, какое количество покойников ты в состоянии поднять зараз. В отличие от Целителя, я получил ответ на свой вопрос. Нам потребуется вся изворотливость, чтобы скрыть, что ты владеешь магией, скорее близкой к Сдису, чем к Империи. Не мне тебе рассказывать, с какой теплотой Ходящие относятся к темным.

— Я не темная!

— Ты способна вытащить из земли четверых мертвецов! И взорвать на расстоянии голову какому-нибудь гаду. И овладеть посохом некроманта, подчинив его себе. Как я слышал от Шена, это не так-то просто, и ни одна Ходящая на такое не способна. Поверь, солнышко, им этого будет вполне достаточно, чтобы признать тебя не только некромантом, но и дочерью самой Бездны!

— Ш-ш-ш.— Она приложила палец к моим губам.— Не стоит призывать тьму. Даже сюда. К тому же у стен могут быть уши. Не наговори лишнего, Нэсс.

— Тебе не кажется, что мы и так этого уже наговорили целый воз?

— Ты не сказал ничего, чего они бы не знали. Но давай завершим эту беседу. Ладно?

— Интересно, каким ветром сюда занесло наших знакомцев? — Я перевел разговор в другое русло.

— Ты про Лука и Га-нора? — тут же подхватила Лаэн.— Ничего удивительного. Стражник во время нашего путешествия так и рвался в Башню. Но я не думала, что увижу их еще раз.

— Я тоже. Да и Гиса не ожидал встретить.

— Возможно, именно заклинатель их сюда и протаскил.

— Теперь мы с ним на разных берегах реки. Впрочем, как и с Шеном.

— Ну с мальчишкой мы никогда не были на одной стороне. В одной лодке — да. Но это вынужденные обстоятельства, и ничего более. Что до рыжего и его приятеля — они никогда не делали нам зла, и дрались мы вместе. Если бы не эта парочка, я бы не выбралась из Даббской Плещи. Ты же видел, они чуть не набросились на гвардейцев.

— Видел... Хорошо, что Гис их удержал. Похоже, он ничуть не обиделся, что в прошлый раз я смылся, не попрощавшись.

— На самом деле, будь моя воля, я бы не отходила от заклинателя дальше пяти ярдов.

— Даже так? — Я приподнял бровь.— С каких пор ты успела так привязаться к нашему лжегонцу?

— С тех самых, как по нашему следу идет одна из Проклятых. Алый — лучшее оружие против того, кто вселился в чужое тело. Ему на роду на-

писано бороться с духами. Пока он будет рядом, у Тиф гораздо меньше возможностей до нас дотянуться.

Я рассмеялся:

— Поверь, солнышко, пока мы сидим в Башне, да еще под присмотром Ходящих, ведьма не подобрется к нам ближе, чем на лигу. Хотя с Проклятыми никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Ты сама говорила, что их опыт не сравним с мастерством нынешних магов. Покуда она жива, мы покоя не узнаем.

— Ты совершенно прав. Я бы многое дала, чтобы понять, как она смогла выжить.

— Ты так не можешь? — осторожно спросил я.

Лаэн усмехнулась, дернула плечом:

— Увы. На такие чудеса способны лишь волшебники прошлого. Не я.

Я вздохнул, упал на кровать, потянулся и зевнул:

— Готов спорить, что сегодня гостей ожидать не стоит. Денька через два нагрянут. Когда мы станем более покладистыми.

— А я уверена, что раньше, чем через неделю, до нас не снизойдут. Это Башня. Здесь любят показывать, что они — хозяева всего сущего и никому не спешат.

— Ну что ж, — я улыбнулся и потер заросший подбородок, — давай проверим, кто из нас прав.

За нами не пришли ни через два дня, ни через неделю. Я даже подумал бы, что о нас и вовсе забыли, если б не кормежка. Трижды в день повторялся один и тот же ритуал. Дверь отворялась, входила троица плечистых гвардейцев при оружии, за ними Огонек, потом слуги с подносами. Нам оставляли еду, уходили, запирали и забирали грязную посуду лишь в тот момент, когда наступало время очередного приема пищи.

К чести Башни, приходилось признать, что голодом нас морить не собираются. Как и держать на хлебе с водой. Кормили отменно, хотя сначала я сомневался, что еда не опасна. Но, рассудив, что никто из магов не станет отправлять нас в Бездну, не получив желаемого, я успокоился и больше о яде не думал.

В отличие от меня, Лаэн ела безо всякого аппетита и с каждым днем все больше мрачнела. Было видно — она о чем-то думает, и это «что-то» отнюдь не радужное. Я пытался ее растормошить, но она лишь отвечала улыбкой и качала головой. В какой-то момент мне это надоело, и я едва ли не насильно заставил Ласку съесть всю порцию, убедив, что не вижу никакого счастья, если она упадет в голодный обморок на глазах у всех Ходящих.

Шен не радовал нас визитами, правда, это обстоятельство меня не расстраивало. Пускай большую часть времени мы и страдали от безделья, но развлечение в виде наглой рожи Целителя не слишком прельщало. К исходу десятого дня заключения я решил повысить свою образованность и взялся за находящиеся в стеллаже книги, благо Лаэн научила меня читать еще в самом начале нашего знакомства. К моему глубокому

сожалению, половина из того, что было, оказалось на чужеземных языках. Еще десяток — на певучей скороговорке Высокородных. И пяток — исписанных хитрой вязью йе-арре. То, что осталось, в основном предназначалось для заумных всезнаек. Мне, право, было совершенно скучно разбираться в родословной какого-то гроганского герцога или изучать историю создания торгового союза Золотой Марки и Урса.

Наконец, я остановил свой выбор на книге в красном переплете, повествующей об интригах и войнах. Написал ее явно какой-то сказочник, но было весело. Все вертелось вокруг парня по имени Ворон, который без усталости лакал вино, почему-то обозванное «черным», спал с кем ни попадя (включая местную королеву) и начинал каждое утро с того, что убивал на дуэли с десятком отъявленных лгунов и негодяев. Любимыми развлечениями этого странного субъекта было: повоевать, поиграть в азартные игры и перевернуть все с ног на голову. В общем, я не был уверен, что эта история правдива, но с интересом дочитал фолиант, прежде чем к нам нагрянули долгожданные посетители.

Это случилось на двенадцатый день заключения и на восьмой — последнего летнего месяца. Дверь распахнулась, но вместо обеда и слуг с подносами появился Шен.

— Пора, — односложно сказал он.

— Неужели? — Я встал из-за стола. — А мы уж начали опасаться, что о нас забыли.

Почетный эскорт, состоящий из шестерых гвардейцев и двух Ходящих, уже ожидал нас в холле. Маги оказались старыми знакомыми — они же встретили нас в винном подвальчике после того, как мы нанесли визит Йоху. Одна из волшебниц — тощая, словно жердь, страхолюдина — подошла к Лаэн и заглянула ей в глаза. Затем утвердительно кивнула напарнице.

Понятное дело. Проверяла, способна ли Лаэн наколдовать в святая святых какую-нибудь гадость и не ослабили ли магические цепи. Судя по спокойному поведению Ходящих — все было в порядке.

— Мы можем идти? — спросил у женщин Шен.

— Вполне, — ответила тощая и тут же посмотрела на Лаэн. — Даже не пытайся, девочка.

Мы прошли чередой висящих в воздухе спиральных лестниц, где прозрачные колонны из неизвестного мне камня искрились от падающих сквозь окна солнечных лучей и полыхали бледно-розовым оттенком дорожущего урского горного хрусталя. Внутри они оказались полыми, и по ним поднимались и исчезали где-то под потолком бесчисленные воздушные пузырьки.

Лестницы кончились, но хрустальные колонны, словно древесные стволы, теперь вырастали вдоль яшмовых стен, создавая впечатление, что мы находимся в каком-то волшебном воздушном лесу или, напротив, на морском дне. Для полного впечатления не хватало лишь водорослей и

рыб. Я даже посмотрел вверх, ожидая увидеть мерцающую водную гладь, но вместо этого взгляд наткнулся на самый обычный расписной потолок.

Вновь лестница. Теперь прямая и широкая. Мы поднялись по ней, прошли по узкой галерее и оказались в зале, пол которого был скрыт под множеством мелких бледно-голубых цветов. Они выростали прямо из плит, оставляя для прохода лишь узкую дорожку, вымощенную истершимся желтым кирпичом и смотрящуюся в этом месте так же неестественно, как живой речной дракон¹ в лавке йе-арре.

— Забери меня Бездна. Это же самые настоящие подснежники! — Лаэн первая разглядела, каким цветам позволено расти в зале.

— Подснежники в последний летний месяц? — недоверчиво пробормотал я, но, убедившись, что она права, добавил: — Ничего не скажешь — оригинально.

— Сорита любила эти цветы. Зал назван ее именем, — снизошел Шен до объяснения.

— За ними кто-нибудь ухаживает? — поллобопытствовала мое солнце.

— В этом нет никакой нужды. Со времен Темного мятежа цветы растут сами по себе. Считается, что за ними присматривает сама Башня.

— Ну если учесть, сколько силы должны были впитать в себя эти стены после того, как здесь в один день погибло несколько сотен магов, — это неудивительно, — тихо прошептала Лаэн.

Гвардейцы остановились, а затем, ничего не говоря и даже не посмотрев на нас, отправились в обратном направлении. Так же поступили и Ходящие.

— Ждите здесь. — Шен указал на деревянную скамейку, находящуюся возле дорожки. — Я за вами приду.

— Не боишься, что мы попытаемся сбежать? — на всякий случай спросил я.

— Куда? — поинтересовался он. — Отсюда лишь два выхода, и оба охраняются. Да и глупо бежать. Чужаки далеко не уйдут. Башня не допустит. Ждите здесь. Я скоро вернусь.

Мы с женой молчали до тех пор, пока он не скрылся из виду, затем она наклонилась ко мне и быстро зашептала на ухо, обжигая горячим дыханием:

— Не думаю, что здесь нас кто-то будет подслушивать, но все же не стоит говорить слишком громко. Не перебивай. Раньше я сказать не могла, боялась, теперь бояться уже поздно. Ты знаешь, кто сейчас является Матерью Ходящих?

Я покачал головой:

— Не знаю. Мне никогда не было никакого дела до этого. Если честно, я даже имени Наместника Альсгары не знаю, чего уж говорить о всяких ведьмах?

---

¹ Речной дракон — в Империи так называется крокодил.

— Так я и думала. А я кое-что узнавала. Давно. Еще до того, как мы перебрались в Песью Травку. Ее имя — Цейра Асани. Прежде чем взять узы Башни, она управляла школой Ходящих в Радужной долине. Очень хорошее место и очень хорошая власть.

— Но кресло главы Совета лучше,— понимающе усмехнулся я.

— Именно,— одобрительно кивнула она.— Семь лет назад умерла предыдущая Мать, и в Совете развернулась тайная грызня за Синее пламя¹. Претендентов оказалось двое, и силы в Совете разделились приблизительно поровну.

— Ты очень хорошо осведомлена,— прищурившись, сказал я.— Кто поделился с тобой такими сведениями?

Она не дрогнула. Выдержала мой взгляд и произнесла:

— Один человек. Кто — теперь уже неважно. Он давно мертв.

Я не стал спрашивать, что послужило причиной его смерти. Вполне возможно, что причина сейчас как раз сидит передо мной. И тут я едва не подпрыгнул оттого, что мне вдруг пришло в голову:

— Постой!

— Тише,— умоляюще попросила она.— Пожалуйста. Тише.

— Семь лет назад мы с тобой... — прошептал я.

— Верно,— согласилась она, пристально посмотрев мне в глаза.— Догадался?

Да. Догадался. Продолжать ей не было нужды. Именно в то время к нам поступил заказ от неизвестного нанимателя.

Кому-то стал очень мешать один человек.

Женщина.

Ходящая.

И мы совершили то, за что теперь придется расплачиваться.

В холодный весенний вечер, когда с неба падали снежные хлопья и дул задира-ветер, мир лишился одного из своих магов. А мы с деньгами отправились в долгие бега, погнавшись за ветром, который привел нас в Башню.

— О!..— глубокомысленно изрек я и уставился на ближайший подснежник, словно в нем были заключены все тайны Вселенной.

— Одной из претендующих на кресло Матери — не стало. И Цейра Асани взяла Синее пламя в руки... Она была нашим заказчиком, Нэсс.

Я кивнул. Попробовал на вкус это знание так и эдак. Повертел на языке. Невкусно. Горько. Жжется. А еще — крепко разит падалью. Приехали, забери нас Бездна!

— Ты знала это еще до того, как мы все провернули? Поэтому и не горела желанием лезть в барсучью нору?

— Нет. Я не знала. Что до норы, то до того времени мое правило было простым — держаться от Ходящих как можно дальше. Ты должен понимать, что у меня были причины не связываться с ними.

---

¹ Синее пламя — символ власти Матери Ходящих.

— И все же ты пошла на это. Я ведь так и не спросил, почему ты тогда решила мне помочь и осталась? Ведь все, что я сделал,— было глупо. Меня подвела банальная жадность и желание завязать с прошлым.

Ее синие глаза внезапно сверкнули бешенством:

— Не будь дураком, Серый! Ты знаешь ответ на свой вопрос! Мы вместе до конца. И, побери Бездна твою ухмыляющуюся рожу, я тебя люблю! Или ты предпочел бы услышать что-нибудь другое?!

— Прости,— кротко сказал я.— Это и вправду был глупый вопрос. Так когда ты поняла, что за заказом стоит Цейра Асани?

Лаэн, все еще раздраженная, смерила меня неласковым взглядом и пробурчала:

— Все встало на свои места где-то через год после дела. В Альсе до меня случайно дошли некоторые разрозненные слухи. Но я с самого начала знала, что руку на Ходящую мог осмелиться поднять лишь кто-то очень влиятельный. В тот момент на подобное была способна только Башня. К тому же у обычных пивоваров, пекарей и вельмож в сундуках не лежат стрелы с наконечниками, убивающими саму суть души и Дара. Все до банального просто — нашими руками убрали конкурента. Ходящие тоже люди. Им присуще то же, что и нам. Желание залезть повыше, где солнышко сияет поярче и греет теплее, чем внизу.

— Выходит, кто-то получил в костлявые лапы Синее пламя, а всех собак повесили на нас. Заказчик вышел чистеньким.

— Да. Помнишь Огоньков, которые шли рядом с жертвой? Потом они подтвердили, что использованная против них магия была несколько иной, чем та, которой обучают в Радужной долине. К тому же выпущенная тобой стрела — плод сдисской школы, да еще и выращенный в незапамятном прошлом. Редкая вещь. Очень редкая. Сейчас подобное можно найти только в Кругах Сдиса, а это сразу же отводило все подозрения от главного конкурента погибшей. Цейра позаботилась о том, чтобы ее никто не вычислил.

— Она стала Матерью, но мы ушли из ее рук, и нас начали искать. Так?

— И да и нет, дорогой. Нас искали не только из-за убийства, не только, чтобы узнать, кто заказчик, но и из-за моей «искры». В том деле я раскрыла себя перед Башней.

— Оставлять нас в живых... — протянул я,— на мой взгляд, очень опрометчивый поступок для Матери. Не говоря уже о том, что нас притащили туда, где есть сторонники ее мертвой конкурентки. Нас могут распросить...

— И что мы им скажем? — поинтересовалась она.— Мы ничего не знаем. Никого не видели. Все наши подозрения — только подозрения. Никаких доказательств. Но даже если бы у нас на руках и были какие-нибудь факты, кто поверит двум гийянам, когда на другой чаше весов слово Матери Ходящих?

Это верно. Даже начни я орать на весь зал, кто выдал нам за голову волшебницы десять тысяч соренов, слушать нас не станут.

— Судя по тому количеству времени, что мы провели в Башне, никто, кроме Матери, не жаждет с нами общаться. Война пришлось очень кстати. Все слишком заняты магами Сдиса. Ну а с другой стороны, кому теперь есть дело до умершей семь лет назад неудачницы?

Я поразмыслил над этим и решил, что в ее словах есть доля правды. В течение почти двух недель нашего заключения никто не спешил устраивать допрос.

— Спорю на все наши деньги, что семь лет назад эта ведьма вышла на нас не без помощи Молса.

— Ты прав. Катрин знала о моих способностях. Я не удивлюсь, если она еще тогда продала нас и получила за это приличные деньги. А Цейра Асани воспользовалась такой okazji, когда пришло надлежащее время. Мы оказались идеальным шансом замести следы. Привлечь чужую магию... Шикарный подарок преподнес ей Молс.

— Рано или поздно ведьма нас убьет. Теперь в этом у меня нет никаких сомнений.

— Я предпочитаю поздно. А ты?

— Я тоже. Думаю, длина наших жизней будет зависеть от того, что услышит Мать,— невесело усмехнулся я.

— Очень тебя прошу, что бы там со мной ни сделали, не бросайся на них с кулаками.

— Конечно,— соврал я, глядя ей в глаза, но она слишком давно была рядом со мной, чтобы не понять, что я лгу.

— Предупреждаю серьезно, Нэсс! Ни к чему хорошему это не приведет.

— Не говори со мной как с маленьким ребенком! — возмутился я.— Я не собираюсь стоять и смотреть, как ведьма пьет из тебя кровь.

Она поняла, что я уперся рогом, и замолчала.

Какое-то время мы просто сидели, ничего не говоря друг другу. Я прожигал глазами подснежники, словно они были моими самыми ненавистными врагами. Затем припомнился Молс, и я с огромным удовольствием стал мысленно подбирать Катрин кару, которая бы как можно лучше показала ей, что нельзя предавать старых друзей. Я тешил себя надеждой, что разговор с главой гильдии наемных убийц Альсгары рано или поздно все-таки состоится, и тогда мы решим все возникшие разногласия. И с Молсом и с Пнем.

Мое внимание привлекло изображение на стене. Оно находилось совсем недалеко от того места, где стояла скамейка.

— Ты куда? — удивилась Лаэн, когда я встал.

— Увидел кое-что любопытное. Не волнуйся.

Пройдя с десятков шагов по желтой дорожке, я остановился напротив картины. Конечно же и здесь были изображены подснежники. Среди них застыла вскинувшая руки, облаченные в перчатки, женщина в белом. На

ее ладонях плясало синее пламя. Несомненно, художник показал одну из Матерей Ходящих. Вот только которую из многих, что сидели в Башне за последнюю тысячу лет?

Лицо дамочки мне не понравилось сразу. Уж слишком благочестивым и покорным его изобразил художник. Парень явно польстил заказчику и намалевал чуть ли не святую сподвижницу Мелота.

Кроме Матери здесь были изображены еще две женщины и мужчина. Эту троицу маляр одел в черное. Одна из баб, сжавшись от ужаса, лежала у ног Ходящей, готовая вот-вот обрушить заклинание на противницу. У незнакомки оказались длинные, почти до колен, распущенные волосы цвета воронова крыла, полностью скрывавшие ее лицо. Зато прекрасно было видно личико второй женщины. Желтое. Морщинистое. Искраженное злобой. Почти гротескное. Если Ходящая была слишком светлой, то эта неизвестная казалась слишком уж темной. И в той и в другой я не находил ничего человеческого.

«Злая» стояла за спиной ничего не подозревающей Матери. Та была слишком занята черноволосой, и желтолицая в точности копировала жест светлой волшебницы, но, в отличие от Синего пламени, на ее ладонях стыл дымчатый череп.

Умная девочка. Решила воспользоваться ситуацией и ударить в спину.

Про лицо мужчины я ничего не мог сказать, его скрывала густая тень. Были видны лишь два горящих алым глаза. Они неотрывно наблюдали за разворачивающимся магическим боем.

— Любопытно стало? — раздался рядом со мной насмешливый голос Шена. — Знаешь, кто это?

— Нет.

— Сорита.

М-да. Мог бы и сам догадаться, кого нарисуют в зале с таким названием.

— А эти? — Я кивнул на двух женщин и мужчину.

— Ретар Ней, Тиа ал'Ланкарра и Митифа Данами. В просторечии Лихорадка, Тиф и Корь.

— Ясно. Это Митифа? — Я указал на желтолицую.

— Нет. Митифа та, что у ног Матери. А это — Убийца Сориты.

Как я и думал, изображенная художником Тиф совсем не походила на ту девчонку, что мы с Лаэн встретили в Песьей Травке. Совершенно ничего общего, кроме двух толстых кос, перекинутых на плечи.

— Как говорят, Корь подкараулила Мать, когда та ухаживала за цветами, — продолжил Шен. — Но сил, чтобы справиться с главой Совета, у Проклятой не хватило. И если бы не подлый удар Тиф в спину главы Башни, все могло бы закончиться по-другому. Кто знает, ушли бы тогда отступники из Альсары целыми и невредимыми?

— Сорите не повезло.

— Да. Она слишком доверяла любимой ученице. А та ее предала.

• Жнецы ветра •

ГЛАВА 1

— Опять! Лопни твоя жаба...— простонал Лук из-под надвинутого на лицо капюшона.

— Что «опять»? — не понял Га-нор, отжимая стянутые в хвост волосы.

— Дождь! Треклятый дождь льет уже вторую неделю. Или ты этого просто не желаешь замечать?

Северянин пробурчал нечто нечленораздельное.

— Тебе что?! Все равно? — возмутился Лук.

— Пока дождь меня не убивает — да.

В ответ раздался громкий чих, и нытье продолжилось. Стражник безостановочно ворчал вот уже четвертый день. Он ненавидел затяжные путешествия, особенно если они происходят неуютной осенью.

— Сто раз предлагал — давай переждем непогоду где-нибудь под крышей. Не верю, что поблизости нет таверн. Там, по крайней мере, сухо. Вкусная еда, горячий шаф,— с удовольствием начал перечислять солдат, и его живот тут же жалобно заурчал в ответ.— К тому же за шиворот никакая дрянь не льется. Каждый день дождь, дождь, дождь... Посмотри на мою лошадь. Да-да. На эту. Что, не видно, как она тоже превращается в воду? Хватит смеяться! У меня скоро отрастут жабры, если я, конечно, не околею от холода. Ты этого хочешь?

— Нам некогда рассиживать по тавернам. И ты это прекрасно знаешь.— Га-нор наконец соизволил натянуть капюшон на мокрые волосы.— Не думай, что я в восторге от происходящего. Но нам нельзя задерживаться. Первый месяц осени на исходе. Когда подойдет к концу третий — перевалы в Катугских горах завалит снегом, и мы застрянем на юге до поздней весны. Тебе нравится находиться по соседству с Белыми?

Для немногословного сына Ирбиса это была необычайно длинная речь. Лук вновь чихнул, смачно высморкался и наконец произнес:

— Я говорил и еще раз скажу — Лестницей Висельника пройти невозможно. Набаторцы, конечно, идиоты, но не слепые. Перевал слишком узок, чтобы мы там разминулись.

— Предложи другой вариант,— невозмутимо промолвил Га-нор.

Лук знал, что друг прав. Лестница для них — единственный способ пробраться на север. Второй перевал, Клык Грома, слишком далеко на западе. Дорога до него займет больше трех месяцев. К тому же миновать территории, лежащие между Слепым кряжем и побережьем Устричного моря, будет трудновато. Особенно в окрестностях Гаш-шаку или Альса. Там от набаторцев должно пестреть в глазах.

— Единственный выход, если тебя пугают горы,— залезть в какую-нибудь дыру и переждать.

— Ну уж нет! Я не хочу, чтобы в один из дней за нами пришли мертвецы или Сжегшие душу. Все время сидеть и стучать зубами в ожидании гостей — это не по мне, лопни твоя жаба. Вот только прорываться к Лестнице не менее глупо. Насколько далеко мы от нее?

Га-нор привстал на стременах, небрежно огляделся, пожал плечами. В последнее время это был его самый частый ответ на все вопросы.

— Мы хоть в правильном направлении едем?

— В правильном.

Лук вздохнул. Порой немногословность товарища его раздражала. Иногда хотелось нормально поговорить. А общение с Га-нором очень часто напоминало монолог. С таким же успехом стражник мог бы беседовать с самим собой.

Окружающий пейзаж не вызывал у спутников воодушевления. Пожелтевшее редколесье, давно потерявшие большую часть листвы деревья, серое небо, тусклый солнечный свет, едва пробивающийся сквозь тучи. И дождь, заставляющий воду в лужах вскипать.

— Два дня назад оно тоже было правильным. Но западных отрогов Слепого кряжа я так и не увидел,— вновь попытался завязать разговор Лук.

Молчание.

— Послушай, лопни твоя жаба! Это просто невыносимо! — взорвался стражник.

— Ты про свое занудство говоришь? — усмехнулся следопыт, даже не посмотрев на него.

— Нет, разумеется! Про наши скитания, лопни твоя жаба! Ты помнишь, когда мы в последний раз нормально жрали? Я — нет, а мой живот и подавно. Все время давимся какой-то дрянью. Скоро начнем крыс ловить.

— Уже.

— Что уже? — не понял Лук.

— Вчера мы ели крыс,— последовало невозмутимое пояснение.— Точнее, сусликов.

Стражник поперхнулся, ошалело посмотрел на приятеля, понял, что тот и не думает шутить, и голосом человека, которому очень плохо, произнес:

— Меня, кажется, сейчас вывернет.

— Не думал, что это тебя так расстроит. Ужин ты уплетал за обе щеки. И нахваливал.

— Я не знал, что это гадская кры...

Северянин резко вскинул руку, заставив друга замолкнуть на полуслове. Лук нахмурился, взялся за кистень. Повисла тишина, лишь дождь барабанил по капюшонам да фыркали переступающие с ноги на ногу лошади. Рыжевато-коричневый тракт скрывался в дождливой пелене, и видимость была не больше чем на сто ярдов.

Прошла минка. За ней — другая.

— С дороги! Живо!

Толку от этого было мало, спрятаться в редколесье с лошадьми не представлялось возможным. Тонкие осины — слабое подобие укрытия, а редкий кустарник не способен спрятать следы животных. И все же это было лучше, чем ничего.

В рощице Лук отцепил притороченный к седлу арбалет, снял с оружия кожаный чехол, придирчиво изучил тетиву, натянул, достал из переметной сумы болт, аккуратно пристроил его в ложе. Миновало пять минок томительного ожидания, прежде чем Га-нор произнес:

— Никого.

— Слава Мелоту,— выдохнул Лук. За время знакомства с северянином он привык доверять его чутью. Поэтому поспешно разрядил арбалет и спрятал его от влаги в провощенную кожу.

Не разговаривая, они взяли лошадей под уздцы, вывели их обратно на дорогу и забрались в седла.

— Значит, тебе вновь показалось? — Лук не выглядел недовольным. Понимал, что осторожность полностью оправдана. При малейшем подозрении северянина они искали укрытие, и дважды это спасло товарищей от набаторских патрулей. Но в последние дни все более часто тревога оказывалась ложной.

— Я слышал лошадиное ржание,— неохотно ответил сын Ирбиса.

— Думаешь, в здешней глуши кроме нас есть кто-то еще?

— Не стал бы я называть эти места глушью. Клянусь Угом, близко деревня.

— Да ну?!

— Дым. Чуешь?

Лук втянул носом воздух, но запах мокрой лошади забивал все остальные.

— Может, ты услышал звуки из деревни? — неуверенно протянул солдат.

— Не мели ерунды. До нее с четверть лиги.

Га-нор, в который раз за день, снял капюшон, подставляя лицо под холодные струи дождя. Последнее время он почти не спал. Еще пара дней — и северянин начнет совершать ошибки. А они приведут прямиком в ледяные чертоги Уга.

— Кажется, нам все-таки придется найти тебе горячего шафа, а мне соломенную подстилку. Следует выспаться,— принял решение следопыт.

— Первая хорошая новость за неделю! — обрадовался Лук. — Сам посуди, холода не за горами, а у нас кроме плащей никакой теплой одежды. Может, что-нибудь купим...

Сын Ирбиса скорчил мину. Денег было мало. Вряд ли кто-нибудь продаст зимнюю одежду за медь и мелкое серебро.

Лошади, словно почувствовав скорый отдых, пошли быстрее.

Прошло не так много времени, когда Га-нор вдруг резко остановился, прыгнул с седла и стал пристально изучать землю.

— Что там? — нетерпеливо поерзал стражник.

— Следы. Много конных.

— Уверен? — Лук не представлял, как в такой жиге можно что-нибудь разобрать.

— Проехали чуть больше нара назад.

— Наверное, это крестьяне,— солдату не хотелось расставаться с мыслью об отдыхе.

— Крестьяне ходят пешком. Или, если повезет, едут на разбитой телеге, запряженной старой клячей. — Га-нор вскочил в седло и развернул лошадь. — Вернемся назад. К лесу. Пойдем по нему. Если не будем мешкать, через несколько дней увидим Слепой кряж.

Но возвратиться друзья не успели.

Стук копыт пришел с той стороны, откуда они приехали. И сейчас уйти с дороги стало невозможно — местность здесь была открытая, к тому же с дороги стало невозможно переполнены водой, а голые поля с редким кустарником превратились в настоящее болото. Животные увязнут, не пройдя и двадцати ярдов. Конные к этому времени уже будут рядом, и если среди них есть арбалетчики — придется худо.

Сын Ирбиса не стал мешкать и, помянув Уга, поскакал вперед. Лук, задержавшись лишь на мгновение, поспешил следом.

Непогода не предполагала скачек, но выбора не было. Грязь летела во все стороны, окатывая лошадиные бока и всадников. Дождь заливал глаза. Вцепившиеся в уздечку пальцы немели от напряжения. Прижавшись к едко пахнущей лошадиной гриве, Лук старался не отстать от Га-нора. Эта скачка напомнила ему неудачное бегство из Альсары в день, когда к городу подошел Рован.

Они миновали залитые водой поля с пожелтевшей травой, непролазный колючий кустарник, заросли едкого боревника¹. Прямая дорога сузилась, начала петлять, влезла в ложбину между двумя небольшими холмами с глинистыми склонами. Даже в хорошую погоду взобраться по ним было бы не так просто, а уж сейчас об этом нечего и думать. Остает-

¹ Боревник — ядовитый кустарник.

лось только нестись вперед, высматривая подходящее место, чтобы уйти с тракта.

Всадники вброд пересекли несколько разжиревших от непогоды ручьев. Каждый раз лошади сбавляли темп, переходя на шаг. Дождь усилился, превратившись в ледяной ливень. Разгоряченные скачкой животные недовольно трясли головами — они устали и начали оступаться.

Холмы остались позади, вновь пошли проклятые заболоченные поля. А далеко впереди, над голыми вершинами редких осин, вился сизый дымок и торчал шпиль колокольни.

— Попробуем проскочить через деревню! — крикнул Га-нор.

— Если там враги, мы попадем в переделку!

— Мы уже попали. За деревней лес! Видишь?!

Действительно, на горизонте виднелась черная полоса деревьев. Сын Ирбиса надеялся, что их не смогут догнать в дебрях Прикряжья.

Ливень не утихал, но Лук и думать о нем забыл. Лишь молился Мелоту, чтобы лошадь не подвела. Промелькнуло небольшое, заросшее низкими березами кладбище с развалившейся деревянной оградой. Замшелый, выкорчеванный из земли Лысый камень. Затем — грубо срубленная, отяжелевшая от трупов виселица. Лук увидел ее в тот момент, когда вылетевший из дождя болт угодил в шею кобылы Га-нора.

Северянин легко приземлился на ноги, погасив скорость, перекатился через плечо, грязный и страшный, оказался на краю дороги. Лук, соображавший в такие моменты довольно быстро, осадил лошадь, прыгнул в жижу, поскользнулся, упал, крутанулся и тем самым избежал смерти от очередного болта. Извиваясь ужом, по уши в ледяной грязи, он ползком добрался до сына Ирбиса.

— Лопни твоя жаба! Добегались!

— Голову не поднимай.

Они лежали под растущим возле обочины кустом с худосочными ветвями.

— Южане, лопни твоя жаба! — дрожа от холода, процедил Лук. — И покойники.

Над их головами угрожающе возвышалась мрачная виселица. Посиневшие, уже потрепанные вороньем трупы медленно раскачивались. Судя по одежде — мертвецы были крестьянами.

В отличие от шепчущего молитву Лука, Га-нор не обратил внимания на покойников. Он высматривал укрытие. До погоста было не добраться — сотня ярдов по открытой местности. Добежать и не схлопотать в спину болт можно только чудом. Деревня тоже теперь стала недоступна — рядом с находящимся на пути намокшим и просевшим стогом сена прятались стрелки.

Лук пошевелился, и почти тут же свистнул болт, едва не попав ему в голову. Стражник охнул, еще сильнее вжимаясь в грязь, и покосился на сына Ирбиса, который освободил перевязь на груди, снял ножны с ме-

чом, подтянул их к себе, обнажил оружие. Лук последовал его примеру, взяв в правую руку узкий длинный кинжал, а в левую кривой нож.

— Ну что, дружище? Покажем этим набаторцам, лопни твоя жаба?

— Это не набаторцы.

Сотрясая зловещую тишину топотом копыт, в сторону деревни скакали всадники на уставших лошадях. Разношерстное воинство, среди которого были и закованные в латы рыцари, и облаченные в кольчуги солдаты. В первых рядах ехал знаменосец. В жалкой мокрой тряпке, повисшей у него на древке, с трудом можно было распознать имперский штандарт.

— Наши, лопни твоя жаба! Это же наши! — восторженно завопил Лук, попытался встать, но тут же вновь оказался на земле.

— Лежи! — рявкнул дернувший его за пояс Га-нор. Он не сводил глаз с приближающегося отряда. Меч убирать не стал, лишь поменял немного свое положение и поджал ноги, чтобы успеть вскочить.

— Но это же наши... — уже не так уверенно пробормотал солдат.

— Осталось только объяснить им, что мы свои, — голос у северянина был мрачным.

Он понимал, какое в военное время будет отношение к неизвестным.

Их заметили, и пятеро всадников, отделившись от основного отряда, направились к друзьям. Остальные, не снижая скорости, пронеслись к деревне. Опытный глаз Га-нора отметил, что воины вымотаны, многие ранены и едва держатся в седлах.

Сын Ирбиса внимательно следил за приближающейся пятеркой. Впереди, на мощных жеребцах ехали два закованных в латы рыцаря. На их стальных нагрудниках были выгравированы растянувшиеся в прыжке леопарды.

Первый воин — молодой, возможно, чуть старше Шена. Русые волосы отливали тусклым серебром на его висках, и любому знающему человеку это говорило о том, что в нем есть толика крови императорской семьи. Голубые глаза из-под прямых, вразлет бровей смотрели внимательно и устало. Тонкое благородное лицо портил сломанный и еще не заживший нос. Ввалившиеся щеки покрывала недельная щетина, над правой бровью была небольшая, стянутая суровой нитью рана.

Второй латник, казавшийся настоящим гигантом, не снимал шлема.

Трое солдат сопровождения носили более простую броню: куртки с нашитыми стальными пластинками, кольчуги с капюшонами. Двое из них держали наготове арбалеты.

— Кто такие? — пробасил гигант.

Голос из-за опущенного забрала казался низким и гудящим, словно храмовый колокол.

— Свои. Не видно, что ли? — бросил Лук, вслед за Га-нором осторожно встав на ноги.

— Бросайте оружие, — хмуро приказал молодой.

Га-нор быстро сделал, что велено. Лук, недовольно бурча, последовал его примеру — кинжал и нож полетели на землю. Но даже после этого арбалеты не опустились.

— Не калечить, — приказал гигант, и рыцари, развернувшись, поскакали к домам.

— Братцы, вы чего?! — возмутился Лук, когда им принялись связывать руки. — Мы же свои!

— Потом разберемся, какие вы свои, — с угрозой в голосе пообещал один из двух стрелков. — А пока стойте смирно. Тебя, рыжий, это в первую очередь касается. Знаю я вашу породу.

— Да свои мы, лопни твоя жаба! — в последний раз попытался докричаться до них стражник.

— Повопи у меня! Я тебе такую жабу покажу, сволочь! — зло процедил другой, и Лук, поняв дальнейшую бесперспективность споров, умолк.

— Командирам будешь рассказывать, парень. Если слушать станут, — куда более примирительно сказал первый, затягивая веревку так, что Га-нор скрипнул зубами.

Под усиленным конвоем они прочавкали по грязи, обошли труп лошади и оказались возле плетней огородов. Здесь, укрывшись плащами, мокли двое следящих за дорогой арбалетчиков.

— Проворные вы ребята! — осклабился один из них. — Счастливики!

— Это вы мазилы! — пробурчал под нос стражник, но его, по счастью, не услышали.

Деревня кипела от суетившихся в ней солдат. Местных жителей видно не было. То ли попрягались, то ли ушли от греха подальше.

— Эй! Десятник! — крикнул один из тех, что сопровождал товарищей. — Куда этих?!

— К милорду Рандо.

— Где он? Или я, по-твоему, в каждую избу должен заглядывать?!

— В храме.

— Нашли время молиться, лопни твоя жаба, — пробормотал Лук и тут же схлопотал несильный тычок промеж лопаток.

Деревня оказалась небольшой — всего лишь одна грязная улица, вдоль которой выстроилось два десятка неказистых домов. Низкие плетни, убранные огороды, колодец с долговязым журавлем, возле которого возился светловолосый «леопард». И три мало-мальски высоких здания: замшелый двухэтажный трактир с полностью выцветшей вывеской, храм с широким крыльцом и деревянная колоколенка, столь хлипкая, что, кажется, еще один порыв ветра — и она рухнет. Чуть дальше, за домами, виднелось нечто похожее на небольшую водяную мельницу.

Кто-то заорал на всю улицу, призывая лекаря поторопиться, курва его забери. Справа, под пропускающим воду навесом из жидкой соломы, лежали трое мертвецов. Их доконали раны и дорога. Облаченный в коль-

чугу жрец Мелота шептал над погибшими молитву, то и дело осеняя их знаком благословения.

Несколько человек уводили мокнущих под дождем лошадей прямо в избы. Где-то за домами с отчаянной хаотичностью стучали топоры, слышались резкие приказы. На колокольне уже торчали несколько лучников. Лук подумал, что оттуда, даже в такую мерзкую погоду, должны хорошо просматриваться окрестности. Он быстро подсчитал все, что увидел, — выходило, в отряде за полсотни солдат.

Двери в храм были распахнуты настежь. Внутри, в плохо освещенном помещении с тусклыми, безграмотно намалеванными образами Мелота, спорили люди.

— Мы не можем себе этого позволить, Рандо! Задержка подобна смерти! — гудел зычный бас.

У обладателя голоса, рыцаря-гиганта, уже знакомого друзьям, оказалось грубое, угловатое лицо с мясистым носом и тяжелым подбородком, заросшим неопрятной бородой.

— У нас есть фора, — возражал молодой. — Лошади устали. И люди тоже. Нам нужен хотя бы день отдыха.

— Набаторцы наступают нам на пятки.

Кроме них здесь находились еще пятеро воинов. Двое в латах с эмблемами леопарда, остальные в кольчугах, свиных куртках и забрызганных грязью штанах. Все хмурые, уставшие, едва стоящие на ногах.

— Мне кажется, на какое-то время они от нас отстали, — бросил невысокий, крепко сбитый мужчина с плутоватыми глазами и неприятным голосом.

— Они не отстанут, Глум. Мы — слишком большая заноза в их тылах, — зло сказал черноусый молодец с фальчионом на боку, по виду уроженец Морассии. — Но милорд Рандо прав. Еще нар в дороге, и люди, и лошади начнут умирать от усталости.

— Уже умирают, — подтвердил, входя в храм, светловолосый рыцарь, которого друзья видели у колодца. — Я разместил раненых в отдельной избе. Лекарь с ними.

— Спасибо, Кальн. Водер, я приказал перекрыть дорогу и начать укреплять деревню, — обратился тот, кого называли милордом Рандо, к великану, давая понять, что решение принято.

— Ты командир, — пожал плечами богатырь. Потом повернулся к порогу храма и увидел Га-нора с Луком. — А... привели. Ну, и кто вы такие?

— Лук, стражник башни Льда. Врат Шести Башен.

Кальн ошеломленно присвистнул и прищурился.

— Га-нор из клана Ирбиса. Воин башни Льда.

— А говорили, что после захвата крепости никто из гарнизона не выжил, — растягивая слова, произнес черноусый морассец.

— А еще говорят, что жабы по небу летают! — пробурчал Лук и, не обращая внимания на хмурые взгляды, продолжил: — Нам удалось выйти из окружения. И, наверное, не только нам.

— Когда мы были под Альсом, ходил слух, что в горах погибли все,— подал голос молчавший до этого худой, похожий на скелет мужчина с тонким носом и большими оттопыренными ушами.— Не думаю, будто с тех пор что-то изменилось.

— Нет смысла гадать, Юргон. Глум, позови Крейга,— попросил Рандо, и низкорослый воин с плутоватыми глазами направился к выходу.— Хорошо. Допустим, я вам верю. Но шли вы слишком долго. Почти четыре месяца. И не спешили вернуться в армию. К Перешейкам, к примеру, где в то время шли бои. Или к Лестнице.

— Мы не дезертиры,— нахмурился стражник.

— Это нам решать! — отрезал Водер.

— Мы пробирались через Лесной край,— проронил Га-нор.— Затем отправились в Альсару. К Ходящим.

— Зачем?! — резко бросил Юргон, и кадык на его тощей шее дернулся под полупрозрачной, как тонкий пергамент, кожей.

— Затем, что нас об этом попросила Ходящая в Шести Башнях. Ну... меня попросила... прежде чем умерла,— объяснил Лук.

Веревки нещадно натирали запястья, холодная промокшая одежда студила тело, и вся сложившаяся ситуация казалась солдату ужасно несправедливой.

— Интересно...— задумчиво протянул Юргон.— И что? Удалось вам побывать в Башне?

— Да.

— С кем говорили?

— С госпожой... э-э-э... Ирлой.

Огонек быстро обменялся взглядом с молодым рыцарем.

— Хорошо. Потом вы из города ушли?

— Да. Хотели добраться до Лестницы. Вернуться на север.— Га-нор не отвел взгляда.

— Как там? В Альсгаре? — жадно спросил один из рыцарей.

— Мы ушли почти месяц назад. Никаких новостей не знаем. Пробирались лесами. На дорогах много набаторских патрулей.

— И вас мы за такой патруль приняли,— встрял Лук.— Поэтому и дунули что есть сил. После того как Альсару осадили, мы только и делаем, что скрываемся от этих южных подонков!

— Город осадили?! — изумленно вскричал морассец.

На всех остальных эта новость произвела столь же ошеломляющий эффект.

— Ну... да,— заморгал стражник.— Эй! А вы что?! Не знали? Ведь это случилось еще в последний месяц лета.

— Новости на восток доходят с большим опозданием,— проронил Юргон.— А теперь, когда все сообщение прервано,— с очень большим опозданием.

Вернулся Глум с пожилым лучником. Тот пристально изучил обоих пленников и, отвечая на невысказанный вопрос Рандо, отрицательно покачал головой:

— Впервые вижу, командир.

— Ну? — поинтересовался Водер. — А вы? Узнаете этого человека?

— Нет, — чувствуя какой-то подвох, проронил Лук.

Га-нор лишь пожал плечами.

— Крейг служил у Врат Шести Башен.

— Сколько лет назад?

— Пятнадцать, — смутился стрелок.

Лук фыркнул:

— Пятнадцать лет назад я еще и слова-то такого не знал — Самшитовые горы. Нашли кого привести!

Ответом ему были мрачные взгляды. Лишь Крейг посветлел лицом и внезапно спросил:

— Как называют статую первого капитана?

— Ну Долговязый осел. Что дальше? — с вызовом бросил Лук.

— Сколько калиток в Садовой стене?

— Шесть. Вторая слева уже лет двести как замурована.

— Что изображено на куполе башни Огня?

— Ничего. Купол так и не достроили.

— Вроде все верно... — обратился лучник к слушавшим его командирам.

— «Вроде!» — сплюнул Водер. — Нам не нужно «вроде». Ты уверен, что они там служили?

— Вроде... да. Тот, кто там не был, про такое бы нипочем не ответил.

— Ладно. Ступай.

— А с ними что делать? — поинтересовался морассец.

Повисло молчание.

— Заприте и выставите охрану, — наконец решил милорд Рандо.

ГЛАВА 2

Уже второй день Рандо рей Валлиона мучил сильный жар, и вчера он едва держался в седле. Слава Мелоту, об этом никто, кроме Юргона, не догадывался. Солдаты и без того достаточно вымотаны. Нельзя загружать их еще и своими бедами. А болезнь командира — не самый лучший способ повысить боевой дух отряда.

Рыцарь дождался, пока все покинут храм, посмотрел на образа, покачал головой. Наверное, Мелот отвернулся от него и его страны, раз позволяет, чтобы на нее обрушилось столько бед. Он не стал говорить этого вслух, не желая получить отповедь от полкового жреца, появившегося в дверях.

Помощь этого невысокого человека, знающего, и с какой стороны взяться за меч, и как поддержать людей словом, оказалась спасительной. Своей неугасимой верой он помогал солдатам и в бою, и в жизни. Рандо считал, что все они уцелели не без помощи Отора. Людям нужна надежда, особенно в тот момент, когда ее так тяжело найти и столь легко потерять.

— Вы кажетесь нездоровым, милорд.

— Ерунда, — он на миг прикрыл глаза, стараясь прогнать резь. — Просто устал.

— Вам следует хорошо выспаться... — Жрец подошел ближе, пристальнее взгляделся в лицо рыцаря, и между бровей его тенью легла тревога. — Последуй моему совету, Рандо. Ты нужен людям ничуть не меньше, чем благословение Мелота.

— Кощунственные вещи говоришь, Отор.

— Он простит меня, — без тени улыбки произнес жрец. — А вот если я не заставлю тебя отдохнуть, с меня спросят в Счастливых садах. Умрешь ты — умрут и другие.

— Хорошо. — Рандо кивнул, и виски тут же заняли. — Только поговори с Юргоном.

— Он возле колокольни. С Глумом. Я помолюсь за тебя.

Попрошавшись, молодой человек вышел на улицу и подставил лицо под ледяные струи дождя. Удивительно приятные капли скатывались по волосам и стекали за шиворот, холодя спину и впитываясь в стеганую рубаху под доспехом. Печка, спрятанная где-то в груди Рандо, медленно остывала, унося вместе с жаром ломоту в костях и прогоняя висящий перед глазами проклятый туман. На какое-то время отступила безжалостная сонливость, клещами сжимавшая голову всю последнюю неделю.

— Я собираюсь проверить посты, — прогудел Водер, подходя к нему. За спиной великана на широком ремне висел страшный боевой молот. — Ты выглядишь больным.

— Все словно сговорились, дядя. Ты тоже решил стать моей матерью и проявить заботу?

Эти слова получились куда резче, чем он хотел, но гигант лишь пожал плечами:

— Мне далеко до моей сестры, Ран. Но я обещал ей приглядывать за тобой, хоть ты и командир.

— Командир чего? — с горечью спросил тот. — Все, кто был под моим началом, погибли.

— Не все. Нас еще восемь человек.

— Из двухсот! Целый полк¹ потерял!

— Давно пора привыкнуть. Мы на войне, а не на веселой пирушке.

---

¹ Имперский тяжелый кавалерийский полк «Имперские леопарды» состоит из двухсот воинов.

— Извини, но я не стану привыкать к этому! — резко бросил Рандо, и его голубые глаза гневно вспыхнули. — К нам присоединилось много солдат. Они надеются, что я выведу их.

— К нам все время кто-то присоединяется, — проворчал Водер. — Мелот свидетель, я еще никогда не встречал такой разношерстной... армии. Ха! Голодранец на голодранце. Но сражаются отменно. Не хуже благородных. За это я их уважаю. Кстати говоря, что ты намерен делать с варваром и болтуном?

— Не знаю. Еще не решил.

— Их рассказ слишком необычен. Они могут быть шпионами. Или дезертирами. И те и другие заслуживают петли.

— Крейг говорит, насчет Врат эти люди не ошиблись. Однако он не уверен, что они те, за кого себя выдают. Меня больше успокаивает реакция Юргона на их ответы. Кроме того, один из них — северянин. Этот народ слишком не любит темных, чтобы быть с ними заодно.

Водер рыкнул, словно медведь:

— В начале лета я думал точно так же. Но сейчас слишком многое изменилось. Сам вспомни, сколько предательств. Кто бы мог предположить, что Окни вручит набаторцам ключи от города на бархатной алой подушке?! А левый фланг отступит под Альсом, обнажив наши тылы?!

— Ты во всем прав. Но рубить сплеча я не хочу. Следует разобраться.

— Не спорю. И не заставляю лишать их жизни. Мы не набаторцы. Однако выпускать их тоже не стоит. Северяне без веревок приобретают очень неприятную особенность становиться опасными противниками... Хватит стоять под дождем. Пошли под навес.

Рандо, не споря, последовал за родичем.

— Люди говорят, мы угодили в дурное место, — задумчиво проводив взглядом намокшую, едва поднимающую крылья ворону, произнес Водер. — Мне не нравится здесь. Странная деревушка.

— Не узнаю тебя, дядя.

— Я сам себя не узнаю, — гигант нахмурился. Помолчал. Потом мрачно произнес: — Когда сюда прибыл передовой отряд Глума, все было точно так же, как сейчас. Ни души. Если, конечно, не считать нескольких исклеванных птицами висельников. Покойникам дней шесть. Если не семь. И... пустые дома.

— Жаль, у нас нет хорошего следопыта. Возможно, он смог бы увидеть больше.

— Ребята нашли немного крови рядом с одним из овинов, но тьма теперь разберет, чья она — человеческая или овечья. Следов много, но они старые. И почти неразличимые. Кажется, не повезло лишь тем крестьянам, которые попались в объятия Тощей вдовы. Остальные успели уйти в лес.

— Значит, они могут вернуться.

- Не думаю. Вооруженные люди должны их здорово пугать. Будут сидеть, пока мы отсюда не уедем.
- В любом случае предупреди часовых.
- Уже предупредил.

Юргона возле колокольни не оказалось. Рандо толкнул дверь, и та бесшумно распахнулась. Оглядев помещение, он заметил в дальнем углу грубо сколоченную винтовую лестницу и под жалобный скрип разошедшихся ступеней начал подъем.

На середине пути его окликнули. Назвавшись и стараясь не сбить дыхания, рыцарь преодолел последний участок. Один из назначенных в дозор лучников сидел на ступенях, с аппетитом вгрызаясь в здоровенный кусок черствого хлеба. Его товарищ мерз на обзорной площадке, прислонив длинный лук к высокому борту. Здесь было очень ветрено.

Рандо задрал голову, посмотрел на старенький колокол и свободно висящий трос.

— Все тихо,— сказал дозорный.

Командир отстегнул от пояса флягу, на дне которой еще плескались остатки рески:

— Держи. Тебе и приятелю. Погрейтесь.

Солдат благодарно кивнул, сделал скупой глоток. Окликнул товарища. Командир «леопардов» тем временем осматривал окрестности. Серо-желтые крыши домов, бурая грязь, голые огороды. На западе, там, где стояла мельница, текла река. Из-за бесконечных дождей она разлилась и затопила луга, превратив их в непроходимое болото. Впрочем, залитые дождями поля на востоке также стали естественной преградой. За ними виднелись глинистые холмы. На севере и юге начинались леса.

— От леса подойти к деревне можно,— раздался за спиной негромкий голос, и Рандо вздрогнул от неожиданности. Он не услышал, как поднялся наверх и подошел со спины командир мечников, морасец Ильса.— Уверен, что у местных есть тропы. Ходили же они как-то за хворостом. Большую опасность представляет восточная дорога. И та, по которой мы приехали. С юго-запада. Глум занимается выполнением вашего приказа. Тракт уже перекрыт, стрелки на местах.

— Хорошо. Второй заслон надо поставить рядом с трактиром. Перегородить улицу.— Рыцарь указал рукой место.— Если набаторцам удастся прорваться через первую преграду, встретим их здесь.

— Вы, как и господин Водер, думаете, что они все-таки нас нагонят? — свел брови морасец.

— Это не исключено. Но если до завтра никто не появится, я не буду разочарован.

— Никто не будет,— улыбнулся Ильса, коснувшись рукояти фальчиона.— Впрочем, в любом случае, сражаться здесь гораздо лучше, чем в открытом поле.

Рандо кивнул, и командир мечников добавил:

— Юргон приказал мне привести вас к нему.

— С каких это пор моим офицерам дают указания? — нахмурился рыцарь.

— Огоньков разве не знаете? — улыбнулся в черные усы воин. — Носители «искры» частенько забывают, что не все считают их главными. Впрочем, мне было несложно найти вас и передать его просьбу.

Они вместе спустились вниз. Хлюпая по грязи, добрались до обветшавшего трактира. Жестяная вывеска скрипела на ветру, из едва держащейся водосточной трубы хлестал нескончаемый поток воды.

— Пойду, проверю посты, — произнес Ильса и направился на восточный конец деревушки.

Рандо толкнул дверь, переступил порог. После улицы здесь было тепло, даже жарко. Два длинных стола и четыре скамьи оказались сдвинуты к стене, пол густым слоем устилало сухое сено. Стальной обруч люстры с порядком оплывшими сальными свечами бросал на стены и потолок тусклые желтые блики.

В зале находилось чуть больше двадцати человек. Те, кому Рандо приказал отдыхать, пока не настанет их очередь дежурить и работать. Некоторые воины облюбовали столы и скамьи, некоторые расположились прямо на удобной подстилке. Почти все, устав от бесконечной, выматывающей скачки, уже спали. Лысый коротышка, ловко орудуя иглой, чинил порвавшиеся штаны, его приятель с безразличием жевал скудный паек, молодой арбалетчик подкармливал дровами бушующий в камине огонь.

Рандо заметили, поприветствовали усталыми кивками.

— Юргона видели? — спросил рыцарь.

— Наверху, — не разжимая зубов, в которых была зажата нитка, прошептал «портной». — С картами возится.

Молодой человек поднялся на второй этаж, заглянул в первую же комнату и увидел сидящего за столом Огонька.

— С какой стати ты отдаешь приказы моим людям?

— Не кипятись, — произнес Юргон, не поднимая головы. — Это был единственный способ затащить тебя сюда. Иначе бы ты еще сто лет проверял патрули, беседовал с офицерами и распределял фураж лошадям.

— Что в этом плохого? — нахмурился Рандо.

— Совершенно ничего. Особенно когда поблизости нет зеркал. Ты бы себя видел. Мертвецы и то краше выглядят.

— Это обычная простуда...

— Которая через несколько дней сведет тебя в могилу, если ты не найдешь в себе смелости забыть сном.

— Не надо разговаривать со мной, как с сопливым мальчишкой! — вспылил рыцарь.

— Я буду с тобой разговаривать так, как ты этого заслуживаешь, милорд! — зло стукнул кулаком по столу маг, и его большие уши побагровели. — Потому что, если ты сдохнешь от усталости, всем остальным от это-

го будет лишь хуже. Ты — сердце этого отряда. Они идут не за мной, не за Водером, не за Ильсой, а за тобой. Если тебя не станет — мы долго не продержимся.

— Хватит. Не начинай.— Молодой человек устало отстегнул ножны с полуторным мечом и бросил их на стол.— Я могу понять, когда солдаты болтают про «счастливчика Рандо». Но не желаю слышать крестьянские суеверия от человека из Башни.

— Ты прав. Я не верю в приметы. Но они-то верят. И если это поможет им продержаться и выжить, значит, стоит подыграть. К тому же в какой-то мере эти «суеверия» справедливы. Мы вырвались из окружения под Альсом. Прошли большую часть юга. Не чем иным, как зверской удачей, я это не назову. Как голова?

— Так же.

Огонек встал, налил в кружку воды, провел над ней рукой, заставляя нагреться, бросил щепотку трав. По комнате тут же разнесся отвратительный горький запах, и Рандо поморщился:

— Мне обязательно пить эту гадость?

— Тебе же вроде не нравится, когда с тобой разговаривают, как с «сопливым мальчишкой», — улыбнулся Юргон, протягивая лекарство.— Отвар поставит тебя на ноги.

Рандо взял кружку, сделал осторожный глоток и скривился:

— Вкус даже хуже, чем у пойла моего дядюшки, которое он называет вином. Что это? — Рыцарь покосился на одну из бумаг.

— Я начертил план деревни. И ты, и Водер правы. Нам нельзя здесь оставаться, но продолжать путь мы тоже не можем. Поэтому, так как мы здесь, я хочу соорудить парочку магических сюрпризов для гостей. Вот здесь, здесь и здесь.— Огонек попеременно ткнул испачканным чернилами пальцем в импровизированную карту.— Хотелось бы еще три поставить вот на этот участок, но, боюсь, сил уже не хватает.

— Твои метки пригодятся. И хорошо бы одна из них оказалась на участке дороги между холмами. Это реально?

— Да, — кивнул маг, вставая.— Я займусь ею прямо сейчас.

— Постой.— Рандо поставил опустевшую кружку.— Возьми с собой несколько человек.

— Конечно. Ты решил, что делать с пленными?

— Пока нет.

— Имя Ходящей из Башни они назвали правильно.

— Его можно было от кого-то услышать,— пробормотал «леопард», чувствуя, что веки наливаются свинцом.

— Можно... Если не возражаешь, я хочу с ними поговорить.

— Конечно.— Рандо, не удержавшись, зевнул.— Слушай... что ты мне... подмешал в это... пойло?

Юргон улыбнулся:

— Два нара сна пойдут тебе на пользу.

Рыцарь не ответил. Уронив голову на руки, он спал.

ГЛАВА 3

Га-нора и Лука привели в один из домов, но вскоре тот понадобился солдатам и, с благословения жреца Мелота, которому, кажется, было все равно, что происходит, их заперли в храме, напоследок предупредив — любые попытки досадить охране закончатся плохо.

— Как думаешь, долго еще они будут вести себя по-идиотски, лопни их жаба? — спросил Лук, которому недоверие своих казалось страшно оскорбительным и, кроме того, доставляли огромное неудобство связанные руки.

— Не знаю,— безразлично проронил Га-нор. Он сидел, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги.— Они могли бы повесить нас без всяких разговоров.

Стражник недовольно повозился, кряхтя сел рядом:

— Хорошо хоть ноги не связали. Думаю, можно даже не спрашивать у этих любезных господ про ужин.

Га-нор невесело улыбнулся в усы, и разговор как-то сам собой затих. вновь повисло тяжелое молчание.

Где-то под полом осторожно возились мыши, по крыше барабанил дождь, с улицы раздавались выкрики и ругань. Наступил вечер, за высокими узкими оконцами угасло солнце, и по полутемному храму растекался непроглядный мрак. Вернулся жрец в сопровождении солдата. Они зажгли свечи и лампы, и в ночи замерцали несколько десятков тусклых светляков. Их света хватало лишь, чтобы озарить алтарь да небольшой участок пола. Стены, как и раньше, тонули во тьме. Жрец подошел к пленникам:

— Хотите помолиться?

— Прости, жрец, но я молюсь своему богу,— негромко ответил Га-нор.

— Бог един. Мелот или Уг — неважно, каким из множества имен его называют. Он все равно слышит нас,— все так же спокойно сказал Отор.

— Не уверен, что братья по вере разделяют твои мысли.

— Многие из нас пребывают в заблуждении. Мы всего лишь люди, и нам свойственно ошибаться, как и всем детям Его. Я помолюсь за вас сам.

— Надеюсь, тебя услышат,— вздохнул Лук.— Чья-нибудь помощь нам бы сейчас не помешала.

Жрец отошел к алтарю и начал нараспев произносить стихи из книги Созидания.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил слуга Мелота, когда моление было закончено.

— Воды.

— Хорошо. Я принесу.

Их напоили, так и не развязав рук, а затем вновь оставили в одиночестве. Теперь уже надолго.

— Мы похожи на мух после встречи с пауком, лопни твоя жаба.

- Шевели пальцами. Веревки ослабли.
- Пальцами? Это даст мне возможность выпутаться?
- Нет. Это даст тебе почувствовать свои руки.

Лук, сосредоточенно нахмурившись, последовал совету сына Ирбиса. Через какое-то время неприятное онемение и покалывание отступило, а затем и вовсе пропало.

— Горячий шаф,— тоскливо протянул стражник,— все бы отдал за кружку горячего шафа и миску мяса. Кстати говоря, ты слышал, о чем говорили командиры? За ними по пятам несутся набаторцы. И скоро, между прочим, они окажутся здесь, лопни твоя жаба.

- Надеюсь, что к этому времени здесь не будет нас.
- Ты что-то придумал? — вскинулся стражник.
- Надо убедить «Имперских леопардов» в нашей честности.
- А-а-а. Ты про рыцарей... Я слышал об этом отряде. Они воевали под Сандоном. Корунские ребята. Охраняют императора?

— Нет. Ты путаешь их с гвардией. «Леопарды» — один из полков тяжелой императорской кавалерии. Последние шесть лет они торчали под Альсом. Хорошие солдаты.

— Им это не очень-то помогло. Их меньше десятка. Могу представить, какая там должна была случиться мясорубка...

Внезапный отблеск в окне прервал его фразу, и спустя уну до них долетел ослабленный расстоянием грохот.

- Гроза? — Стражник вопросительно посмотрел на северянина.
- Не думаю.

На улице раздались крики, а затем низко и тревожно взревел боевой рог.

Рандо снилась мать. Она была такой, какой он ее помнил еще до гибели отца — веселой, молодой, никогда не унывающей. Звонко смеясь, она возилась со щенком серого лохматого волкодава. Тот нежно покусывал руки хозяйки и, смешно урча, пытался перевернуться на спину.

Белое платье матери отливало серебром, тонкая нитка гроганского жемчуга на шее смотрелась изысканнее и прекраснее фамильных бриллиантов, темно-русые волосы в солнечном свете искрились рыжиной. Она казалась воздушной и волшебной, словно дева из старых легенд.

Затаив дыхание, Рандо любовался ею до той поры, пока рев рога не разбудил его. Он вскочил, не понимая, где находится. В комнате было темно, из коридора лился тусклый свет, за окном метались тени с факелами. Рог протрубил еще раз. И еще. Рыцарь схватил меч, бросился к выходу, в четыре прыжка преодолел лестницу и выскочил на улицу.

Дождь кончился. По всей деревне горели огромные костры, разожженные солдатами.

- Рандо! У нас гости! — Водер уже был здесь.
- В руках он держал гигантский молот.
- Где Юргон?!

— Не знаю. Но его ловушка сработала почище имперского фейерверка!

Рандо увидел Ильсу и крикнул ему:

— Если прорвутся, всем отходить к трактиру, попробуем сдержать их здесь!

— Вы думаете, их много, милорд? — Морассец был хмур.

— Склонен предполагать худшее. Увидишь Глума, отправь его ко мне!

Обернувшись к шестерым воинам, чьи доспехи были отмечены леопардами, рыцарь коротко отдал приказ:

— Вы — на последнюю линию. Разбейтесь по двое. Если будет прорыв — не дайте им добраться до лучников.

— Для этого хватит и четверых, милорд, — возразил высокий бородач с красным лицом. — Солдаты Ильсы нас поддержат.

— Согласен, — поспешно поддержал его курносый молодой «леопард». — Вы не можете остаться без телохранителей, милорд.

— Мне не понадобится охрана, если мы удержим оборону!

— Милорд! — подбежал Глум.

— Сколько твоих людей на колокольне?

— Двое.

— Еще троих на второй этаж трактира. К окнам. Четверых — к восточной дороге. И проследи, чтобы была поддержка мечников.

— Сделаю.

Рандо увидел, что двое рыцарей все-таки остались с ним. Что бы там он ни думал, но его полк иногда шел наперекор приказам. В особенности если считал, что командиру грозит опасность.

— Ладно, — сдался он. — Тьма с вами. Пошли.

У него не было надежды, что после ловушки Юргона от них отстанут. Иначе это бы произошло еще четыре дня назад. Все понимали — погоня продолжается только потому, что среди преследователей есть некромант, и большую часть «сюрпризов» ему удастся нейтрализовать еще до того, как те заберут с собой часть солдат. То, что кто-то излишне прыткий нарвался сейчас на магический капкан, можно было считать удачей.

Дорога, как он и приказал, была завалена бревнами. Часть из них обтесали, превратив в палисад из кольев, за которым теперь прятались вооруженные луками и арбалетами солдаты. Еще двое стрелков сидели на крышах ближайших изб.

— Они не могут пройти огородами? — спросил Рандо у Ильсы.

Морассец пожал широкими плечами:

— Ну, только если полные идиоты. Перелезть через ограды, топтать по этой жиже. Они и десяти ун не пробегут под стрелами. На такое можно решиться, если есть под началом три-четыре сотни и командир не жалеет своих подчиненных.

— У нас мало стрел,— мрачно произнес Водер, слезая с седла.— На каждого лучника не больше десятка. А болтов и того меньше.

— Что-то они не торопятся,— угрюмо заметил Кальн.

Дорога была пуста. В семидесяти ярдах от баррикады горело два больших костра, освещая поворот, за которым скрывалось кладбище.

— Выслать разведчиков? — неуверенно поинтересовался Ильса.

— Неудачная идея, парень,— покачал головой Водер.— Похо...

Алая вспышка осветила его лицо.

— Забери меня тьма! Что это?!

— Западная дорога! Еще одна ловушка Юргона сработала! — крикнул Рандо.— Два десятка туда! Живее! Арбалетчиков к трактиру! Ильса! Останешься здесь. Не дай им прорваться!

Сигналя об опасности, опять загудел рог.

Враги прорвались в деревню, и на полутемной улице, освещенной отблесками костров, кипел бой. Среди сражающихся метались худые черные тени. Мортвов было то ли пятеро, то ли шестеро, и сейчас они представляли самую главную проблему.

Отряд, возглавляемый Рандо, бросился в битву. Дорогу рыцарю загородили двое набаторцев, но один тут же погиб от мечей взявших его в «клещи» телохранителей герцога, а второй получил в спину прилетевшую с колокольни стрелу. Морт, оказавшись рядом, стремительно атаковал, его скимы громко взвизгнули, рассекая воздух.

Молодой человек и не думал вступать в поединок. Его учили избегать длительного боя, не тратить силы на ненужное размахивание мечом, убивать врага как можно быстрее. Он отшагнул в сторону, избегая удара. Одновременно занес тяжелый клинок, и в следующее мгновение тварь лишилась головы.

Рандо перепрыгнул через тело, легко отбил бастардом летящий слева кинжал, пырнул врага в живот, проскользнул под секирой другого, победил дальше, подсек под колени зазевавшегося набаторца.

Водер, ревя медведем, крушил молотом кости наскокивающих на него противников. Рядом с рыцарем сражался богохульствующий на все лады Отор.

Кошкой выскочил из-за спин мечников Юргон, бросил в последнего из уцелевших мортвов изумрудным сгустком. Поразив бок существа, тот замедлил его в несколько раз, и двое солдат топорами изрубили костлявое тело.

Маг между тем начал сжигать попадавшихся ему на глаза противников.

Рандо заметил краем глаза, как Отора повалили на землю, сверкнул нож, но убийца не успел закончить дело. Арбалетный болт влетел ему прямо под шлем. Жрец сбросил с себя тело, ударил кулаком снизу-вверх другого противника, а в следующий миг молот Водера проломил невезучему набаторцу грудную клетку, отбросив назад на несколько ярдов. Ги-

гант крутанул страшное оружие над головой, и один из уцелевших врагов, не выдержав, побежал.

Из окон трактира и с колокольни падали скупые, но точные стрелы. Рандо пропустил удар, легкий меч скользнул по его наплечнику, не причинив вреда. Взяв бастард обратным хватом, он широким взмахом развалил незащищенный подбородок южанина и снес ему голову. Вдвоем с дядей они возглавили клин атаки, и перевес сил начал клониться в их сторону.

Когда полыхнуло во второй раз, Лук не нашел ничего лучшего, как помянуть жабу.

— Это магия,— спокойно отметил Га-нор.

— Своя или чужая?

— Я не видел Ходящей среди тех, кто взял нас в плен.

— Проклятье!

Рев рога смолк, словно трубивший человек захлебнулся. Затем донесли крики и звон оружия.

— Что это? — внезапно наострил уши сын Ирбиса.

— Сражаются. Неужели непонятно?!

— Я не о том. Слышишь? — Он, словно большая птица, склонил рыжую голову, обшаривая взглядом помещение.— Под полом.

— А-а,— протянул Лук, не понимая, почему товарищ так насторожен.— Мыши. Они давно там возятся.

— Нет. Тут другой звук. Слишком велики для мышей.

— Ну, значит, крысы.

— Если только очень большие крысы.

— Эй! Что ты делаешь?!

— Пытаюсь встать! И тебе советую!

В этот момент доски на полу содрогнулись от сильного удара снизу.

— Спаси нас Мелот! — шепотом произнес Лук после того, как его сердце замерло на три бесконечно долгие уны.— Что это за хрень, лопни твоя жаба?!

Ответом ему был новый удар. Казалось, из-под пола к ним пробивается разъяренный зверь.

— К выходу! Быстрее! — Га-нор уже был на ногах.

Лук, поминая то тьму, то Счастливые сады, с трудом поднялся.

Двери пришлось толкать плечом.

— Заперто!

— Так привлеки к себе внимание! Стучи! — Северянин, не спуская глаз с половиц, начал медленно обходить алтарь по кругу.

Стражник, все еще не понимая, что происходит, принялся бить в дверь ногами.

— Никто нас не слышит! Все заняты боем!

— Кричи громче.

— Что? — удивился тот.

— Ори! — Га-нор уже находился в самом дальнем, неосвященном участке храма.— Сожри меня ледяные черви! Здесь спуск в подпол!

Он подбежал к Луку:

— Вместе, приятель! Попробуем ее выбить!

Но выбить дверь не получилось. Створки были мощными и тяжелыми, да еще и заперты на крепкий засов снаружи. Друзья колотили изо всех сил, но тут крышка, закрывающая лаз, не выдержала натиска неизвестного и с треском развалилась на несколько частей. По храму начал расползаться ужасающий смрад разложения. Из зияющего тьмой подвала появилась рука, затем другая. Черные пальцы с обломанными ногтями впились в пол. Мигнули горящие зеленым огнем глаза.

— Эй! Вы! Помогите! — оглушительно завопил Лук, вновь начав долбиться в преграду.— Эй! Слышите?! Помогите!!!

Га-нор в два прыжка подлетел к мертвецу, который уже наполовину выбрался из дыры, и, не обращая внимания на угрожающее хрипение и оскаленные желтые зубы, изо всех сил ткнул противника сапогом в лицо. Не ожидавший этого покойник не удержался и с грохотом свалился вниз. Сын Ирбиса умудрился подтащить и столкнуть в проем тяжелый треножник с горящими на нем свечами. Тот канул во тьму, следом за мертвецом, на мгновение осветив жуткую картину из шевелящихся рук и оскаленных пастей.

— Спаси нас Уг! — Даже северянин был ошеломлен увиденным.— Там их полно!

— Откройте!! Эй!! — пуще прежнего заорал Лук.— Слышите?!

Новый кук попытался выбраться на свободу и повторил судьбу своего предшественника. Ему на смену тут же пришли еще двое. Пока Га-нор разбирался с одним, другой умудрился схватить следопыта за ногу и повалить на пол.

Лук, оставив в покое дверь, бросился на помощь товарищу. Он успел подбежать как раз в тот момент, когда покойник полностью вылез и собирался прыгнуть на поспешно отползавшего к стене Га-нора. С отчаянным воплем солдат боднул мертвеца, едва не улетев в провал следом за ним.

— Что там у вас?! — раздался раздраженный голос снаружи.

Едва не заплакав от облегчения, Лук закричал, надрывая глотку:

— Откройте! Быстрее! Покойники! Покойники лезут! Слышите?! А-а-а-а!!! — Синие руки вцепились в его ногу, пытаясь стащить вниз.

Удивительно, но никто из солдат не стал подробно разбираться в странных словах пленника. Раздалась встревоженная команда, грохнул засов, в храм с обнаженным оружием ворвались люди. Кто-то, сразу же оценив ситуацию, бросился на помощь Луку и перерубил руку мертвеца, освобождая стражника из плена.

— Выведите их! — крикнул влетевший в помещение Юргон.

Воины поставили приятелей на ноги. Светловолосый рыцарь остервенело рубил секирой лезущую снизу напасть, плюясь и содрогаясь от омерзения.

— Отойди, Кальн! — приказал ему маг, всплеснул руками, и с его ладоней сорвалось два сгустка жидкого пламени.

Ухнуло, раздался многоголосый вой, из дыры взметнулся столб огня. Он лизнул потолок и с ревом начал пожирать все, чего удалось коснуться. Солдаты отшатнулись от жара. Пол едва держался. Через минку он должен был провалиться в бушующее под землей пекло.

— Уходим! — гаркнул Юргон, подтолкнув к выходу какого-то солдата. — Сейчас все прогорит!

Огонек выскочил на улицу последним, сам закрыл двери и с помощью рыцаря запер их на тяжелый засов.

ГЛАВА 4

Над промокшей, посеревшей, выцветшей за нескольких недель непогоды степью плыли стальные тучи, щедро орошая раскисшую землю бесконечным дождем. Ветер то стихал, то налетал порывами, остервенело бросаясь на избитую, уставшую траву, немногочисленные взьерошенные кустарники и мой плащ. В какой-то момент очередное его нападение закончилось успехом, и капюшон слетел у меня с головы.

Рассвело где-то с полнара назад, но солнца я так и не увидел — оно, едва успев подсветить горизонт, тут же скрылось в дождливом мареве, постепенно растворяя жмущиеся к земле обрывки ночного мрака. Уже второй день было по-осеннему холодно, и хотя до отрогов Катугских гор, по моим расчетам, гораздо дальше, чем до теплого Устричного моря, я начал опасаться, что ветер принесет с севера первый в этом году снег. Прежде чем я надел капюшон на голову, дождь — ледяной и неприятный — успел промочить мне волосы и бороду. Судя по бесконечным клубящимся облакам, надеяться на то, что за день хоть что-то изменится, не приходилось.

Кажется, дрянной погоде радовался только Гбабак. Как все лягушки, он наслаждался льющейся с неба водой и поквакивал в свое удовольствие, поглядывая на остальных с легким недоумением. Блаз искренне считал, что дождь — это благословение Квагуна и принимать милость болотного бога следует исключительно с улыбкой на роже. Все остальные, включая писклявого Юми, были с ним не слишком согласны и при любой возможности прятались в фургоне, грея руки и лапы над ковшиком с углями.

Я обернулся. На западе все еще было сумрачно, и, несмотря на расцвет, разглядеть находящийся в ста ярдах от меня фургон и лошадей было непросто. Особенно если не знаешь, что и где следует искать.

В отличие от всех, мне опять не спалось. Сны — это бич, который казнит меня ничуть не хуже, чем моя совесть. Стоило закрыть глаза, как передо мной начинал кружить хоровод из багряных карт. Я хватал одну, другую, третью, и каждая из них обязательно оказывалась «Девой». Художник, в какой бы Бездне он сейчас ни находился, изобразил на карте Лаэн.

Поэтому если я и засыпал, то ненадолго.

Вот и сегодня очередной кошмар поднял меня ни свет ни заря. На душе скребли кошки. Я каждую минутку думал, что бы случилось, если бы я в том странном сне угадал карту Йуолы? Осталась ли мое солнце жива? Или кошмар не имел ничего общего с реальностью, и, что бы ни случилось в мире иллюзий, на настоящую жизнь это не оказало бы никакого влияния?

Вопросы терзали меня постоянно, но рядом не было никого, кто мог бы на них ответить.

— Эй, Нэсс! — услышал я резкий окрик за спиной.

Вздрагнув, обернулся и неодобрительно посмотрел на неизвестно как подкравшегося ко мне Шена. Мальчишка кутался в плащ, ежился и смотрел с укором.

— Ты опять не спал?

Я ничего не ответил. Отрицать очевидное не было необходимости.

Шен смерил меня теперь жалостливо-осуждающим взглядом:

— Нэсс, послушай...

— Ты решил стать моей нянькой?! Хватит заботы. Я справлюсь.

Удивительно, но он не обиделся и не отстал.

— Нэсс, прошло почти две недели с тех пор, как она умерла. Пора бы тебе...

Я посмотрел на него, и он осекся. Будь на месте Целителя кто-нибудь другой, думаю, в зубы он бы уже схлопотал. Но с учетом того, что Шен как был дураком, так дураком и останется, лечение «в зубы» ему мало чем могло помочь. Поэтому я лишь тихо хмыкнул в ответ:

— Шел бы ты погулять, парень. Куда подальше.

— Ты не так меня понял! — поспешил оправдаться он. — Я всего лишь хотел сказать, что ее не вернешь и...

Теперь я посмотрел на него еще более мрачно. Великий Целитель будущего прочистил горло и решил попытаться еще раз донести до меня свою мысль:

— Короче. Мы без тебя пропадем. Рона больна, а я... Бездна! Если ты думаешь, что я не страдаю оттого, что она погибла, то глубоко заблуждаешься! Если бы я только умел воскрешать, неужели ты думаешь...

— Слушай, просто иди гуляй, а? — со смертельной тоской в голосе попросил я.

— Ну и тьма с тобой! Делай, что хочешь. Но не жалуйся потом! — Он отмахнулся от меня и, ссутулившись, потопал обратно к фургону.

— Эй, Шен! — окликнул я.

— Чего? — хмуро отозвался он из-под капюшона и остановился.

— Ты ни в чем не виноват.

— Да ну?! А кто тогда виноват?! Скульптор мог воскрешать мертвых...

— Ты — не Скульптор. И, возможно, истории о воскрешении не более чем сказки. Во всяком случае, я тебя ни в чем не виню.

Он как-то сразу сник, и мне даже показалось, шмыгнул носом. Но я не смог бы за это поручиться.

Потом подошел ближе:

— Ты тоже обвиняешь себя, хотя ничем не мог ей помочь. Я понимаю, сейчас тебе тяжело, но ты не должен считать, что Лаэн не стало из-за твоих ошибок.

— Неужели? — невесело усмехнулся я. — Спасибо за утешение, приятель, но именно я завел вас в ту ловушку. Ничто не мешало нам продолжить путь вместе с Лереком. Жрец предлагал двигаться по дороге вдоль моря, но я отказался. Это привело нас в руки Проказы.

Он огорченно вздохнул:

— Не буду тебя ни в чем убеждать. Как видно, сейчас это совершенно бесполезно.

Шен оставил меня в одиночестве на пронизывающем ветру. Я постоял еще немного, послушал, как дождь шелестит по высокой траве, а затем двинулся направо, к дороге. Впрочем, ни на что не надеясь.

Обнаруженный мной у поместья след, идущий с северо-востока, исчез восемь дней назад. Проклятая непогода уничтожила всякую надежду понять, откуда в гости к Проказе прибыли неизвестные. Куда они ушли, в основном было件件 — в Бездну. Приехавшие некроманты нарвались на теплый прием, и никто из них не смог убраться из логова паучихи подобру-поздорову. Уцелел лишь тот, кто прикончил Тальки и убил мое солнце. И я бы с радостью поговорил с ним по душам.

Но сделать это, к сожалению, не представлялось возможным — тварь исчезла и в буквальном, и в переносном смысле. Следы, уходящие от Лаэн, пропали через сорок ярдов, закончившись большим выжженным кругом. Шен высказал предположение, что палач ненадолго пережил мою жену, сгорев, точно спичка, но я с ним не согласился. Мне не удалось найти останков, а судя по земле, температура здесь была не такой высокой, чтобы уничтожить кости.

Я испытывал злость и разочарование. Убийца скрылся, а я остался ни с чем. Без всяких зацепок. Это мог быть кто угодно — некромант, Ходящая и даже кто-нибудь из Проклятых. А быть может, и вовсе тот, о ком я понятия не имел. И теперь мое единственное упование — добраться до того места, откуда вели следы, — смыто дождевой водой. Но я все равно упорно держался тракта, надеясь найти хоть какую-нибудь деталь, которая рано или поздно приведет меня к убийце.

Однако с каждым днем эта надежда таяла.

— Вот так, собака! — печально пискнул Юми, высунувшись из фургона.

Я повернулся за разъяснениями к Гбабаку, шагающему рядом с тянущими повозку лошадьми.

— Юми спрашивать, нет ли у твой лишний кусочква? — прогудел блазг.

Я вздохнул, сунул поводья под мышку, отломил половину от сухаря, который лежал в кармане, и протянул его вейе. Тот озорно блеснул черными глазками, сцапал жратву тонкими ручонками, сунул за щеку и, заметно повеселев, спрятался под крышей.

— Прожорливый парень.

— Не таквой, квак я, — ослабился Гбабак и похлопал себя по животу.

Это точно. Блазг ест редко, но метко. Два дня назад он, несмотря на свои внушительные габариты, с легкостью догнал сайгурака и слопал его за ужином вместе с рогами и копытами.

— Твой выглядеть плохо спавшим, человече.

Я хмуро ответил:

— Со мной все в порядке.

— Твой друг так не считать. Не надо думать о мертвой самкве.

— Много ты в этом понимаешь, — я зло покосился на гору мышц.

— Много, — важно кивнул он, горделиво вздыбив ядовитый гребень. — Квагда я быть еще глупой маленьквой сийри¹ и только выбирать в кваквую квасту войти, говорящий с Квагуном рассказывать много историй. Мы не умирать. Мы уходить. В другой мир. Лучший. Теплый. Солнечный. Со множеством дождя, радуг и червяккваквоков.

— Ты меня очень утешил, Гбабак, — процедил я.

— Я стараться, — он растянул лягушачью пасть в улыбке. — Твой легче?

— О да.

— Хорошо! Квагун говорить, что нельзя сквачать по тем, квато уйти. Тем тогда плохо. Мы их не отпускавать, и они не наслаждаться новой жизнью.

— И червяккваквами?

— Да, — он посмотрел на меня, ослабился. — Твой меня не слушать и меня не понимать. Твой еще маленьквой. Утро вечера светлее. Пойти глядеть, что и квак вокруг.

Блазг сошел с дороги и скрылся в высокой траве. Теперь не появится пару наров. Я прикрикнул на лошадей, тащивших наш желто-коричневый деревянный фургон, и направил их в объезд огромной лужи. Воды было много, но, на мое счастье, грязь еще не захватила полную власть над трактом, и повозка не застревала всеми четырьмя колесами через каждые двадцать ярдов. Остановились мы лишь однажды, когда Шен по глу-

¹ С и й р — третья стадия развития блазга. Все особи имеют одинаковый (женский) пол.

пости решил проехать напрямик. Впрочем, блазг, обладающий огромной физической силой, без труда выволок фургон из топкой ловушки.

В принципе я не возражал, что Гбабак и его дружок продолжают свое путешествие вместе с нами. Они нам нисколько не мешали, хотя я и не понимал, для чего им понадобились спутники. Эта колоритная парочка странствовала уже давно, отправившись в дорогу еще до войны. Квагер оказался заядлым путешественником с бесконечным оптимизмом и верой в то, что все будет хорошо. Если не сейчас, так завтра.

Я сидел на козлах, следил за дорогой, управлял лошадьми, слушал дождь и видел перед глазами могилу Лаэн. Я похоронил Ласку подальше от усадьбы, рядом с холмами, когда дождь немного стих. Шен принес заступ, предложил помощь, но я отказался и вырыл могилу сам. Когда все было сделано, блазг приволок тяжеленный валун, который мы использовали вместо надгробной плиты, а Юми, добрая душа, оборвал с клумб уцелевшие после побоища цветы и принес их мне, ободряюще шепнув про «собаку».

Была уже ночь, но, несмотря на опять разошедшийся ливень, я вооружился фонарем и бросился искать следы убийц, опасаясь, что к утру от них мало что останется. Но дождь уже основательно промочил все вокруг, и если бы не вейя, оказавшийся отличным следопытом, я бы никогда не нашел пришедшие с северо-запада отпечатки копыт.

Я так и не заснул в ту ночь — обыскивал дом. Мы отправились в дорогу, едва рассвело, позаимствовав на развалинах все, что требовалось для путешествия. Я попрощался с моим солнцем, дав ей обещание обязательно вернуться и не сказав ни слова про то, что собираюсь сделать с тем, кто убил ее. Думаю, она бы этого не одобрила. Да я и сам понимал, каков риск связываться с неизвестным, умудрившимся прикончить Проказу. Но отступать не собирался и уцепился за ненависть и месть, как утопающий цепляется за любую соломинку.

Я опасался за свой рассудок, поняв, что боюсь оставаться в одиночестве, начинаю безостановочно думать о Лаэн, и спастись от безумия можно лишь одним способом — поставить перед собой цель и стремиться к ней.

— Нэсс!

Я внутренне дернулся и посмотрел на высунувшегося из фургона Шена.

— Эй! Ты хоть слово слышал из того, что я сказал?!

— Нет. У тебя что-то важное?

— Твои уходы в себя начались очень не вовремя. В такой момент кто угодно может подойти незамеченным.

— Отрадно слышать, что ты все еще высокого мнения о моих способностях. Так что тебе не терпелось сообщить?

Он вздохнул, сел рядом, поплотнее закутался в плащ, сумрачно оглядел бесконечные поля пожухшей, мокрой травы и злобно, с остервенением, произнес:

— Ненавижу эту местность! От нее веет смертью.

— Если бы ты только знал, малыш, от скольких вещей и мест на земле смердит этой дрянью. По сути дела, приятные ароматы ожидают тебя лишь в Счастливых садах. Так что смирись.

— Не хочу и не буду. К этому запаху невозможно привыкнуть.

— К сожалению, ты не прав. Привыкнуть можно ко всему. И это — самое страшное.

Он задумчиво кивнул, повозился, затем спросил:

— Хочешь, я тебя сменю?

— Ни к чему. Скоро остановка. Лошади устали. Надо дать им отдых.

— Гбабак опять ушел. Дождь его не останавливает.

— Он такой же неугомонный, как и ты. Не успокоится, пока не навется на неприятности.— Я извлек из-за пазухи сухарь, предложил Шену. Тот отказался.

— Вот так, собака!

— Я знал, что без тебя, приятель, мы никак не обойдемся.— Я отдал положенную десятину Юми.

Тот благодарно пискнул, захрустел, перемалывая еду многочисленными зубами, и, подмигнув Целителю, уполз обратно.

— Он забавный.

— Уповаю на то, что у него есть и другие достоинства, кроме как таскать мои сухари,— проворчал я.

— Он помогает мне с Роной.

— Как она?

— Спит почти все время.

После встречи с Проказой девчонка так и не пришла в норму. И по мне — так лучше бы она спала, чем слушать ее истерики и рыдания. Шен возился с Ходящей, но особого толка от этого не было — она никого не узнавала, не хотела общаться и лишь плакала. Кормить ее приходилось едва ли не насильно. К моему удивлению, когда я был рядом, она затихала и часто начинала дремать. Шен на это хмурился, но молчал.

— Что ты намерен делать с ней дальше?

— Мне не нравится твой тон.— Он посмотрел на меня из-под капюшона.— Рону я не брошу!

— Расслабься, малыш. За кого ты меня принимаешь? Я не собираюсь гнать умалишенную.

— Она не умалишенная!

— Да ну? — Я с интересом посмотрел на него, словно видел впервые.

— Я считаю, что бросить ее — бесчеловечно,— буркнул он, пряча глаза.

— Бесчеловечно тащить девушку Бездна знает куда, а также рисковать ее жизнью, когда она даже не понимает, где находится и что вокруг происходит. Дорога ведет нас в Радужную долину. Думаю, стоит оставить ее там. Ходящие смогут позаботиться о Роне лучше, чем мы с тобой.

И, если ты это хочешь услышать, она для нас — обуза. В случае опасности ты бросишься защищать ее жизнь, а не свою.

— С чего ты так решил?

— По глазам вижу.

Он скривился, словно съел что-то отвратительное:

— Оставь ее в покое.

— Я уже сказал все что надо, малыш. Раз ты решил стать опекуном Роны и отвечать за ее жизнь — это твое дело. Но если мы нарвемся на неприятности и она погибнет — винить ты сможешь только себя.

— Следует полагать, что ты тогда будешь мстительно злорадоваться.

— Поменьше яду, Шен, и люди к тебе потянутся. — Я доел сухарь, открутил пробку у фляги и напился. — Ты, кажется, забываешь. Рона спасла мою шкуру, очень к месту охладив горячий пыл Киры. Можешь по старой привычке думать обо мне что хочешь, но я не обрадуюсь, если бедняжка отправится в Счастливые сады раньше положенного срока.

Он, похоже, призадумался над моими словами, а затем уже гораздо более примирительным, хотя и несколько оскорбленным тоном произнес:

— Тебе она доверяет больше, чем мне.

— Что же. Вполне возможно. Она чувствует твою «искру». А в последнее время девчонке крепко досталось от разного рода... носителей Дара. Думаю, со временем это пройдет.

Целитель хмуро взглянул на меня:

— След так и не появился?

— Нет.

— Тогда на что ты надеешься?

— На удачу, на судьбу и на благословение Мелота, — с иронией ответил я, а сердце предательски кольнуло.

Лаэн ничто из вышеперечисленного не помогло. И даже я в момент ее гибели был далеко от нее.

— Вот как... Значит, надежды почти нет.

— Надежда есть всегда, малыш. Особенно если не сдаваться. Я докопаюсь до истины. Рано или поздно, но узнаю все. И лучше бы тому парню хорошенько спрятаться.

Наверное, у меня что-то такое промелькнуло в лице, что даже он перестал спорить по-пустому.

— Тебе ведь ни к чему ехать в Радужную долину, а, Нэсс? Это меня там ждут.

— Ты заблуждаешься. Тебя теперь там никто не ждет. И везти артефакты в лапы Ходящих — глупо. Впрочем, я это уже не раз и не два говорил. Что касается меня... Да, у меня нет причин идти в Долину, раз Лаэн мертва. Но дорога, как видишь, здесь только одна, и я, с твоего позволения, продолжу двигаться по ней.

— До тех пор, пока не найдешь убийцу?

• Искра и ветер •

*НЕ ВСЕГДА УРАГАН ГАСИТ ИСКРЫ. ИНОГДА
ОН МОЖЕТ ПРЕВРАТИТЬ ИХ В ПОЖАР.*

ГЛАВА 1

— Не холодно, красавица? — улыбнувшись, спросил широкоплечий жрец, и его низкий глухой голос эхом загулял по ущелью.

— Немного, — улыбнулась Альга, стараясь не дрожать уж слишком заметно.

Шубка, купленная в какой-то безымянной лавке по ту сторону Катугских гор, несмотря на свой жалкий вид и кажущуюся тонкость, оказалась на удивление теплой, чего нельзя сказать о сапожках и рукавицах. Пальцы стыли, и девушка очень жалела, что не знает плетений, дарующих тепло.

Брат Лерек посмотрел на спутницу из-под густых, светлых, словно выгоревших на солнце бровей, участливо вздохнул и натянул вожжи:

— Спаси тебя Мелот, дочь моя! Так и заболеть недолго!

Он начал рыться в телеге, перекладывая вещи. Альге пришлось подвинуться к краю, чтобы не быть задавленной ящиком, в котором что-то глухо стукнуло.

— Вот. Держи. Это поможет. — Жрец протянул ей свернутую в тугой валик ослиную шкуру. — В Лоска досталась даром. Думал выбросить, но Мелот остановил мою руку. Как видно — не зря. Укройся. Будет теплее.

— Спасибо.

— Пустяки.

Жрец грузно сел на место, взял вожжи, чмокнул губами:

— Н-но!

Телега вновь тяжело поползла по горному серпантину. Последние несколько наров у Альги все чаще возникало впечатление, что они стоят на одном месте. Путники были в дороге с самого утра, но до сих пор так и не смогли достичь перевала.

Тащивший телегу серый в яблоках мерин еле плелся, ступая медленно и осторожно, часто останавливаясь, чтобы набраться сил.

Но в любом случае это было лучше, чем идти пешком.

— А что бы ты делала, если бы я не поехал? — глухо прогудел брат Лерек.

— Вернулась назад.

— Не уверен,— проворчал он.— Ты упрямая. Это сразу видно. Пошла бы дальше да замерзла где-нибудь.

— Не так уж и холодно.

— По тебе это очень заметно, дочь моя! — рассмеялся жрец.— Ну-ну. Не сердись. Я не хотел тебя обидеть. Просто знай, что пешком до перевала не дойти. Ночь будет холодной. Погода здесь совсем другая. Не как внизу.

Он был прав. На равнинах даже сейчас было сравнительно тепло и все еще шли затяжные дожди. А здесь... На глазах Альги осень превратилась в зиму всего лишь за несколько наров.

— Вы не знаете, как долго нам добираться до крепости?

— Как Мелот распорядится. До темноты не успеем. Наверное, только завтра.

— Тут есть где заночевать?

— Чуть дальше стоит трактир для путников. Будем надеяться, он открыт.

Девушка поплотнее завернулась в шкуру. Отвесные горы сжимали поднимающийся к Клыкку Грома тракт в тесных объятиях. Серо-коричневые скалы со скудным кустарником, цепляющимся за склоны, оказались засыпаны свежим снегом и вызывали у Ходящей страшное уныние. Она не помнила более тоскливой и однообразной дороги за всю свою жизнь.

Во время подъема им не встретилось больше ни одного человека. Тракт оставался пустым. С севера к Лоска никто не ездил, а последние беженцы из долины прошли еще неделю назад. Остались лишь самые глупые, упрямые, считающие, что их не тронут. И те, кому нечего было терять.

Альга добралась до предгорий слишком поздно, чтобы уйти вместе со всеми. И ей в отличие от обычных людей, которые в большинстве своем действительно совершенно не нужны набаторцам, было чего опасаться. Некроманты не оставляют в покое тех, в чьем сердце горит «искра».

— Откуда ты? С юга? — спросил ее спутник.

От матери-южанки Альга унаследовала прекрасную золотистую кожу и пушистые черные ресницы, поэтому многие думали, что родина девушки возле границ с Маркой.

— Нет,— улыбнулась она.— Я родилась в Корунне.

— А я из Альса.

— Далеко вы забрались.

— Не люблю Набатор. Через месяц южане будут здесь, а я не хочу встречать их в Лоска. Не страшишься путешествовать одна, красавица? Дороги сейчас опасны.

— Я не боюсь людей,— ровным голосом ответила Альга.

Это было правдой. После случившегося в Радужной долине она почти перестала бояться. Во всяком случае, Ходящая пыталась себя в этом убедить хотя бы днем.

— Очень зря. Люди иногда даже хуже мертвецов, что нападают на одиноких путников.

Ходящая вздрогнула, и продолжать разговор ей расхотелось.

Быстро стемнело, и мерин пошел еще медленнее. Было видно, что он страшно устал. В конце концов жрец спрыгнул на землю, взял его под узды и повел вперед, бормоча что-то утешительное. Девушка еще какое-то время посидела, затем неохотно выбралась из нагретого гнездышка.

— Перестань. Ты вешишь не больше пушинки!

— Ноги затекли,— солгала она.

Жрец хмыкнул, но больше не стал убеждать вернуться на насиженное место, решив, что она сделает это сама, как только устанет. Альга между тем создала плетение, восстанавливающее лошадиные силы, и нежными, чуткими пальцами коснулась бока животного. Эффект не заставил себя долго ждать.

— Смотри-ка! — ахнул жрец.— У старичка словно второе дыхание открылось! Верно, почувствовал жильё! Спасибо Мелоту!

Девушка улыбнулась про себя и забралась обратно в телегу.

Она немного жалела, что не может подарить такую же бодрость своему спутнику и себе.

Ночь спустилась на горы, не приведя за собой ни месяца, ни звезд. Жрецу и Альге пришлось целый нар ползти вверх в почти крошечной тьме. Когда очередной отрезок пути, повернувший под совершенно немислимым углом, был преодолен, они увидели впереди теплое сияние огня.

— Добрались,— обрадовался Лерек, и девушка через силу улыбнулась в ответ. Страшная усталость сжала ее в крепких, отнюдь не нежных объятиях. Она желала лишь одного — уснуть.

Дорога разошлась в стороны, превратилась в большую каменистую площадку. На ней в окружении нескольких сосен стоял большой дом с заснеженной крышей, тремя сараями, вместительной конюшней и скотным двором.

— Посиди здесь, красавица,— попросил жрец.— Пойду посмотрю, что там к чему.

Он вытащил из-под вьюков сучковатую палку, очень похожую на самодельную дубинку, и поймал вопросительный взгляд Альги.

— Так. На всякий случай,— смущенно улыбнулся служитель Мелота.

Ходящая не стала задавать лишних вопросов, но быстро перебрала в уме доступные ей боевые плетения. Лерек тем временем заколотил в дверь, и, к его радости, она довольно быстро распахнулась. Открывший мужчина оказался помощником трактирщика, пригласил войти, кликнул служанку и, пообещав позаботиться о мерине, набросив на плечи тулуп, вышел в ночь.

Трактир оказался большим, чистым, светлым. Возможно, такое впе-

чатление создавалось из-за сосновой, отливающей янтарем древесины, а быть может, потому, что не было посетителей.

Заспанная служанка усадила путников поближе к камину, принесла горячего шафа. Альга отказалась и попросила теплого молока.

— С клиентами, видно, совсем туго, раз они столь проворны, — отметил жрец, осторожно отхлебнув напитка. — Никогда не видел здесь такой пустоты. Обычно свободного места днем с огнем не сыскать, не говоря уже о вечере.

Девушка без раздражения слушала его бесконечную болтовню, истории и воспоминания о прошлых путешествиях, пила молоко и старалась не заснуть. Со двора вернулся помощник трактирщика, сказал, что все сделано. Сам хозяин заведения, тощий, суевливый, но довольный или, во всяком случае, желавший таким казаться, принес гостям по тарелке гречневой каши с утиным мясом, масла, сметаны и кислой моченой ягоды, названия которой ученица Галир не знала.

Трактирщик узнал жреца, душевно с ним поздоровался, лишь мельком посмотрев на его спутницу. Благодаря обычной одежде никто не узнавал в Альге Ходящую, что ее полностью устраивало. Она очень быстро сообразила — оставаться собой слишком опасно. Пускай набаторцы не так близко, но их шпионы повсюду. К тому же среди простого народа было много недовольных тем, как складывается война. В неудачах они винили носителей «искр», и встреча с такими людьми не могла привести ни к чему хорошему.

— Уже три недели почти никого... — рассказывал жрецу хозяин заведения. — Случайные путники вроде вас — не в счет. Выручки нет. Больше себе в убыток. Да и мало кто останавливается. Все спешат к крепости, укрыться за стенами.

— Ворота не заперты?

— Неделю назад еще были открыты. А теперь кто его знает, брат Лерек?

— Сам-то не собираешься уходить?

— А на кого я все это оставляю? — Хозяин тоскливо обвел рукой таверну. — Слишком много сил вложено, чтобы бросать на растерзание воронью.

— Набаторцев не опасешься?

— Нет. Есть и спать всем надо. Думаю, меня не тронут. Хотя и противно мне их будет кормить. Распугали всех клиентов.

Альга неодобрительно нахмурилась. Она не любила людей, которые и нашим готовы услужить, и ваших спать уложить. Но ничего не сказала, лишь сильнее уткнулась носом в тарелку, почувствовав на себе взгляд жреца. Тот, казалось, читал ее мысли.

— Тогда тебе стоит опасаться не южан, а северян. Вернутся наши солдаты — могут и вздернуть за то, что чужакам помогаешь. Быть может, в равнинах на тебя и не обратили бы внимания, но не здесь. Крепость

слишком близко. Уходил бы ты лучше. Мелот говорит — негоже держаться за добро, когда оно не приносит тебе ни счастья, ни искупления.

— Мелот, прости меня, далеко. А добро близко. Вот оно. Так что я никуда не пойду. Да и набаторцев, возможно, здесь не будет. Слышал ведь — их интересует Лестница на востоке, а не Клык на западе. До нас, может, не доберутся. Пойду, посмотрю, что там с вашими комнатами.

— Больше постояльцев нет?

— Один путник. Гонец. Уже спит.

Он ушел, Альга доела кашу, выслушала молитву Лерека и встала из-за стола.

— Спокойной ночи, красавица,— попрощался с ней жрец.— Постарайся выспаться. Завтра надо отправиться пораньше.

Служанка проводила девушку в комнату на втором этаже. Здесь было тепло и очень уютно — в очаге горело пламя, на большой кровати лежала целая гора толстых одеял. Кто-то успел нагреть воды, за что Ходящая была безмерно благодарна. Заперев дверь, она с наслаждением вымылась, забралась под теплые одеяла и, высунув из-под них только нос, свернулась клубочком. Несмотря на страшную усталость, неприятную тяжесть в голове и пульсирующую в мышцах тупую боль, ученица Галир никак не могла заснуть. Она ворочалась с боку на бок, смотрела на тусклое в очаге пламя, следила за его отблесками на стенах, видела, как оживают тени. В какой-то момент со вздохом села на кровати, потом спрыгнула на пол и подкинула в огонь еще несколько поленьев, положив их друг на друга.

Девушка не была готова признаться даже самой себе, что страшится снов. Некоторые из них были незваными гостями, которых оказалось не так-то просто прогнать. В грезах она вновь оказывалась в Радужной долине в тот самый день, когда там появились некроманты.

Ноздри щекотал запах гари, крови и предгрозового воздуха. Ученица Галир слышала крики друзей, таких же перепуганных и бледных, как она сама. Видела людей в белых мантиях, бегущих по пустым запыленным коридорам. Ее Дар чувствовал, как колдуны касаются темной «искры», и это причиняло сильную физическую боль, словно кто-то проводил по костям Альги грубым наждаком.

Каждый раз она слышала голос полной старухи, выскивающей ее цепким взглядом среди заваленной ящиками комнаты:

— Лучше бы тебе выйти самой. И тогда, возможно, я буду добра.

Каждый раз молодой Ходящей приходилось, сцепив зубы, сражаться с отчаянием обреченной кошки. И в каждом сне ей надо было победить женщину с посохом некроманта новым способом, потому что старый больше не действовал.

Альга убивала колдунью раз за разом. Перепробовав десятки вариантов плетений и отвергнув сотни. Порой девушке казалось, что в этих снах она тренируется гораздо больше, чем за все время обучения под началом Старшей наставницы Радужной долины. Попавший в ловушку кошмара

мозг создавал безумные плетения, все время совершенствуя их. И, просыпаясь, Альга лишь ошеломленно хлопала глазами.

Большинство из придуманного никогда бы не сработало в реальной жизни или же полностью выжгло ее «искру» — столь мощными были эти плетения. Девушке, всего лишь несколько месяцев назад окончившей школу и ставшей полноправной Ходящей, пока еще не хватало опыта. Некоторые из созданных ею узоров могла воссоздать, возможно, лишь Цейра Асани и ее самые опытные приближенные.

Порой Альге снилось детство, дом в Корунне, отец с матерью, старшая сестра. Все было как прежде — до того, как она попала в Долину. Вот только ее любимый персиковый сад отчего-то оказывался вырублен, а на месте вишневых деревьев росли бесконечно старые каштаны с льди-сто-огненными листьями. Девушка не могла отследить тот момент, когда вновь оказывалась в бесконечных коридорах, чувствовала, как от ударов содрогается пол, и слышала за спиной голос с приятным восточным акцентом:

— Лучше бы тебе выйти самой. И тогда, возможно, я буду добра...

Часто, просыпаясь, Ходящая думала о Даге и Мите. Удалось ли им спастись? Она ничего не знала об их судьбе и лишь надеялась, что друзья смогли уцелеть. Два дня Альга пряталась на окраине города, возле лесопилки, где они договорились встретиться, еще когда их вел Рельт. Но никто так и не пришел.

О госпоже Галир девушка старалась не думать. Ходящая сердцем чувствовала, что учительница погибла.

Больше не в силах ждать друзей, Альга покинула Долину и направилась на запад, к Лоска. Дорога заняла много времени, и ее нельзя было назвать легкой. Когда девушка добралась до города, то узнала, что все Ходящие ушли за Клык Грома. Башня оставила проигранный юг, решив сражаться за север.

Оставаться в Лоска было слишком опасно. Слухи ходили самые разные, в том числе и о том, что несколько полков набаторцев движутся к Устричному морю, чтобы захватить последний южный порт Империи. Альга знала, что болтовне нельзя верить, но не желала рисковать и, покинув город, направилась к горам.

Ходящая не теряла надежды догнать своих.

— Завтра все закончится, — сонно прошептала она. — Завтра я буду не одна.

Через несколько ун она спала, и ей снились пустынные коридоры Радужной долины.

ГЛАВА 2

Деликатный стук в дверь разбудил Альгу, и несколько ун ученица Галир не могла понять, где находится.

— Госпожа! — позвала служанка. — Брат Лерек велел вас разбудить. Завтрак уже готов.

— Я не сплю! — ответила та. — Сейчас спущусь!

Быстро одеваясь, девушка гадала, почему сложное плетение, в которое она так бережно и ловко вплатила воздушные нити, не смогло убить дискку на этот раз. Ведь были соблюдены все каноны школы и допущена лишь одна вольность, которая ни в какой мере не должна была повлиять на результат. Но она повлияла. И Альга проиграла.

Уже покинув комнату и спускаясь по лестнице, девушка продолжала размышлять над задачей, чувствуя себя немного глупо. Возможно, ей не стоило так много думать о снах. От этого все равно нет никакого толку, одни переживания.

Лампы в зале все еще горели — бледный рассвет за окном пока не дал достаточно света. За столом кроме Лерека спиной к Альге сидел незнакомец в потрепанном временим плаще гонца с эмблемой в виде сапога и облака.

— Доброе утро, красавица, — поприветствовал девушку жрец. — Садись скорее, еда остывает. Это мастер Матен.

Гонец оказался высоким, статным, улыбчивым молодым человеком. Он счел нужным встать из-за стола и поклониться.

— Очень рад, госпожа...

В его словах звучал вопрос, и девушка ответила:

— Альга.

И тут же увидела, как поднялись светлые брови Лерека. Ей понадобилась уна, чтобы понять, что ему она назвала иное имя. К счастью, жрец промолчал, а Ходящая, сгорая от стыда, обругала себя за излишне болтливый язык. Она еще толком не проснулась, и вот результат — выдала свое имя первому встречному!

Стараясь справиться с неловкостью, девушка налила себе молока, слушая, как молодой гонец рассказывает последние новости:

— Я из Лоска, так что знаю не так много. На юг из наших никто не едет, а те немногие, кто возвращается оттуда, говорят, что все города и деревни в руках набаторцев. Держатся лишь Альсгара да Гаш-шаку, но к ним не пробиться. В лесах полно крестьян. Многие пытаются сопротивляться и бьют южан, но силы неравны.

— Вы направляетесь в Корунн? — поинтересовалась Альга.

— Совершенно верно, госпожа, — улыбнулся Матен. — А вы?

— Она путешествует со мной, — сказал Лерек, прежде чем девушка успела открыть рот. — Отец Альги попросил сопроводить ее до дома тетушки.

— Очень разумная предосторожность, — одобрил гонец, вставая из-за стола. — Тракты нынче недружелюбны к одиночкам. Удачной вам дороги. Возможно, я вас еще нагоню.

— Я думал, вы отправляетесь немедленно, — удивился жрец.

— Нет! — рассмеялся Матен. — Я неправильно выразился. Прежде

чем двигаться дальше, мне следует дожидаться посыльного с письмом. Он опаздывает.

Прощавшись, молодой человек поднялся наверх, и Альга негромко спросила у жреца:

— Зачем надо было врать?

Он улыбнулся и щелкнул пальцами:

— Опередила, красавица. Я хотел спросить то же самое.

Брат Лерек наклонился к ней через стол, дружелюбно улыбнулся и тихо сказал:

— Давай поговорим об этом в пути.

Ходящая с сожалением расставалась с уютной таверной, ей до слез не хотелось продолжать путешествие. Было бы здорово остаться здесь на неделю и хорошенько отоспаться, вместо того чтобы мерзнуть в телеге и бороться с усталостью.

Когда таверна скрылась за поворотом, дорога вновь сузилась и крутым серпантинном начала забираться наверх, к снежным пикам, ярко выделяющимся на фоне чистого неба.

— Нам туда? — после недолгих колебаний спросила Альга.

— Что? — не понял задумавшийся Лерек, затем проследил за ее взглядом.— А-а-а... Нет, красавица. Такая высота нам ни к чему.

— Разве это не Клык Грома?

— Мелот не настолько жесток, чтобы заставлять нас забираться выше неба. Клык во-о-он за теми склонами. Скоро увидишь. Так как тебя на самом деле зовут?

— Альга,— неохотно ответила девушка.

— Очень приятно, красавица.— В его голосе не слышалось ни обиды, ни издевки.— Прячешься от кого-то?

— Нет,— солгала она.— Не прячусь и не бегу.

— Ну тебе виднее,— пожал плечами жрец.— Я направляюсь в Корунн.

Если ты туда же, то можем продолжить путь вместе.

— Спасибо,— поблагодарила Ходящая,— но я еще не уверена, куда мне надо.

— Помолись Мелоту, дочь моя. Возможно, он укажет тебе путь.— И вновь в голосе Лерека не было насмешки. Он говорил совершенно серьезно и с искренней заботой.— Не знать своей цели в такие времена — слишком самонадеянно.

Она знала. Следует найти кого-нибудь из Ходящих, рассказать о том, что случилось в Радужной долине, а дальше будет так, как решат старшие.

— Что ты делала на юге?

— Училась.— Ее не раздражали и не тревожили вопросы жреца.

— Грамоте?

— Да. Отец отправил.— И это тоже не было ложью.

— И что? Читать, писать и считать умеешь?! — изумился он.

— Умею.

Лерек посмотрел на нее с уважением:

— Книгу Созидания читала, красавица?

— Конечно.— Альга сдержала улыбку.

— Хорошо. Не все девушки в наше время думают, что им надо уметь читать. Я рад, что ты не из таких. Твои стремления к знаниям достойны уважения, а твой отец умный человек, раз понимает это.

Она не стала говорить, что родители умерли, еще когда она училась на второй ступени, и из родных у нее осталась лишь старшая сестра, о судьбе которой она теперь ничего не знает. На душе тут же сделалось тягостно, и Ходящая, спрятав руки в карманы шубки, принялась следить за дорогой.

На склонах появились запорошенные снегом вековые ели. Многие из них были просто огромными, и Альге при виде их лохматых, колючих лап становилось как будто теплее. Девушка любила эти деревья больше всех других и с самого детства была уверена, что они даже в самые лютые холода будут добры к ней и никогда не дадут в обиду. Глупые сказки, услышанные в детстве, оказалось не так-то просто выбросить из головы.

Мерин шел ходко, славно отдохнув за ночь. Поднявшись еще ярдов на четырехста, спутники увидели, как из-за лесистого склона показался острый краешек скалы. Минок через двадцать дорога сделала очередной поворот, и Клык Грома открылся перед Альгой во всей своей красе.

Пик был приметным, хоть и не столь высоким, как остальные. Без снега. И внешне напоминал волчий клык. Скала оказалась темной, как ночь, словно в вершину ударили сотни молний и камень обуглился.

— Крепость прямо под зубом,— пояснил Лерек.— Ты приехала на юг через Лестницу?

— Нет. Но я была слишком маленькой и почти ничего не помню... Нас кто-то догоняет.

С края склона открывался завораживающий вид на дорогу, которая змейкой поднималась вверх. На третьей от них петле Альга рассмотрела двух всадников. Жрец приподнялся, глянул вниз:

— Скоро нагонят.

— Я так и не спросила у вас, почему вы солгали обо мне.

Жрец нехотя пожал могучими плечами:

— По той же самой причине, что ты не хотела называть свое имя. Обычная осторожность. Хотя, кажется, человек он неплохой. Но всякое случается. Не стоит все выкладывать первому же встречному. Неизвестно, как он использует твои слова. В добро или во зло.

— Что же? Всех людей считать плохими? Разве Мелот этому учит?

— Мелот учит не быть наивными, красавица. Человек может быть хорошим, но, к сожалению, не слишком дальновидным. Порой сказанные слова, которым он не придает значения, могут попасть в уши к дурным людям и быть использованы против тебя. В жизни все бывает. А гонцы...

ты же должна знать. Они как сороки. Разносят новости и сплетни на своих хвостах. Попробуй успеи остановить.

Дорога скользнула под двумя каменными арками, созданными самой природой, и прижалась к стене, на которой находилась сторожевая башня. Альга задрала голову и увидела в бойницах какое-то движение.

— Там есть люди?

— Конечно. Это дозорный пункт Клыка Грома. С него тракт просматривается почти на две лиги. При хорошей погоде, разумеется. Так что нас с тобой заметили еще нар назад, если не раньше. Удобное место, сохрани его Мелот.

Альга, услышав совсем близко стук копыт, обернулась. Их нагнали всадники.

— Я же говорил, мы еще встретимся! — приветливо улыбнулся мастер Матен, придерживая горячую лошадь. — Чудесная погода для путешествия!

Его спутник оказался чуть старше гонца. Симпатичное лицо портил широкий шрам на нижней губе. Мужчина посмотрел на девушку — светло-голубые глаза остались холодны, но кивнул он приветливо и почти тут же напомнил мастеру Матену о спешном деле.

Всадники поскакали вперед и быстро скрылись за очередным поворотом.

Мерину потребовался еще нар, прежде чем он вывез телегу на прямую дорогу. Впереди во всей красе показался черный Клык Грома в обрамлении ослепительно-снежной короны пиков.

Деревья остались внизу, уступив место каменистым склонам. Несмотря на скорую зиму, распогодилось, и солнечные лучи грели так, что Альга совсем не мерзла. Жрец мурлыкал под нос какую-то незнакомую песню. Он, как и Ходящая, был рад, что вот-вот окажется за стенами оплота северян, подальше от набаторцев.

Сама цитадель, как и многие творения Скульптора, расположенные в горах, была вплавлена в камень и представляла с ним единое целое. Такая же угольно-черная, грозная и неприступная.

Альга различила три кольца стен, каждое ярдов на пятьдесят выше предыдущего, и множество сторожевых башен. Одна из них, с острым шпилем, сразу же напомнила ей постройки в Радужной долине.

Начались узкие каменные мосты с арочными пролетами и грубыми колоннами, уходящими вниз порой на десятки ярдов. Альга насчитала четыре ущелья, протянувшихся перпендикулярно тракту, которые им пришлось миновать. Внизу бесновались белопенные реки, каскадами срывающиеся с базальтовых утесов. Их гул смахивал на гудение рассерженных шершней.

Крепость выросла в размерах, закрыла собой четверть неба, угрожающе нависла над путниками темной глыбой. Сторожевые башни, казалось, шагнули вперед, и их бойницы пристально изучали чужаков.

Последний мост был подъемным. Под ним зияла пропасть, наполнен-

ная острыми гранитными зубьями. Низкие ворота больше походили на какой-то лаз. Не слишком удобно для путников, зато очень надежно при обороне.

Солдаты, стоявшие возле моста, встретили их неприветливо. Не задали никаких вопросов, но были хмуры, встревожены и проводили настоятельными, цепкими взглядами.

Въехав во внутренний двор — маленький, тесный и голый, — жрец натянул повод и тихо присвистнул. Альга охнула. Возле стены лежало истыканное арбалетными болтами, окровавленное тело гонца.

— Знакомый? — тут же спросил один из воинов. Судя по нашивкам — старший.

— Видели в дороге, — ровно ответил брат Лерек, стараясь не делать резких движений.

На стенах появились стрелки.

— Что случилось? Почему он убит?! — Альга, не обращая внимания на арбалетчиков, смело спрыгнула с телеги.

Командир стражников дернул бровью, услышав в голосе незнакомки гневные и повелительные нотки, но не посчитал нужным что-либо скрывать:

— Шпион Наботора... — и добавил после недолгого раздумья: — Госпожа.

— Отчего такая уверенность?

— Кто вы, чтобы задавать такие вопросы? — нахмурился солдат.

— Одна из тех, что несет свет «искры» в наш мир, — раздался сверху женский голос.

Девушка резко вскинула голову и увидела говорившую в окне второго этажа. На нее смотрела Тирра. Ходящая.

— Рада видеть тебя живой, Альга.

— И я ва... тебя, Тирра.

Она иногда забывала, что больше не ученица.

— Жрец приехал с тобой?

— Да. Я за него ручаюсь.

— Капрал! Негоже держать Ходящую на пороге.

Солдат, красный от волнения, поклонился и приказал поднять решетку:

— Простите, госпожа. Я не знал, с кем говорю.

— Похоже, я тоже, — пробормотал себе под нос брат Лерек, впрочем не выглядящий изумленным.

Прежде чем пройти мимо, Альга спросила:

— С гонцом был еще один мужчина. Где он?

Воины удивленно переглянулись:

— Он был один, госпожа.

— Вы уверены?!

— Да.

Она с изумлением посмотрела на жреца и по его виду убедилась, что спутник Матена ей не приснился.

— В последнее время слишком многие прикрываются гербом сапога и облака. Ведь гонцам всегда открыты дороги и таверны. Да и стража к ним благоволит. Некоторые этим пользуются.— Тирра отхлебнула горячего шафа и осторожно пристроила чашку на край стола.— У этого даже одежда была настоящей, а не подделкой. Видно, что работа гильдии.

Альга держала свою чашку в руках, грея ладони.

Тирра была на тридцать лет младше, чем Старшая наставница Долины — Галир, но слыла ее самой близкой подругой. Высокая, долговязая, с редкими волосами и глубокими морщинами возле рта, она напоминала старое высохшее дерево, хотя год назад ей исполнилось всего сорок.

— Этот шпион — уже третий за месяц. И я уверена, что они не успокоятся.

— Как вы их узнаете?

— Всего лишь опыт. Ты научишься. Со временем.

Шила, вторая Ходящая Клыка Грома, перестала стучать спицами и подняла на собеседниц светлые глаза. На ее бледном лице, несмотря на то что лето давно закончилось, а солнце перестало быть щедрым, ярко горели крупные конопушки. Миловидная женщина была старше Альги на восемь лет.

Девушка невзлюбила Шилу еще со школы. Какое-то время та преподавала теорию плетений и была слишком требовательна к знаниям учеников. По природе вспыльчивая и упрямая, Альга на дух не переносила эту невысокую зануду, и то и дело они сталкивались лбами. Ученица не желала уступать глупым, как ей казалось, прихотям воспитательницы. И в итоге хорошо потрепала себе нервы и намучилась, сдавая экзамен во время перехода на следующую ступень.

Вся школа вздохнула с облегчением, когда конопатая Ходящая оставила свою должность и уехала на север.

— Мы едва его не упустили,— сказала Шила.— Но он занервничал и попытался убить стражника, который слишком придирчиво выполнял свои обязанности.

Альга вспомнила дружелюбную улыбку гонца и почувствовала внезапную злость:

— Он казался неплохим человеком. Жаль, что я в нем ошиблась.

— Мы все носим маски.— Женщина вновь занялась вязанием.— Тебя никто не винит.

— А сколько их прошло мимо нас, и мы об этом не узнали,— вздохнула Тирра.— По счастью, теперь, когда поток беженцев иссяк, стало гораздо проще. Но мне не нравится, что спутник этого человека пропал. Чую — быть беде.

— Не согласна.— Шила придирчиво изучила петли.— Возможно, пропавший просто оказался умнее и повернул назад.

— Мы не встретили его, — возразила Альга.

— Это ничего не доказывает. Думаю, он не хотел, чтобы его видели. У дороги много камней, за которыми можно спрятаться. Незнакомец, не решившись войти в нашу цитадель, сохранил жизнь. Его более напористый приятель — отправился в Бездну.

— А что, если у него был Дар... Тогда он мог стать незаметным на какое-то время, — задумчиво произнесла Тирра, и обе женщины вопросительно посмотрели на девушку.

— Нет, — без всяких сомнений отмела эту догадку Альга. — У него не было темной «искры». Я бы почувствовала.

— Значит, нам нечего опасаться, — улыбнулась Тирра.

— Я, пожалуй, все же проверю ворота. На всякий случай, — сказала Ши́ла, откладывая пряжу. — И предупрежу капитана крепости. Бережного Мелот хранит.

Ученица Галир мгновенно ощутила волну раздражения, но постаралась остаться спокойной. На этот раз зануда Ши́ла права. Лучше проявить осмотрительность, чем расплачиваться за ошибки, которых легко можно избежать.

Прежде чем уйти, Альга еще минок двадцать говорила с Тиррой о Галир. Ходящая сожалела о гибели подруги, но нисколько не удивлялась тому, что произошло:

— Она знала, на что шла. Поэтому и осталась. Печально, что ей не удалось убедить уйти тех, кто был с ней. Я не слишком любила Алию Макси, у нас были... трения, еще когда мы учились. Но потеря ее «искры» — так не ко времени! Впрочем, как и утрата Гиланы, Луий и Ильмы.

— Что-нибудь известно об Альсгаре?

— Осада продолжается.

— А Совет?

— Противостоит некромантам. Если я не ошибаюсь в Цейре Асани, то весной, как только в море утихнут шторма, наши сестры попытаются добраться кораблем до Лоска. А если город будет взят, то через Морассию, в Корунн.

— Но ведь тогда Альсгара останется на произвол судьбы!

— Если за защиту города придется заплатить потерей страны, город отправляется в Бездну, — жестко сказала Тирра, и ее брови сошлись у переносицы. — Можно пожертвовать даже десятью Альсгарами, если это поможет нам выиграть войну. Зимой воевать тяжело, набаторцы обязательно застрянут у Лестницы. У нас есть время подготовиться, хотя его и не так много. Главное сражение будет за Корунн. И, надеюсь, нам поможет Мелот и Колос Скульптора. Если только не случится ничего непредвиденного.

Она нахмурилась еще сильнее, и ее губы сжались в тонкую линию.

Прощавшись, Альга вышла, плотно закрыв за собой дверь. Добра-

лась до лестницы, прорубленной в толще скалы, оказалась в коридоре с ровно горящими факелами и здесь столкнулась с одним из слуг.

Тот с достоинством поклонился и произнес:

— Госпожа, вы просили сообщить, когда ваш спутник соберется в дорогу.

— Хорошо. Ступай.

Пройдя этаж, Альга вышла в галерею второго яруса, опоясывающую большой внутренний двор. Здесь ее окликнули, и, обернувшись, она увидела, что к ней спешит невысокий молодой человек. Черноглазый, черноволосый, со смешной челкой, падающей на брови. Правильное, красивое лицо с волевыми губами и аристократическим носом портил лишь заросший неопрятной щетиной подбородок.

— Не верю своим глазам! Райл! — обрадовалась она. — Какими судьбами?! Я думала, ты в Альгаре!

— Уже год, как нет, — улыбнулся Огонек, обняв и тут же отпустив ее. Он был старше девушки на два года, но это не помешало им водить дружбу еще в Радужной долине. — Год назад меня отправили на север вместе с Тиррой. Теперь торчу здесь. Очень рад тебя видеть!

— Как ты узнал, что я здесь?

— Встретил Шилу. — Он скривился прямо как в Школе, когда говорил о ней. — Послушай, мне ужасно жаль, что это произошло с Митой и Дагом...

— Постой! Рано их хоронить. Я-то ведь смогла выбраться.

— Ты — особенная, — снова заулыбался Райл, подходя ближе. — Ты им не по зубам.

— Твоя лесть всегда была груба. — Альга, вопреки своему желанию, тоже улыбнулась, легко толкнув его в грудь ладонями и показывая тем самым границу, за которую он не должен заходить. — Я спешу. Давай поговорим чуть позже. Хорошо?

— Конечно! — кивнул Огонек. — Я найду тебя.

— Не сомневаюсь, — сказала девушка и поспешила вниз, совершенно забыв о приличиях и прыгая через несколько ступенек. Она на ходу накрутила на шею шарф, торопливо застегнула шубку и уже спустя две минки оказалась во внутреннем дворе.

— Как пройти к северным воротам? — спросила Альга у одного из солдат.

— Если спешите, то вот через эту калитку, госпожа. Я, с вашего позволения, покажу.

— Спасибо!

Жрец уже собирался уезжать, но, заметив девушку, слез с телеги.

— Я уж думал, что не попрощаемся, кра... госпожа, — поправился он. — Рад, что вы смогли добраться до безопасного места.

— Вы ведь не очень удивились, когда узнали, кто я, брат Лерек.

— Верно, — не стал отрицать он. — Я знал, с кем имею дело, как только встретил вас на дороге.

— Но... как вы догадались? — изумилась она.

Жрец щелкнул пальцами:

— Это тяжело объяснить. Приходит с возрастом, наверное. Я имел дела с Башней и научился отмечать женщин с Даром. У вас другой взгляд. В нем чувствуется «искра». Да и осанка слишком горделивая. Мой вам совет, госпожа. Если хотите, чтобы никто не знал, кто вы, — меняйтесь. Иначе опытный человек легко догадается о том, что вы желаете скрыть. И не всегда он будет настроен к вам по-доброму.

— Спасибо. Я запомню. Но почему вы так быстро нас покидаете? Скоро ночь.

— Не страшно. Через два нара я буду в городе. Мне, если честно, не нравится это место. Я бы вам не советовал задерживаться здесь надолго.

— Есть причины для беспокойства?

— В том то и дело, что нет, — нахмурился жрец. — Просто хочется отсюда уехать. Глупое предчувствие, и только.

Он неловко улыбнулся, а у Альги по спине пробежала череда ледяных мурашек, и на несколько мгновений Клык Грома перестал казаться надежным и безопасным.

— Извините, что напугал вас. Не хотел.

— Все в порядке. — Она уже справилась с собой, в который раз удивляясь, как этот кажущийся простоватым человек легко ее «читает». — Я хочу еще раз сказать вам спасибо за помощь. Без вас я бы пропала.

— Берегите себя, госпожа, и будьте осторожны. Времена сейчас суровые. Надеюсь, мы еще встретимся. Прощайте!

Мерин фыркнул, потянув за собой телегу.

Брат Лерек давно уехал, а Ходящая продолжала стоять на холоде и смотреть на пустую, заносимую снегом дорогу.

Альга резко села на постели, прижав руки к шее. Сердце колотилось как сумасшедшее и едва не выпрыгивало из груди. Ночная рубашка намочила от пота, а пальцы дрожали.

На сей раз ей удалось убить гадину, пусть для этого и пришлось считать многоходовую игру, где одно плетение заставляло срабатывать следующее, порой троясь и на ходу выпуская обманки и пустышки. В итоге у нее получилось отвлечь Белую, смять защиту и победить.

Когда сдиска упала, Альга с победным криком выскочила из-за ящиков, но тут почувствовала, что кто-то еще пробудил темный Дар, и в страхе, что сражение не закончено, проснулась.

— Получилось, забирай меня Бездна! — прошептала она. — Получилось!

Горло пересохло. Очень хотелось пить. Ходящая взяла стоящий на ночном столике графин и слегка трясущейся рукой налила себе воды. Выпила залпом. Затем слезла с кровати, босиком подошла к окну, посмотрела на небо и поняла, что едва минула середина ночи.

Внезапно пальцы обожгло огнем, а кости свело от ноющей боли. Ис-

пуганно охнув, девушка бросилась одеваться. Кто-то только что воспользовался темной и светлой «искрой».

Натянув юбку и накинув шаль, Альга выскочила в коридор и, безошибочно определив направление, поспешила к верхним покоям. Коридоры были неприятно-темными, она бежала по ним с гулко стучащим сердцем, вздрагивая от каждой тени и любого подозрительного шороха. Ходящая больше не чувствовала, чтобы касались Дара, и это пугало ее сильнее, чем если бы сражение продолжалось.

Альга едва сдержалась, чтобы не ударить плетением в двух солдат, появившихся из-за угла и мирно беседующих друг с другом. Усилием воли пригасила «искру» и крикнула им, ошеломленным тем, что удалось увидеть госпожу в столь растрепанном и неподобающем ее положению виде:

— Поднимайте тревогу! В крепости некромант!

Оба ничего не спросили и бросились вниз, гремя по лестнице сапогами. Альга побежала в противоположную сторону и увидела Шилу, такую же всклокоченную, едва одетую и босую, как и она сама.

Быстро посмотрев друг на друга, они одновременно выдохнули:

— Тирра!

И бросились к покоям старшей Ходящей.

Дверь была закрыта, Альга повернула ручку, рванула на себя, и ее спутница тут же швырнула внутрь «Ошеломляющее ослепление», которое должно было надолго парализовать всех, кто находился в комнате. Когда шипение и треск стихли, женщины смело вошли в помещение, удерживая на пальцах боевые плетения.

— Свет,— тихо бросила Шила, осторожно двигаясь вдоль книжного шкафа к разбитому окну, и Альга сдула с ладони ярких серебристых светлячков, которые веселой стайкой закружились под потолком.

Во дворе раздался рев рога. Через несколько ун его басовитый голос потонул в колокольном бое. Но носительницы Дара не надеялись на поднятую тревогу. Солдаты в бою с некромантом не помощники.

Тирра лежала рядом со столом. Ее голова была повернута под неестественным углом, словно женщина решила посмотреть, что находится у нее за спиной. Альга почувствовала, как в животе разбилась ледяная глыба, теперь остужающая ее изнутри. Девушка вспомнила колдунью из своих снов и едва не умерла от страха. Ужас липкими пальцами сжал голову, вынуждая застыть, спутывая мысли, и лишь величайшим усилием воли юная Ходящая смогла убедить себя, что здесь нет не только ее личного кошмара, но и никакого другого некроманта. Иначе бы они уже обнаружили его парализованное тело на полу.

— Убита голыми руками.— Шила склонилась над Тиррой.— Белый где-то недалеко.

— Ушел по коридору? Тогда не мимо нас, а в другую сторону. На самый верх башни.

— Возможно,— задумчиво сказала Шила, все еще продолжая смотреть на мертвую.— Странные отпечатки. Это не человеческие руки.

Альга краем глаза заметила быстрое движение возле окна, развернулась и не мешкая ударила. Но кто бы это ни был, он оказался слишком быстр, и плетение прошло мимо. Единственное, чего добилась Ходящая,— тот, кто хотел броситься на нее, изменил направление и упал сверху на Шилу.

Больше всего это существо напоминало сгусток горячего воздуха. Но как только он обволок жертву, то сгустился и стал человеком.

Враг стоял перед Альгой, держа пленницу перед собой, словно живой щит. Он во всем был человеком, и лишь пальцы на руках больше всего походили на птичьи лапы, заканчивающиеся страшными когтями, которые без труда могли разорвать беззащитную шею заложницы.

Ученица Галир не знала, кто или что перед ней, но бить не спешила, чувствуя, как вспыхнула темная «искра», как Шилу отрезают от Дара и как вокруг пленницы и убийцы разворачивается бледный щит.

Ходящая не могла понять, как раньше она не почувствовала в этом мужчине тьму. Перед ней стоял давешний спутник лжегонца. Господин со шрамом на нижней губе. Он холодно улыбнулся Альге и сказал красивым, спокойным голосом:

— Не делай глупостей, девочка, и все останутся живы.

Страшные когти коснулись кожи, и его жертва едва заметно вздрогнула. Альга увидела, как капелька крови сбегает по шее Шилы.

— Скажи мне, где Целитель, и я уйду,— между тем продолжил мужчина.

Девушка ничем не показала своего удивления странности вопроса и лихорадочно соображала, как потянуть время, одновременно перебирая в голове сотни вариантов плетений, чтобы найти единственно верное, способное помочь Шиле убить мерзкую тварь и спасти им жизни.

— Не понимаю, о чем ты. Отпусти ее!

— Целитель, милочка.— У него был легкий сдисский акцент. Мягкий и почти незаметный для нечуткого уха.— Скажи, где прячется твой друг. Так будет лучше для вас обоих.

Он сжал когти сильнее, и на этот раз пленница не смогла сдержать стоны боли.

— Ты придурок! Целитель в Альсгаре! — прошипела она.— Здесь его нет.

— Я разговариваю не с тобой, девка.— Он встряхнул Шилу, словно волкодав кошку.— В последний раз спрашиваю по-хорошему: где Целитель?

И в это мгновение Альга нашла решение! Именно с помощью его она десять дней назад смогла выиграть схватку с колдуньей в своем Бездна знает каком по счету сне! И девушка стала быстро сплетать нужный узор, одновременно говоря:

— Отпусти ее. И я уйду с тобой. Мы поговорим.

— Ты мне не нужна.

Узелок. Еще узелок. Пьяный северный лист, перечеркнуть восходящей росой, связать с началом, замкнуть круг, добавить два отвода для лишнего жара, чтобы тот не разрушил плетение раньше времени. То, что прежде занимало у нее несколько минок, теперь, после тренировок в кошмарах, получалось едва ли не в два удара сердца.

— Хорошо. Я скажу. — Она немного отступила назад, так как незнакомец начал медленно приближаться, толкая впереди себя Ходящую. — Но ты не бойшься, что я совру?

Бездна! Бездна! Бездна! Она может создать плетение, но не в состоянии насытить его должным жаром! Ее «искра» пока еще слишком слаба и неразвита для того, чтобы быть настолько мощной. Что же делать?! Мелот! Что же делать?!

— Я пойму, если ты лжешь.

Риск был огромен, создавать что-то иное бесполезно — оно бы не пробило щит или убило пленницу. И, уже зная, что ничего не получится, девушка все-таки взялась за это безнадежное дело.

— Мое терпение вышло!

Шила захрипела, начала закатывать глаза, и Альга внезапно ощутила, как в нее вливается поток, показавшийся в тот момент просто грандиозным. «Искра» вспыхнула, как никогда раньше, тело затопило жаром. Она увидела, как расширяются холодные глаза врага, и, злорадствуя в душе, ударила, тут же закричав от страшной боли в руках.

С силой отшвырнув пленницу, убийца прыгнул в другую сторону в тот момент, когда поток рубиновой пыли проломил его щит. Мужчина расплылся, превратился в нечто черное, хищное, страшное, в следующее мгновение замерцал... и растворился в воздухе.

По комнате прокатилась волна горячего воздуха, и Альга, несмотря на градом катящиеся слезы, скорректировала направление и ударила вновь. Она услышала у себя над ухом оглушительный вопль, на стену брызнула кровь, раненый противник стал видимым, прыгнул в коридор, едва не сбив человека, стоявшего в дверях, и исчез.

— Ты жива?! — Райл склонился над плачущей от боли девушкой. — Мелот! Что с твоими руками?!

— Шила... Посмотри...

— Держись! — сказал он и устремился к лежащей без движения Ходящей.

Рубиновый песок медленно оседал на пол и мебель. Альга, пошатываясь, подошла к двери и, захлопнув ее, закрыла на засов, но не почувствовала себя в большей безопасности. Ее ногти посинели и уже начали слезать, на пальцах появились волдыри от ожогов. Каждое движение причиняло боль.

— Она жива! — крикнул Райл. — Кровь пустяки. Царапины!

— Что это было?! — Альга уже сидела на коленях перед потерявшей сознание Шилой.

— О каком Целителе шла речь? — в свою очередь спросил Огонек.

— Не знаю. Спасибо, что отдал жар своей «искры». Без тебя бы я не справилась.

Он улыбнулся:

— Ты просто молодец! Я ничего подобного не видел. — Молодой человек, подняв с пола, поднес к глазам рубиновую песчинку. — Эта штука падает только на тех, кто сотрудничает с Бездной? Кто тебя этому научил?

Девушка лишь покачала головой.

Не время сейчас что-то объяснять. Они по-прежнему в опасности.

А еще юная Ходящая думала, почему спутник гонца не напал на нее по дороге, когда у него была такая возможность, а рискнул влезть в Клык Грома, где несравнимо опаснее.

ГЛАВА 3

Проклятое тело преподнесло Тиф очередной «сюрприз» и решило испытать новую хозяйку болезнью.

Последний раз Дочь Ночи хворала Бездна знает сколько веков назад и уже успела напрочь забыть отвратительные ощущения. Она чувствовала себя старой развалиной, по костюмам которой галопом проскакал кавалерийский полк. Убийца Сориты беспрерывно кашляла и чихала, но это было мелочью по сравнению со страшной ломотой в висках и бесконечным ознобом. Ей хотелось забиться в какую-нибудь нору и умереть там, в покое, тепле и уюте.

Вместо этого приходилось трястись в седле, терпеть порывы ледяного ветра, прятать лицо от ледяных снежинок, делающих кожу на щеках бесчувственной, и проклинать недружелюбные горы, которые вызывали у нее отвращение, с каждым днем все больше и больше превращающиеся в ненависть.

Проклятая ползла по долинам и перевалам, жалея себя и едва не плача. Скачущая на Урагане хлюпала носом, надсадно кашляла и продолжала страдать, злясь на никчемную оболочку, неспособную выдержать жалкую болезнь. Она не желала просить помощи у мальчишки-Целителя и лечилась самостоятельно горькой дрянью, выпрошенной у жреца.

Уставшая, раздражительная и резкая в общении Тиа мечтала, чтобы ее оставили в покое. Замотавшись в гору теплых тряпок, она едва держалась в седле, то и дело проваливаясь в тяжелую полудрему.

Ночью Убийца Сориты придвигалась поближе к огню и старалась, чтобы никто не видел, как ее колотит. От сильного озноба к утру мышцы болели так, что ей вновь страшно хотелось плакать, а еще лучше — уме-

реть. Но ни за что не влезать на лошадь и не мучиться следующие нары в бесконечной, утомительной дороге.

Поэтому когда отряд остановился на два дня перед началом серьезного подъема — людям было необходимо время, чтобы привыкнуть к высоте, — Тиф вздохнула с облегчением. Эта передышка дала ей возможность отлежаться и почувствовать себя лучше. Температура спала, горло перестало обжигать болью, вернулся аппетит. Она вновь начала здраво мыслить и могла держать себя в руках, не рыча, словно запертая в клетку львица, на каждую обращенную к ней невинную фразу.

После того как Нэсс убил Рована, отряд без остановок скакал по Лестнице целые сутки. Предупрежденные об опасности разведчиками йе-арре, они успели свернуть в смежный туннель и избежали встречи с большой группой набаторцев, спешивших на юг. Никто их не заметил.

Но творение Кавалара перестало быть безопасным — впереди три дороги сливались в одну и превращались в серпантин ступеней, ведущих к крепости. Продолжить путь по Лестнице незамеченными стало невозможно. Поэтому, миновав центральный хребет, отряд сошел с удобного тракта в одно из узких неприметных ущелий и начал очередной подъем.

Лестница Висельника осталась позади.

Стоило отряду оказаться в диком ущелье, и дорога сразу ухудшилась. Сузилась, превратилась в то и дело обрывающуюся ниточку. Снега было столько, что Роне приходилось расчищать его с помощью «искры». Лошади продвигались вперед с черепашьей скоростью, и в день отряд проходил совсем небольшие расстояния.

За хребтами — горбатыми, острыми, снежными, увитыми венками облаков и закованными в броню льда — начиналось высокогорное плато. Бесконечное, с ребрами каменистых холмов, оно было похоже на крышу мира, где живут самые свирепые ветра. Казалось, еще чуть-чуть — и они оторвут людей от земли, чтобы унести за сотни лиг.

Ледяные порывы стегали путников, словно кнуты палачей, сбивали с ног, и животные, которым тоже приходилось тяжело, отказывались идти. Их морды обматывали тряпками, а затем вели лошадей за собой в поводу.

Тиф, выросшая на юге и обожавшая тепло, словно попала в страшный сон. Другую реальность. Царство мороза, разреженного воздуха, летящих в лицо острых ледяных кристаллов, снега — иногда достигающего пояса, скользкого льда, ненадежных камней и вечных облаков, несущихся с огромной скоростью и падающих на плато, словно паук на муху. Временами из-за них приходилось продвигаться в непроглядной промозглой дымке, и Убийца Сориты едва могла различить лошадь, ведомую впереди идущим воином.

Ночевали, где придется. Отряд выживал лишь благодаря плетениям, дававшим тепло на стоянках.

Тиа часто вспоминала смерть Рована, и это грело ее куда сильнее, чем

«искра». В такие минки Проклятая даже радовалась, что оказалась в столь забытых богами местах.

Звезда Хары! Она бы согласилась пройти этот путь снова, даже босой, лишь бы Могильный Червяк умер еще раз!

Замечательная удача, что он оставил Альсгару и направился к Лею. Жаль, что гийяну не встретила еще и Митифа. Вот уж кого следовало отправить вдогонку за Чахоткой. Впрочем, Дочь Ночи тут же себя одергивала. Нечего гневить Бездну. Следует довольствоваться уже тем, что есть, благо этого немало. Черед Серой мышки настанет чуть позже.

Единственное, о чем жалела Тиф, — это о пропавшем потенциале брата Ретара. Его «искра» оказалась погашена мгновенно, и «всплеска» не произошло. Проклятая не смогла собрать силу.

Стрела прикончила скорпиона так, что тот не успел укусить, но вместе с тем не дала Тиа возможности набраться мощи, которая сейчас не была бы лишней. «Искра» Проклятой уже не находилась в столь плачевном состоянии, как раньше, но еще не могла тягаться ни с чьей из уцелевших бывших сообщников.

Тальки ошиблась. Старая ворона без устали каркала, что чем сильнее Дочь Ночи будет сливаться с новым телом, тем слабее будет ее Дар. Но такого, к счастью для Тиф, не произошло. Наоборот, все стало гораздо лучше, чем в самом начале.

Тиа страшилась участи Гиноры — гибели после того, как погаснет «искра». Или того хуже — жалкого существования до тех пор, пока тело не умрет. Или что исчезнет Дар, и дурак Порк, которого она не сможет контролировать, получит главную роль.

Всю жизнь находиться рядом с полубезумной свиньей! Что может быть отвратительнее?!

О последнем варианте она старалась не думать. Сейчас ее серьезно беспокоило другое — стрелы Серого. Она считала, что наконецник существует в единственном экземпляре и теперь находится в руках Аленари. Но Нэсс смог ее удивить и, словно ярмарочный фокусник, достающий из рукава белого голубя, вытащил из колчана еще одну *настоящую смерть*.

Дочь Ночи сильно интересовало, сколько артефактов спрятано у убийцы в кармане. На них у нее были серьезные планы.

Смерть Проклятого потрясла отряд. Для людей такие, как она, являлись чем-то вроде сказочных чудовищ — вселенским злом, которое невозможно победить. И тут воины собственными глазами увидели, как обычный лучник без всякого видимого труда отправляет в Бездну того, кто был равен богам.

Рован, к всеобщему изумлению, оказался смертен.

Кто бы мог подумать? Трижды ха-ха.

Тогда, столпившись у тела, все потрясенно молчали. Нэсс, отойдя в сторону, сел на заснеженные камни и придирчиво изучал лук, словно сейчас тот был самой важной вещью в мире.

Когда люди наконец поверили в произошедшее, они разразились во-

плями радости. Кто-то смеялся, кто-то плакал от счастья. Один воин, не удержавшись и дуряя от собственной храбрости, пнул убитого. Рыцарь Лартун завладел его мечом и с интересом изучал черный волнистый клинок.

По мнению Тиф, они походили на шайку гиен, понявших, что грозный лев умер.

Затем ей пришлось вытерпеть самое неприятное. Все подряд сочли себя обязанными шарахнуть ее по плечу или по спине и заявить, какой она «мужик». Нэссу досталось не меньше, и он тяготился этим так же, как Проклятая. Гийян в мгновение ока стал героем. Впрочем, и Кальн не остался обделен вниманием и похвалами.

Живр много раз восторженно заявлял всем и каждому, что будет рассказывать об этом на ре внукам...

За последующие дни история успела обрасти легендами. Каждый второй в отряде «видел» сияние небес, а говорливый Лук, кажется, «слышал» хрип умирающего Чахотки. Живр — мерзкий, воняющий козлом мужлан — по сотому разу рассказывал, что первым почувствовал дым.

Проклятой было интересно, как поведут себя ее «братишка» и обе «сестрички», когда узнают о столь существенной потере. Этот год стал очень неудачным. Из Шести осталось лишь четверо.

Дочь Ночи понимала, что у Империи появляется все больше и больше шансов выстоять в этой войне или хотя бы затянуть ее на неопределенный срок. Хотя, если быть честной с самой собой, она не верила, что даже теперь Ходящие сумеют противостоять Митифе, Аленари и Лею, объединившим силы.

Впрочем, Тиф интересовало совсем другое. Она была рада, что Шен начал учить дуреху Рону. Теперь в Ходящей жили светлая и темная «искры» и, следовательно, ее тело сделалось способно выдержать дух Тиа. «Правда, Целителю совершенно ни к чему догадываться, будто я рассчитываю на это», — частенько повторяла про себя Убийца Сориты. Проклятой казалось, что, несмотря на все неудобства, лишения и трудности, ей все равно сопутствует удача.

Она выживет. И вновь возвысится.

Трижды! Четырежды проклятый Целитель! Иногда ей начинало мерещиться, что тот водит ее за нос. Про Лепестки он врал. Это неоспоримо. Она чувствовала запах обмана, видела, как ложь плещется в его бесстыжих голубых глазах. И мирилась с этим, хоть подобное и было непросто. Если мальчишку убьют...

Впрочем, о чем тут можно говорить? Со смертью Шена она лишится куда более важной вещи, чем творение Кавалара, — потеряет свое будущее.

Однако, судя по всему, пока мальчишка и правда не знал, как переселить ее в другую оболочку. Или же скрывал этот факт гораздо более удачно, чем ложь о Лепестках Пути.

Поэтому Тиф продолжала обучать его, иногда заставляя Рону присо-

единиться к ним. Девчонке следовало тренироваться, чтобы тело окончательно перестало бояться тьмы, иначе оболочка будет плохо подготовлена вместить дух Убийцы Сориты.

Но радостное событие переселения произойдет не скоро. Поэтому ей следовало продолжить возиться с жертвенным ягненком.

Время у Проклятой еще было.

ГЛАВА 4

После того как я убил Рована, все окружающие считали своим долгом уступить мне лучшее место для ночевки и дать побольше жратвы. Даже рыцари теперь слушали, что я говорю. Водер так и вовсе, едва завидев меня, расплывался в счастливой улыбке, словно я подарил ему новенький замок с приличными охотничьими угодами.

Меня это порядком доставало. Быть героем — хуже не придумаешь. Разумеется, я оказал миру услугу. Но вовсе не ради того, чтобы со мной все носились.

Впрочем, на высоте ребята немного поостыли и занялись более насущными делами.

Нам приходилось туго. Еда заканчивалась. От холода спасали только носители «искры». Почти неделю мы ковлялись по плато, и, по-моему, именно так должна была выглядеть Бездна.

Спустившись с высоты перевала, отряд оказался в долинах и теперь медленно продвигался между скованных прозрачным льдом озер. По словам северянина, большая часть пути осталась позади, но шагать в таком темпе до конечной точки нам было еще от трех недель до месяца.

Даже дураку становилось понятно, что добраться до северных предгорий к началу зимы мы никак не успеваем.

— Да какая нам разница?! — услышав мои размышления, заметил Шен на одном из привалов, забирая у меня из рук нож. — Вокруг и так зима. Посмотри, сколько снега.

— Просто ты никогда не был в горах, — сказал Га-нор. — Уже сейчас больше половины троп завалены. До весны пробраться по ним невозможно.

— Зимой снега навалит с вон ту ель, лопни твоя жаба, — включился в разговор Лук, без всякого аппетита грызя холодную, сильно пережаренную полоску мяса. — Если не больше. И лавиной накрыть может. Как ты в ней будешь барахтаться? Нет, зима здесь — это зло. Особенно когда жиле в Бездна знает скольких лигах отсюда.

— До жилья не так далеко, как ты думаешь. — Га-нор, щурясь, посмотрел на вершины. — На Горячей полосе есть несколько хуторов. Но они заднее нашего пути.

— Значит, вновь не видать мне шафа? — опечалился стражник.

— Вряд ли он у них есть. Люди здесь живут дикие. Промышляют охотой и враждуют с чусами. Горцы иногда заходят в эти ущелья.

— Мы не будем сворачивать,— сказал милорд Рандо.— Лишний крюк в пять лиг для нас невозможен. Об остановке в местных поселениях станем думать, если не сможем идти дальше и придется возвращаться.

Неприятность случилась, когда мы миновали последнее из озер, самое маленькое, по форме похожее на баранью голову, и двинулись вдоль скал, обходя стороной неопрятную заснеженную рошу.

Над моей головой сухо треснуло, брызнули мелкие камешки, раздались предупреждающий окрик, и через уну огромная ледяная глыба прилетела откуда-то сверху, рухнув на ехавшего впереди Тиома. Потом посыпался снег, на несколько ун скрывший все от глаз, но и так было понятно, что от болтуна и его лошади осталось лишь мокрое место.

А затем я увидел лежащую на земле Тиф. Вокруг ее головы расплывалось красное пятно. Шен с Роной уже были рядом с Проклятой и склонились над неподвижным телом. Жрец стоял за ними, тихо шепча молитву и явно собираясь отпустить Дочери Ночи грехи, чтобы отправить ее торной дорожкой в Счастливы сады, даже не предполагая, насколько она там никому не нужна.

Га-нор крикнул, что возможен еще обвал, и Рандо немедленно приказал всему отряду быстро ехать вперед. До открытой местности, подальше от скал.

К моему удивлению, голова Убийцы Сориты не превратилась в лепешку. Шен с окровавленными руками мельком взглянул на меня и буркнул:

— Капюшон, шапка и повязка смягчили удар.

— Толку-то? Не жилец,— с сожалением сказал Лук.— Башку ему все равно пробило. Вон как льет. Не остановишь теперь, лопни твоя жаба.

— Проваливай,— без всякой злости велел я стражнику.— Может еще что-нибудь упасть.

— А вы? — Он хотел уйти, но, как и Га-нор, не желал оставлять нас.

— Мы справимся без вас,— сказала Рона.— Вы только мешаете.

Это решило дело, и рыжий вместе с приятелем отправились нагонять отряд.

— Отор, тебя это тоже касается,— заметил я, слезая с седла.

Он посмотрел на меня с иронией:

— Я хотел бы остаться. Возможно, Порку нужно покаяние.

— Вот уж что ему точно не нужно,— хмыкнул я.

— Оставь нас. Пожалуйста,— попросила Рона.

Ходящей жрец возражать не стал и, пробормотав, что помолится за умирающего, ретировался.

Над нами слабо мерцал прозрачный купол — сверху все еще сыпалось мелкое крошево, и Рона попыталась обезопасить нас. Я покосился на огромную глыбу, из-под которой торчали задние ноги раздавленной

лошади. Будем надеяться, если на нас рухнет нечто подобное, щит Ходящей выдержит.

Шен возился с раненой. Движения у него были уверенными, но на лице появилось сомнение. Рона молчала, прижимая к ране Тиф рваный кусок ткани. Недалеко от Убийцы Сориты лежал камень величиной с три кулака, который и дал ей по башке. Мне оставалось лишь удивляться, что она все еще дышит.

— Столь нелепая случайность, жалкий булыжник отправит Проклятую в могилу? — недоверчиво произнес я.

— Видимо, да, — пробормотал Шен. — Костные осколки проникли в мозг. Все очень плохо. Она протянет лишь около нара, даже если я полностью остановлю кровотечение.

— Провидение наконец-то решило наказать ее за грехи, — сказала Рона.

Эти слова прозвучали без мстительного удовлетворения, но, впрочем, сожаления в них тоже не чувствовалось.

— Вы, ребята, как понимаю, не собираетесь ей особо помогать? — Я покрутил пальцем в воздухе и уточнил персонально для Шена: — Дар Целителя и все такое.

— А ты бы хотел этого? Хотел, чтобы она жила? — без вызова и очень устало спросил он.

Рона, между пальцами которой все еще сочилась кровь, внимательно посмотрела на меня.

— Не слишком, — признался я. — Положа руку на сердце, ей самое место в Бездне. Так что я полностью разделяю ваше мнение в этом вопросе.

— Но?.. — тихо продолжила Ходящая.

— Но вы, как и я, должны понимать, что она нужна нам всем. Вам еще учиться и учиться. Проклятая — единственная из ныне живущих, кто сможет дать вам знание. А это бесценно. К тому же у меня есть и личный интерес — она поможет мне справиться с теми, кто замешан в смерти Лаэн.

Шен мрачно кивнул, признавая правоту моих слов, но по-прежнему колебался. Тогда я привел еще один весомый аргумент:

— К тому же когда тело умрет, неизвестно, что станет с ее духом. Вы двое — отличное вместилище для такой, как она. Что, если Убийца Сориты перепрыгнет в Рону?

— Ерунда. Чтобы переместиться, нужно определенное плетение. Я его не знаю. У нее нет никаких шансов.

— Надо принимать решение, Шен, — тихо сказала Рона. — Ее время на исходе.

— Знаю, — буркнул тот, и вокруг его рук вспыхнуло солнечное сияние. — Знаю. Когда я пожалею об этом, Нэсс, напомни мне, что я просто не хотел, чтобы у меня на руках умирал человек. Даже такой отвратительный, как она.

— Ты все сделал правильно,— сказал я ему вечером.

— Возможно,— неохотно отозвался он.— И я очень надеюсь, нам не придется расплачиваться за то, что оставили ее в живых.

— Время покажет, малыш.

— Может, хватит меня называть малышом?! — окрысился Шен.— Это уже порядком достало!

Я внимательно посмотрел на него, хлопнул по плечу и усмехнулся:

— Рад, что ты вырос.

Он недоверчиво кивнул:

— Ну-ну. В смысле — хорошо. Кстати, давно хотел сказать... — Целитель прочистил горло.— Я горд, что знаю человека, избавившего мир от Чахотки.

— Оставь! — отмахнулся я, сбрасывая с головы капюшон и подставляя лицо морозному ветру.— Давай хотя бы ты не будешь делать из гийяна героя.

— Не каждый осмелится так рискнуть.

— Да не было особого риска.— Я пожал плечами.

— Вот. Держи.— На его облаченной в перчатку руке лежал белый наконечник.— Предпоследний. Вдруг ты еще кого-нибудь из них встретишь.

Я с улыбкой забрал предложенное:

— Не думаю, что мне повезет дважды. Но нашей хорошей знакомой не помешает дополнительный намордник. Как она?

— Без сознания. Кости встали на место, внутренних повреждений, кажется, не осталось, но крови она потеряла достаточно.

— Выживет?

Он хмыкнул:

— Она цепляется за жизнь крепче, чем кошка. Будет в порядке через несколько дней. Главное, чтобы у нее в голове чего-нибудь не щелкнуло. Хуже Проклятой может быть только сумасшедшая Проклятая.

— Если она будет бегать, хохотать и швыряться огненными шариками — я ее пристрелю,— серьезно сказал я.

Он так же серьезно кивнул и ушел к Роне.

На следующий день никаких улучшений в здоровье Убийцы Сориты не произошло. Она все так же находилась в беспамятстве, и у нее началась сильная лихорадка.

Шен хмурился и каждый нар лечил ее золотым светом. В отряде быстро разнеслась весть, что с ними Целитель, а не Огонек, и, похоже, каждый теперь надеялся, что его запросто вылечат от любой хвори, а главное — от ран. Чудесное спасение «Порка» обсуждали все.

Несмотря на состояние Проклятой, мы не могли задерживаться — дорога была каждая минка. С перевозкой, естественно, возникли затруднения. Тропа оказалась слишком узка, чтобы две лошади шли бок о бок, так что положить между ними импровизированные носилки с «больным» не представлялось возможным.

Волокуши тоже отпадали как вариант: тропы слишком неровны и каменисты — того и гляди, конструкция развалится.

Милорд Водер предложил привязать «Огонька» к седлу и считал это единственным разумным вариантом.

Гбабак вызвался нести больного на руках.

Поначалу все отнеслись к предложению блазга с сомнением. Но тот оказался настойчив, а лекарь не возражал — и это решило дело. Квагер без всякого напряжения тащил Убийцу Сориты во время дневных переходов.

Йе-арре стали нашими спасителями в пути и, несмотря на суровый мороз, частенько поднимались в воздух, заранее сообщая нам об обвалах и разрушенных тропах. Благодаря им мы не теряли времени на поиск новых дорог и довольно быстро подошли к Горячей полосе.

Снежные вершины здесь были не ниже венчавших центральный хребет Катугских гор, но в отличие от тех, острых, похожих на клыки, эти оказались покатыми, часто двугорбыми. Говорят, в дни юности Хары эти скалы дышали огнем, как Грох-нер-Тохх в Брагун-Зане.

Теперь вулканы на Горячей полосе давно остыли, впрочем оставив после себя теплые целебные источники, минеральные озера и кое-где бьющие из-под земли фонтаны крутого кипятка.

Однако за все время, что мы шли по этой земле, наткнуться на подобный источник нам повезло лишь единожды. Разведчики заметили его издалека по белому пару, поднимающемуся над скалами. Я с интересом рассмотрел небольшую неглубокую лужу с желтоватыми камушками на дне и мелкими пузырьками на поверхности. Вода в ней оказалась достаточно горячей и совершенно невкусной. Юми с удовольствием выкупался, пища про собаку, а потом тряся, словно лист на ветру, пока Рона не высушила его теплым ветром своей «искры».

Снега в этой местности было гораздо меньше, и лошади уставали за день не так сильно, как прежде. Йалак, улыбчивый и общительный парень, быстро сдружившийся с Кальном и Луком, вернулся как-то под вечер и с мрачным видом сообщил, что видел Снежный клан в двух ущельях от нас, а вместе с ними — десяток Сжегших душу. Йакар и Йанар, ни слова не говоря, раскрыли крылья и, поймав ветер, поднялись над погруженными в сумерки горами.

— Принесла нелегкая! — пробормотал Водер.

— Что они здесь забыли? — Лартун хмурился.

— Возможно, ищут нас. Смерть Проклятого должна была их разозлить. — Дядя милорда Рандо встал во весь свой высоченный рост. — Нам следует выставить усиленные патрули.

Вернувшись, разведчики сообщили, что враги удалились на восток, не заметив отряд. Но все равно следующие дни мы были настороже, и это принесло свои результаты: летуны обнаружили в четверти лиги от нас большой, хорошо вооруженный отряд набаторцев.

— Около восьмидесяти человек. Следуют тремя группами. По двум

ущельям,— докладывал Йанар, тяжело дыша и дуя на замерзшие пальцы.— Идут прямо к нам. У них больше десяти стрелков, не считая арбалетчиков.

— А некроманты есть? — Рона была так же встревожена, как и все остальные.

— Ни одного человека в белой мантии я не увидел.

— Это ничего не значит.— Рандо с досадой ударил кулаком по ладони.— Колдун должен быть! Без него они никогда не выследили бы нас.

— Не обязательно, милорд.— Га-нор шурился от яркого солнца.— Опытный следопыт найдет врагов не хуже. Клянусь Угом. Пусть отпечатки занесло снегом, но сломы на ветках, пеньки от срубленных для костров деревьев остались.

— Похоже, лишившись Чахотки, они действительно очень расстроились.— Кальн сплюнул в снег.— Забраться в такую дыру!..

— Если дело только в Проклятом,— пожал могучими плечами Водер.

— А в чем же еще? Какой Бездны им делать зимой в горах?

Водер хрустнул пальцами и взялся за молот:

— Мы сможем обойти их?

Йе-арре с сомнением покачал головой:

— У каждого южанина запасная лошадь. Менее уставшая, чем наши.

И они их лучше кормят. Гонку мы не выиграем.

— Верно,— кивнул сын Ирбиса.

— Га-нор, ты сможешь запутать следы?

— Нет. Снег свежий. И нас слишком много.

— Значит, будем сражаться.— Старый медведь посмотрел на племянника.— Больше ничего не остается.

— Мы поможем! — решительно сказал Шен, и Рона повела плечами, словно озябнув от ветра.

Рандо кивнул, показывая, что принял эти слова к сведению.

— Йанар, вам придется разведать дорогу. Следует найти подходящее место для боя.

— Я знаю такое место.— Га-нор, собравшийся было идти вперед, остановился.— Оно будет через лигу. Вон за той вершиной, прямо над серебряными шахтами. Там два ущелья сходятся в одно и стоит старая крепость вроде той, что мы штурмовали, но больше и в лучшем состоянии. Она перекрывает дорогу к следующему перевалу. Когда-то здесь был пропускной пункт, серебро вывозили на север через нее. Но шахты вырабатывали еще до Скульптора, и, как только Ходящие перестали за ними смотреть, их затопила горячая вода. Теперь ущелья давно одичали, но цитадель осталась.

— Никогда не слышал о ней,— нахмурился Лартун, но в его глазах вспыхнула надежда.

— В горах много заброшенных и никому не нужных укреплений. Что в этих, что в Самшитовых,— сказал я.— Посмотрим, на что годятся старые камни.

Йакар распахнул крылья и улетел в указанном Га-нором направлении. Мы подгоняли лошадей, но это не слишком помогало. Дорога испортилась настолько, что мне стало казаться удивительным, как нас до сих пор не догнали.

Йе-арре вернулся через нар, отправив своих младших родичей следить за южанами.

— Там целый замок, милорд Рандо.

— Ворота целы?

Это был самый главный вопрос.

— Нет, милорд. Петли заржавели. Веревки истлели, одна створка еле держится. Боюсь, сдвинуть их не удастся. Но зато там есть «флейта»¹. И она на цепи, хоть и рыжей от ржавчины.

— Уже что-то. Мост?

— Цельный. Не поднять. Но узкий.

— Отлично.

— Ехать придется всю ночь,— заметил йе-арре.

Рыцарь кивнул:

— Поспешим.

Оба летуна, уставшие, едва ворочающие языками, вернулись лишь через два нара после того, как стемнело. Они долго кружили над самой землей, чтобы отыскать отряд, и едва нашли нас. Если бы не тихое ржание лошади Порка, неизвестно, сколько еще йе-арре мотались бы в воздухе.

Пришлось сделать краткий привал, во время которого Шен лечил братьев от обморожений, полученных на высоте из-за ледяного ветра.

Новости оказались неутешительными.

Набаторцы наступали нам на пятки и находились в трех-четыре нарах позади отряда. Южане взяли след и гнались за отрядом без остановок до тех пор, пока не наступили глубокие сумерки. Еще хуже обстояли дела в ущелье, расположенном параллельно нашему. Набаторцы, находящиеся там, не собирались останавливаться и пытались обойти нас. Если это произойдет, мы попадем между молотом и наковальней.

Все понимали, что допустить окружения нельзя ни в коем случае. Пришлось бросить кратковременный привал и спешно двинуться вперед.

Ночь оказалась кошмарной. Небо затянули облака, скрыв звезды и луну. Сразу стало темно, словно весь свет пожрал огромный гов. Наша, и так небольшая, скорость совсем упала, и Рона, уставшая оттого, что находилась в седле почти сутки, зажгла шесть маленьких, не больше апельсина, желтых шариков, распределив их по отряду. Они давали очень скуд-

¹ Флейта — кованая решетка или же полые заостренные трубы, используемые вместо нее. Опускалась после закрытия ворот и использовалась как дополнительное защитное укрепление.

ный свет, но этого вполне хватало, чтобы не терять время на поиск тропы.

Пошел снег. Он сыпал, словно горох из горшка с отколотым дном. Люди и лошади выбивались из сил. Рандо носился из начала колонны в конец, подбадривая бойцов. Пытался шутить, получалось неважно, но воинам становилось легче.

За нар до рассвета снегопад усилился, где-то далеко позади сверкнуло, и через несколько ун до нас долетел отдаленный гул.

— Попались,— улыбнулась Ходящая, отвечая на встревоженные взгляды.— Кто-то из них угодил в мою ловушку. А я уж думала, что зря потратила силу.

Едва небо чуть побледнело, йе-арре отправились в полет. Но почти сразу же вернулись — ветер едва не переломал им крылья. К рассвету отряд обогнул отроги горбатого снежного великана, откуда до нашей цели оставалось не больше четверти лиги.

Спрятавшаяся под снегом тропа раздваивалась. Одна ее половина уходила налево, в соседнюю долину. Другая, нужная нам, неожиданно расширялась, превращаясь в некое подобие старой разбитой дороги, и бежала прямо вверх, никуда не сворачивая. Горы впереди сдвигались точно так же, как и возле сторожевой башни на выходе к Лестнице Висельника. Вот только склоны здесь были не такими отвесными.

Милорд Рандо, приложив ладонь козырьком ко лбу, пытался различить крепость, но она была где-то там, за белой пеленой.

Йалак, все-таки решившийся на полет, распростав крылья, упал с небес, и снежинки закрутились вокруг него, а затем бросились врассыпную.

— Они близко! — крикнул летун.— Не больше десяти минок! Торопятся, как только могут!

— Заберри меня Уг! — зарычал Га-нор.

И началась бешеная скачка.

Все вокруг было белым. И земля, и небо, и горы. Лошади тяжело дышали и довольно скоро перешли с галопа на рысь, а потом на быстрый шаг. Дорога пошла на подъем, изогнулась змейкой, попала на язык ледника. Водер нагнал племянника и крикнул:

— Не успеваем!

— Вижу!

— Кому-то придется их задержать!

Ярдов через сто путь сузился до едва заметной тропы. На краю обрыва стояли плохо обтесанные базальтовые блоки — свидетели постройки серебряных шахт. Где-то внизу непокорно шумела река. Впереди наконец стали различимы очертания крепости.

— Дядя! — Рандо спрыгнул с коня.— Бери отряд — и к замку! Мы постараемся задержать их как можно дольше! Подготовьтесь к обороне! Проверьте ворота!

Я, не ожидая, когда меня назовут, взял из сумки запас стрел, передал

лошадь на попечение Живра и начал натягивать тетиву. Двух лучников и пары мечников достаточно, чтобы сдержать прорвавшихся. Остальные все равно будут лишь мешать. Если йе-арре правы и там полно стрелков, рубаки в слабых латах станут бекасами в поле охоты.

— Я не поведу отряд в крепость, — возразил Водер. — Там нужен ты. И сам это знаешь. Мне лучше остаться здесь, моя броня самая крепкая.

Подумав несколько мгновений, рыцарь неохотно кивнул, и Водер, повеселев, взялся за щит и молот.

— И я остаюсь, — сказал Га-нор.

— Ты хороший боец, — улыбнулся старый медведь. — Буду рад.

В итоге нас стало пятеро. Я, Кальн, милорд Водер, Га-нор и Юми. Зачем вейя напросился — я не слишком понимал, но парень так свирепо кричал о собаке и так грозно скалил зубы, что мы решили с ним не спорить. Он, несомненно, знал, во что ввязывается.

Сдерживать врагов порывались и йе-арре, но никто им не позволил этого. Летуны так же ценны, как и носители Дара. Благодаря их крыльям мы знаем местность, и рисковать жизнями этих ребят — преступление. По той же причине пришлось отказаться от Ходящей с Целителем. Скоро начнется бой под стенами, и помощь их «искры» понадобится там. Однако Рона все равно не удержалась и поставила ловушку, предупредив, чтобы никто из нас не возвращался обратно дальше, чем на двадцать ярдов.

Мы с Кальном забрались на второй ряд огромных базальтовых ступеней. Я — чуть ниже, он — чуть выше, сразу за мной. Впереди, за каменной грядой, спрятались северянин с рыцарем. Они должны были сдерживать тех, кто решит до нас дотянуться.

Юми был с ними, но сидел на виду, и по вздыбленной шерсти можно было понять, что сражаться он собрался до конца.

— Вот так, собака!

— Держи. — Я передал Кальну стрелы. — Не трать понапрасну.

У меня осталась всего дюжина в колчане и еще два десятка в тяжелом свертке.

Ветер был скверный. Хотя дул от нас, но казался слишком капризным. Да и начавшийся снегопад ограничивал видимость.

И вновь, так некстати, я вспомнил минку, когда стрелял в Ходящую, а затем — день, когда пахло горькой полынью и нещадно пекло солнце. Тогда мы стояли на флейте Алистана, поджидая набаторских всадников...

История повторяется, только и время, и место другие.

Враги появились из белой круговерти холодных мотыльков, словно призраки. На взмыленных, дышащих паром лошадях. Прижимающиеся к гривам, стремящиеся к цели. Я беззвучно шевелил губами, считая фигурки. Пять, десять, двенадцать, восемнадцать, двадцать четыре.

Приглядевшись к тем, кто скакал впереди, я выругался.

ГЛОССАРИЙ

Алая Палата (Алый Орден) — подчиняется Наместнику. Заклинатели-демонологи, входящие в состав Ордена, борются с прорвавшими реальность мира Хары созданиями Бездны, а также с духами и призраками. В отличие от Ходящих заклинатели не обладают «искрой», и их умение основывается на ритуальной магии, эликсирах, формулах и символических рисунках. Глава Алых — магистр Ордена.

Альсгара — крупнейший город южной части Империи. Основан более тысячи лет назад на скалистом уступе недалеко от Устричного моря. Основной рост и развитие получил при Скульпторе, который отстроил два крупных храма Мелота, три первых кольца крепостных стен, Башню Ходящих, подземные катакомбы для стока вод, дворец Наместника и многое другое.

Бездна — по поверьям мира Хары, именно сюда попадают души грешников. Населена демоническими созданиями, которые порой умудряются прорваться во «внешние миры». Именно Бездна дает «тепло» «искрам» тех, кто обратился к темной стороне Дара.

Блазги — раса, живущая в Великих блазгских болотах на юге Империи. Большая часть блазгов никогда не покидает родину и крайне редко приходит в человеческие города.

Блазги считаются отличными бойцами. Во время Войны Некромантов они встали на сторону Империи и сформировали Болотный полк, ставший одним из самых эффективных и боеспособных подразделений Второй Южной армии. Имеют отталкивающую внешность, человеческая речь для них очень трудна, поэтому овладевают ею лишь единицы.

Блазги проходят несколько степеней развития. Период младенчества — неразумные лигины, похожие на огромных плотоядных головастики. Лягушата — период детства. Сийри — период юношества, когда все особи имеют одинаковый (женский) пол. В конце этого жизненного отрезка у половины сийри происходит трансформация в мужские особи. Далее следует период весали — распределение мужских молодых поло-

возрелых особей по кастам: рабочие, строители, охотники, воины, жрецы, руководители, воспитатели, торговцы, вершители и говорящие с Квагуном. Каста воинов носит название Кваг.

Болота Эрлики — расположены за Катугскими горами и занимают обширные территории на востоке северной части Империи. Знамениты тем, что именно в них во время Войны Некромантов, вместе со своей армией, погибла одна из Восьми Проклятых — Гинора.

Брагун-Зан (Мертвый пепел) — каменистые пустоши на севере Империи. Здесь произошло одно из решающих сражений в Войну Некромантов. Номинально входят в состав страны, хотя живущая здесь раса нирит считает себя свободным народом. Центром Брагун-Зана является Грох-нер-Тохх (Громкопоющая гора) — спящий вулкан.

Великая Пустыня — огромная территория за Сдисским королевством.

Великий упадок — период времени между смертью Скульптора и Войной Некромантов. Занял около пятиста лет. Именно в эти века Ходящие потеряли множество секретов Искусства и лишились возможности создавать новые плетения.

Война Некромантов — война, разразившаяся после Темного мятежа и захватившая весь юг и часть севера Империи. Армия Проклятых сражалась против армии Империи и Ходящих. К магам-отступникам присоединились Сдис и Набатор. Война длилась пятнадцать лет и полностью обескровила юг страны.

Итогом борьбы стало поражение Шести (одной из причин проигрыша послужила гибель Холеры). Они ушли в Сдис, а затем за Великую Пустыню. Империя, в свою очередь, потеряла территории за Самшитовыми горами, которые отошли Набаторскому королевству.

Воронье Гнездо — мощная крепость, защищающая дорогу на Альсгару с востока.

Врата Шести Башен — неприступная цитадель, перекрывающая единственный проходимый перевал в западной части Самшитовых гор. Это самый удобный путь в Империю с юга. Крепость отстроена Скульптором около тысячи лет назад. Ни разу не была взята штурмом.

Высокородные — раса лесных жителей — эльфов, живущая в лесах Сандона и Улорона. Несколько веков Высокородные воевали с Империей за восточную часть Самшитовых гор и перевалы, ведущие на

юго-восток в Необжитые земли. Череда войн закончилась тем, что эльфы были изгнаны вначале из Улорона, затем взяты в кольцо в Сандоне и разгромлены на Гемской дуге. Королю Высокородных — дельбе Вакэ — пришлось подписать мирный договор, хотя некоторая часть Домов этого племени была против союза с Империей.

У Высокородных семь Великих Домов: Дом Земляники (в данный момент Правящий), Дом Росы, Дом Ивы, Дом Тумана, Дом Бабочки, Дом Лотоса и Дом Искры. В каждый Дом входит пятьдесят Высокородных семей.

Эльфы считают стрельбу из лука недостойной мужчины, поэтому этим оружием у них пользуются только женщины (Черные лилии).

Вышестоящие — название колдунов-некромантов Восьмого круга, самых сильных магов Сдиса. Вышестоящие держат в своих руках всю власть над страной, подчиняясь лишь Проклятым.

Гаш-шаку — второй по величине город южной части Империи. Родина Скульптора, построившего здесь оборонительные укрепления. Именно поэтому некоторые называют его городом Кавалара.

Гемская дуга — название местности недалеко от Сандона, где произошло последнее крупное сражение между людьми и Высокородными, закончившееся победой Империи и подписанием мирного договора между двумя расами.

Герка — город в Самшитовых горах. Был оставлен во времена Войны Некромантов. Номинально до сих пор принадлежит Империи, хотя вот уже пять веков является заброшенным.

Гийян — мастер-убийца. Слово произошло от блазгского «гийянджа ггаррат танда» — «убийца, которому платят награду».

Дети Ирбиса (сыны Ирбиса) — название одного из семи кланов северян, живущих в Лыдистых землях, на севере Империи. Кроме клана Ирбисов, существуют кланы: Снежных Белок, Медведей, Сов, Куниц, Лосей, Волков.

Избранный — человек, прошедший Круг некромантов — магическую школу Сдиса.

Йе-арре — раса крылатых существ, попавших в земли Империи по-

сле того, как часть их племени превратилась в Сжегших душу. Раньше жили за Великой Пустыней.

Йе-арре в течение многих веков живут с людьми бок о бок. Ткани, созданные этим племенем, высоко ценятся во многих странах, и именно благодаря этому товару Сыны Неба преумножают свое богатство.

Книга Призыва — главная книга заклинателей, в которой собраны основные заклятия по борьбе с демонами.

Круги Сдиса — школа некромантов Сдиса. Состоит из восьми кругов. Последний считается высшим. Колдунов, дошедших до него, Проклятые берут в ученики.

Лепестки Пути — созданные Скульптором порталы, способные перемещать людей на немислимые расстояния за несколько мгновений. Порталы могут активировать только опытные Ходящие. Скульптор до самой смерти не раскрыл секрета создания Лепестков, и больше никто из магов не сумел сотворить новые порталы.

Считается, что во время Темного мятежа Мать Ходящих, Сорита, усыпила центральный портал, а вместе с ним и остальные порталы — и с тех пор они перестали действовать. Все попытки «разбудить» их оказались безуспешны.

Лес Видений — дикие земли на границе Болот Блазгов и Самшитовых гор. Практически не исследованы людьми.

Лесной край — территория от Болот Блазгов до восточных отрогов Самшитовых гор, занимающая большую часть юга Империи.

Лестница Висельника — создана за триста лет до рождения Скульптора магами прошлого. Кавалар изменил и усовершенствовал ее, создав рукотворный перевал через Катугские горы в виде узкой лестницы с огромным количеством ступеней и укреплений. Ведет на север Империи из южных областей.

Морт — порождение магии колдунов Сдиса. Создания не живые, но и не мертвые, собственноручно отрубают себе нос, уши, язык и наносят на лицо уродливые шрамы. О жестокости, живучести и изворотливости мортов ходят легенды. В землях Империи эти существа не появлялись со времен Войны Некромантов.

Морассия — страна, славящаяся на весь мир Хары своими мастерами-оружейниками, а также ювелирами и изобретателями.

Набатор — большое и сильное королевство за Самшитовыми горами. Враждует с Империей за ее юг, который на заре времен принадлежал Набатору.

Нириты — раса, обитающая в Брагун-Зане. Поклоняется горе Грох-нер-Тоох. Довольно лояльно относится к людям, хотя и не признает себя подданными Империи. Ниритами правит королева, которую называют Зан-на-кун (Пепельная дева).

Огоньки — маги, использующие светлый Дар. В отличие от Ходящих неспособны создавать сложные плетения заклинаний и управлять Лепестками Пути. Однако умеют передавать жар «искры» другим магам, тем самым усиливая их.

Окни — большой город, находящийся между Катугскими горами и Перешейками Лины.

Перешейки Лины — две каменистые тропы, проходящие через Болота Шетта. Естественная преграда к Лестнице Висельника и Окни, охраняющая юго-восток Империи.

Повелители — так называют Проклятых колдуны Сдиса.

Приграничный край — территория между Империей и Набатором. Считается землями Набатора, но из-за огромного количества говов, населяющих этот участок Самшитовых гор, не обжита.

Проклятые — восемь Ходящих-мятежников, уцелевших после Темного мятежа. Корь — Митифа Данами (Серая Мышка, Тихоня, Дочь Утра, Стилет Востока, Убийца детей). Лихорадка — Ретар Ней (Альбинос, Старший). Оспа — Аленари рей Валлион (Палач Зеркал, Звездно-рожденная, Сестра Сокола). Проказа — Тальки Атруни (Отравляющая Болото, Мать Тьмы, Дарующая жизнь, Мрак Пустыни). Тиф — Тиа ал'-Ланкарра (Убийца Сориты, Дочь Ночи, Скачущая на Урагане, Пламя Заката, Клинок Юга). Холера — Гинора Рэйли (Бич Войны, Лисичка, Рыжик, Рыжая). Чахотка — Рован Ней (Владыка Смерча, Сын Вечера, Топор Запада). Чума — Лей-рон (Несущий свет).

Рейнварр — самый большой лес Империи, расположен на северо-востоке, за Катугскими горами, недалеко от болот Эрлики.

Сандон — леса на востоке Империи, у Самшитовых гор, населенные Высокородными.

Сжегшие душу (шей-за'ны) — народ, родственный йе-арре. Живут за Великой Пустыней и являются непревзойденными лучниками. По легендам Сынов Неба, шей-за'ны пошли против своего бога, именуемого у этих народов Танцующим, и были наказаны. У них отобрали души и крылья.

Скульптор — Кавалар, величайший маг в истории Хары.

Сорита — Мать Ходящих, погибшая во время Темного мятежа.

Счастливые Сады — по поверьям мира Хары, в них уходят души праведников. Именно из Садов черпают силу для своих «искр» носители светлой стороны Дара.

Темный мятеж — был поднят группой Ходящих, желавших изменить правила обучения и владения магией. После мятежа восемь уцелевших магов-отступников стали именоваться Проклятыми.

Улорон (Страна Дубов) — первая родина Высокородных, леса у Катугских гор, отвоеванные Империей у этой расы и возвращенные после заключения мира в обмен на восточную часть Самшитовых гор и Восточные земли.

Хилсс — посох некроманта. Этот магический артефакт получается в результате череды сложных ритуалов и является полумертвой-полуживой вещью, магия которой пробуждается, только если ее владелец «связывает» свою душу с посохом и отдает ему часть Дара и жизненных сил. Набалдашник посоха создан в виде черепа, в точности копирующего череп того, кто управляет хилссом в данный момент.

Ходящие — маги, использующие светлую «искру». По мастерству плетения заклинаний значительно превосходят Огоньков. Также умеют управлять Лепестками Пути, но не могут передавать часть жара от своей «искры» другим.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКАТЕЛИ ВЕТРА	7
ВЕТЕР ПОЛЫНИ	297
ЖНЕЦЫ ВЕТРА	551
ИСКРА И ВЕТЕР.	823
Глоссарий	1140
<i>Кирилл Савельев. Из искры возгорится мир. О тетралогии</i> <i>Алексея Пехова «Ветер и искры» . . . . .</i>	1146